E-ISSN 2713-0622

РОССИЙСКИЙ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Russian Journal of DEVIANT BEHAVIOR

Scientific and Theoretical Issues

ТОМ vol. 6 № 3 / 2026

РОССИЙСКИЙ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 6 № 3
2026

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues
Vol. 6 № 3
2026

Российский девиантологический журнал
Научно-теоретический журнал
Том 6 № 3 2026

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

– способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;

– знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;

– публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;

– поддерживать молодое поколение ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК (К3) при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования

5.8.7. Методология и технология профессионального образования

С 2025 года включен в «Белый список» научных журналов (2 уровень).

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – А. Н. Великих, Г. Н. Голядкин.
Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)
Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.
Журнал издается с января 2021 года.
Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала –
Санкт-Петербургского университета МВД России.
Периодичность – 4 номера в год.
Сайт: https://russianjournaldeviantbehavior.ru
E-mail: rusjdb@list.ru
Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1
Тел. +7 (812) 730-26-96

© «Российский девиантологический журнал», 2026.

Russian Journal of Deviant Behavior
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 6 № 3 2026

"Russian Journal of Deviant Behavior" is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal "Russian Journal of Deviant Behavior" publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

– to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;

– the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior

– the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics
5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
5.3.9. Legal psychology and security psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Since 2025, it has been included in the "White List" of scientific journals (level 2).

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal "Russian Journal of Deviant Behavior" is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – A. N. Velikikh, G. N. Golyadkin.
Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)
Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.
The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Frequency - 4 issues per year.
Website: https://russianjournaldeviantbehavior.ru
E-mail: rusjdb@list.ru
Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206
Phone +7 (812) 730-26-96

© "Russian Journal of Deviant Behavior", 2026.

Главный редактор

Реан А. А. – доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В. – доктор психологических наук, доцент, начальник управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, академик РАО (Россия, Москва)

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Редакционная коллегия

Енгалычев В. Ф. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной психологии, руководитель научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики государственного университета им. К.Э. Циолковского (Россия, Калуга)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. - доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника по научной работе – начальник научно-исследовательского центра Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Шихнабиева Т. Ш. – доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ "Институт содержания и методов обучения" (Россия, Москва)

Editor-in-chief

Rean A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department for the Organisation of Research, Editorial and Publishing Activities,Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Academician of the Russian Academy of Education (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Dozortseva E. G. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)

Engalychev V.F. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of General and Social Psychology, Head of the Research Center for Forensic Science and Criminalistics of the State University. K.E. Tsiolkovsky (Russia, Kaluga)

Zmanovskaya E. V. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)

Ilakavichus M. R. – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work at the St. Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Karayani A. G. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Kirillova T. V. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)

Kleimenov M. P. – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)

Kostromina S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Lelchitsky I. D. – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)

Pudovochkin Yu. E. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)

Rybnikov V. Yu. – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)

Sitnikov V. L. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Strelnikova Yu. Yu. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Teslenko A. N. – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)

Utyuganov A. A. – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of Research – Head of Research Center of the Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops (Russia, St. Petersburg)

Fedotov S. N. – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Khusainova S. V. – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)

Shestakov D. A. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)

Shikhnabieva T. Sh. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Content and Methods of Education (Russia, Moscow)

Содержание

Антропология девиантного поведения

Чухрова М. Г., Пронин С. В. Специфика девиантного поведения детей мигрантов..... 380

Психологические исследования девиантного поведения

Гайдамашко И. В., Климова Е. М. Разработка шкалы зависимости от искусственного интеллекта как фактора девиантности руководителя..... 392

Кокурин А. В., Поздняков В. М. Деструкции у подрастающего поколения под влиянием цифровой среды и ориентиры в обеспечении информационно-психологической безопасности..... 411

Кокурина К. Е., Кружкова О. В. Психологические аспекты принятия ИИ: обзор факторов доверия и особенностей взаимодействия человека и ИИ..... 429

Реан А. А., Коновалов И. А., Ставцев А. А. Проблемы девиантного поведения и агрессии в трудах академика В. С. Собкина. Памяти Ученого..... 446

Сомова Н. Л., Ундуск Е. Н. Психологическое благополучие подростков, склонных к девиантному поведению..... 459

Психолого-педагогические исследования и профилактика девиантного поведения

Прокофьева Е. Н., Шибанкова Л. А., Бубнова И. С. Детерминанты академической мотивации студентов в поле личностного аспекта человеческого капитала: зоны риска и профилактика девиаций..... 474

Правовое противодействие девиантному поведению

Го П., Юй Ц. Многоаспектный анализ и меры противодействия рискам правонарушений среди несовершеннолетних в условиях распространения коротких видеороликов..... 492

Криминологические исследования девиантного поведения

Берестовой А. Н., Цветков П. В. Субкультурные неформальные объединения: механизм формирования преступного поведения и его влияние на совершенствование уголовного законодательства..... 505

Чу З. В. Онлайн-похищения – решения по профилактике с точки зрения технологий..... 517

Корсаков К. В. Общее и частное предупреждение преступлений: телеологический контекст... 526

Обзоры и рецензии научных девиантологических публикаций

Харабет К. В. Современная российская девиантология. Социология девиантного поведения и социального контроля..... 538

Contents

Anthropology of deviant behavior

Chukhrova M. G., Pronin S. V. Specific characteristics of deviant behavior in migrant children..... 380

Psychological research of deviant behavior

Gaidamashko I. V., Klimova E. M. Development of a scale measuring depen-dence on artificial intelligence as a factor in managerial deviance..... 392

Kokurin A. V., Pozdnyakov V. M. Destructive behavior among the younger generation under the influence of the digital environment: Guidelines for ensuring information and psychological security..... 411

Kokurina K. E., Kruzhkova O. V. Psychological aspects of AI acceptance: a review of trust factors and specific characteristics of Human - AI interaction..... 429

Rean A. A., Konovalov I. A., Stavtsev A. A. Issues of deviant behaviour and aggression in the works of Academician V. S. Sobkin. In memory of the Scholar..... 446

Somova N. L., Undusk E. N. Psychological well-being of adolescents prone to deviant behavior.... 459

Psychological and pedagogical research and prevention of deviant behavior

Prokofeva E. N., Shibankova L. A., Bubnova I. S. Determinants of students' academic motivation within the personal aspect of human capital: risk areas and prevention of deviations..... 474

Legal counteraction to deviant behavior

Guo P., & Yu J. Multidimensional examination and responses to juvenile delinquency risks in the short-video media environment..... 492

Criminological research of deviant behavior

Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V. Subcultural informal associations: The mechanism of the formation of criminal behavior and its influence on the improvement of criminal legislation..... 505

Chu Z. V. Virtual kidnapping – preventive measures from a technological perspective..... 517

Korsakov K. V. General and specific crime prevention: a teleological context..... 526

Reviews and critiques of scientific deviantology publications

Kharabet K. V. Contemporary russian deviantology. Sociology of deviant behavior and social control. Announcement of a new academic study..... 538

Оригинальная статья

УДК 316.6 + 37.015.3

Специфика девиантного поведения детей мигрантов

Марина Геннадьевна Чухрова
Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирский государственный университет экономики и управления
(Новосибирск, Россия)
mbav3@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5389-5897

Сергей Владимирович Пронин
Новосибирский государственный университет экономики и управления
(Новосибирск, Россия)
pronin53@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2626-6021

Аннотация

Введение. Интенсификация миграционных потоков в Россию из стран ближнего зарубежья актуализирует проблему адаптации детей мигрантов к иной социокультурной среде. Данная категория детей сталкивается с множеством вызовов: культурной адаптацией, языковым барьером, социальной изоляцией, что создает риски формирования поведенческих девиаций. Цель исследования – выявление специфики девиантного поведения подростков-мигрантов из стран Средней Азии в сравнении с их сверстниками из принимающей среды. **Материалы и методы.** Эмпирическое исследование проведено на базе одной из школ г. Новосибирска. Выборку составили 80 подростков 14–15 лет: экспериментальная группа (40 подростков-мигрантов из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, проживающих в России не более 4 лет) и контрольная группа (40 подростков без миграционной истории). Использованы методики: «Диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения» (ДАП-П), методика «Склонность к девиантному поведению» (СДП) Э. В. Леус, опросник агрессии А. Басса и М. Перри в адаптации С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского; психологическое интервью. Статистическая обработка выполнена с применением U-критерия Манна–Уитни и коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена. **Результаты.** Выявлены значимо более высокие уровни физической агрессии, гнева и враждебности у подростков-мигрантов и высокие показатели по шкалам девиантного поведения. Обнаружена крепкая прямая корреляционная связь между интегральным показателем девиантного поведения и агрессивности. В процессе психологического интервью выяснилось, что большинство опрошенных не имеют друзей в классе, чувствуют себя чужими, обижаются на учителей и одноклассников за непонимание и насмешки. **Обсуждение.** Полученные данные подтверждают теоретическую модель, согласно которой девиантное поведение подростков-мигрантов детерминировано комплексом факторов, связанных с миграцией: культурным шоком, аккультурационным стрессом, состоянием этнической маргинальности, негативными межгрупповыми установками, а также несформированностью

© Чухрова М. Г., Пронин С. В., 2026

стратегий понимания в межкультурном диалоге. **Заключение.** Девиантное поведение подростков-мигрантов имеет качественную специфику, обусловленную кризисом идентичности и нарушением процессов социокультурной адаптации. Выявленные особенности обосновывают необходимость разработки специализированных профилактических программ.

Ключевые слова

девиантное поведение, подростки-мигранты, этническая маргинальность, аккультурационный стресс, агрессия, суицидальный риск, межгрупповые отношения

Благодарности

Авторы выражают благодарность администрации и педагогическому коллективу МБОУ СОШ № 1 г. Новосибирска, особенно педагогу-психологу Екатерине Дмитриевне Феденевой, за содействие в организации и проведении эмпирического исследования.

Для цитирования: Чухрова, М. Г., Пронин, С. В. (2026). Специфика девиантного поведения детей мигрантов. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 380–391.

Original paper

Specific characteristics of deviant behavior in migrant children

Marina G. Chukhrova
Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk State University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia)
mbav3@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5389-5897

Sergei V. Pronin
Novosibirsk State University of Economics and Management
(Novosibirsk, Russia)
pronin53@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2626-6021

Abstract

Introduction. The increase in migration flows into Russia from the the post-Soviet states **highlights** the issue of adapting migrant children to a different sociocultural environment. This category of children **faces** a number of challenges, including cultural adaptation, language barriers, and social isolation. **These challenges give rise to** risk factors for deviant behavior. The study aims to identify the specific characteristics of deviant behavior in adolescent migrants from Central Asian countries as compared with their peers from the host environment. **Materials and Methods.** The empirical study was conducted at a secondary school in Novosibirsk. The sample comprised 80 adolescents aged 14–15 years and was divided into two groups: an experimental group (40 adolescent migrants from Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Tajikistan residing in Russia for no more than 4 years) and a control group (40 adolescents with no migration background). The following research instruments were employed: the Diagnostic Questionnaire for the Identification of Susceptibility to Various Forms of Deviant Behavior (DAP-P); the Susceptibility to Deviant Behavior inventory (SDB) developed by E. V. Leus; the Buss-Perry Aggression Questionnaire adapted by S. N. Enikolopov and N. P. Tsibulsky;

and a psychological interview. Statistical analysis was performed using the Mann–Whitney U test and Spearman's rank correlation coefficient. **Results.** Significantly higher levels of physical aggression, anger, and hostility were revealed among adolescent migrants, along with elevated scores on the deviant behavior scales. A strong positive correlation was found between the integral index of deviant behavior and aggressiveness. The psychological interview revealed that the majority of the respondents had no friends in their class, felt like outsiders, and felt aggrieved by teachers and classmates for their lack of understanding and mockery. **Discussion.** The findings corroborate the theoretical model according to which the deviant behavior of adolescent migrants is determined by a complex of migration-related factors: culture shock, acculturative stress, a state of ethnic marginality, negative intergroup attitudes, as well as the lack of formed strategies of understanding in intercultural dialogue. **Conclusion.** The deviant behavior of adolescent migrants demonstrates qualitative specificity driven by an identity crisis and a breakdown in sociocultural adaptation processes. These findings provide a rationale for developing targeted prevention programmes.

Keywords

deviant behavior, adolescent migrants, ethnic marginality, acculturative stress, aggression, suicidal risk, intergroup relations

Acknowledgements

The authors express their gratitude to the administration and teaching staff of Secondary General Education School No. 1, Novosibirsk, particularly to the educational psychologist Ekaterina D. Fedeneva, for their assistance in organising and conducting the empirical study.

For citation: Chukhrova, M. G., Pronin, S. V. (2026). Specific characteristics of deviant behavior in migrant children. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 380–391.

Введение

Ситуация миграции для подростков из стран Средней Азии представляет сложный многоуровневый кризис, требующий мобилизации всех адаптационных ресурсов (Долгова & Дергачева, 2021). Современные исследователи, опираясь на типологию Р. Румбо, выделяют несколько групп детей-мигрантов в зависимости от возраста переезда. Наиболее уязвимыми являются представители «полуторного поколения» (поколение 1,5) – дети, переехавшие в возрасте от 6 до 12 лет, чья культурная идентичность уже частично сформировалась на родине и вынуждена трансформироваться под влиянием новой реальности. Подростки из «поколения 1,25» (переезд в 13–17 лет) сталкиваются с еще более серьезными вызовами, поскольку их ценностно-нормативная система в основном сложилась (Александров и др., 2012).

Процесс адаптации протекает на фоне мощного стрессогенного фактора – культурного шока, который для ребенка усугубляется возрастным кризисом. В. В. Гриценко и Н. Е. Шустова (2004) подчеркивают, что миграция порождает комплекс проблем: от психологических стрессов и кризиса идентичности до трудностей вживания в новую среду и повышенной конфликтности. У детей из семей мигрантов значительно чаще встречаются страхи (особенно страх наказания, характерный для традиционных культур Востока), тревожность, подавленность (Гриценко & Шустова, 2004).

Психологическое состояние подростка-мигранта можно охарактеризовать как состояние культурной раздвоенности (Soldatova & Shaygerova, 2002; Тихонова & Куфтяк, 2007). Как показывают качественные исследования, дети нередко испытывают мучительный выбор между ценностями родительской семьи и нормами принимающего общества. Эта внутренняя

борьба сопровождается чувством изоляции в группе сверстников, когда подросток не принимается ни в среде «своих» (из-за утраты культурных черт), ни в среде «чужих» (из-за сохраняющихся различий) (Долгова & Дергачева, 2021).

Кросс-культурные исследования выявляют специфические психологические особенности подростков из южных республик. Так, М. М. Мишина и К. А. Воробьева (2020) обнаружили у узбекских подростков высокие показатели по шкале лжи, повышенный стандарт нравственных оценок, а также доминирование стратегии избегания неудач в решении конфликтных ситуаций, в отличие от эмоционально-фокусированных копинг-стратегий у российских подростков.

Ключевым теоретическим концептом, объясняющим природу девиаций у мигрантов, выступает понятие этнической маргинальности, предложенное А. В. Сухаревым (2020). Этническая маргинальность описывает состояние личности, разрывающейся между двумя культурами, чьи отношения с миром утратили как этноинтегрирующую (связь со своей культурой), так и этнодифференцирующую (способность четко отделять себя от других) функции. Это состояние «между» культурами является мощным источником психической дезадаптированности, тревоги и фрустрации, что напрямую связано с ростом риска девиантного поведения (Бережанова, 2010; Сухарев, 2020).

Международные исследования подтверждают универсальность механизмов формирования девиантного поведения в разных культурах. А. Т. Вазсони и Л. М. Беллистон (Vazsonyi & Belliston, 2007) установили, что семейные процессы оказывают как прямое, так и косвенное влияние на девиантность через формирование самоконтроля, объясняя от 25 % до 36 % вариантов в девиантном поведении молодежи.

Цель настоящего исследования – выявление специфики девиантного поведения подростков-мигрантов из стран Средней Азии в сравнении с их сверстниками из принимающей среды.

Материалы и методы

Эмпирическое исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы № 1 г. Новосибирска. В исследовании участвовали две группы подростков в возрасте 14–15 лет. Экспериментальную группу (ЭГ) составили 40 подростков-мигрантов (выходцы из Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, проживающие на территории России не более 4 лет). Контрольную группу (КГ) составили 40 подростков, не являющихся мигрантами. Уровень владения русским языком у детей-мигрантов был достаточен для участия в исследовании. И те, и другие подростки состояли на внутришкольном учете как неоднократно нарушавшие дисциплину.

Для диагностики использованы следующие методики: диагностический опросник для выявления склонности к различным формам девиантного поведения (ДАП-П); методика «Склонность к девиантному поведению» (СДП), автор Э. В. Леус; опросник агрессии А. Басса и М. Перри (BPAQ) в адаптации С. Н. Ениколопова и Н. П. Цибульского[1]; а также метод психологического интервью.

Две методики в целях выявления девиантного поведения были использованы для повышения надежности данных. Подростки склонны к неискренности, и перекрестная проверка результатов двумя инструментами с временным промежутком в несколько дней позволяет нивелировать этот фактор. Диагностика была направлена на выявление структуры, причин и глубины девиаций, а также для прогнозирования рисков развития других, более тяжелых форм.

[1] Дворянчиков, Н. В., Делибалт, В. В., Дозорцева, Е. Г., Дебольский, М. Г., Дегтярев, А. В., Чиркина, Р. В., & Лаврик, А. В. (2017). *Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+»*. ФГБОУ ВО МГППУ. https://psyjournals.ru/nonserialpublications/deptc2017/contents

Статистическая обработка выполнена с использованием U-критерия Манна–Уитни для сравнения независимых выборок и коэффициента ранговой корреляции r-Спирмена для выявления взаимосвязей между показателями. Критический уровень значимости принят $p \leq 0,05$.

Результаты

Сравнительный анализ склонности к девиантному поведению показал следующие результаты. Результаты тестирования по методике ДАП-П представлены в таблице 1.

Таблица 1. Показатели склонности к девиантному поведению по методике ДАП-П

Table 1. Indicators of susceptibility to deviant behaviour according to the DAP-P questionnaire

Шкала	ЭГ (M ± SD)	КГ (M ± SD)	U p
Аддиктивное поведение	37,0 ± 4,8	12,0 ± 3,2	0 ≤ 0,01
Делинквентное поведение	25,0 ± 5,1	8,0 ± 2,7	0 ≤ 0,01
Суицидальный риск	15,0 ± 3,9	3,0 ± 1,5	0 ≤ 0,01
Интегральный показатель	77,0 ± 6,2	23,0 ± 4,1	0 ≤ 0,01

Средние показатели по всем шкалам в группе детей-мигрантов значительно превышают показатели в контрольной группе. В ЭГ средний балл по шкале «Аддиктивное поведение» (37,0 ± 4,8) указывает на наличие ситуативной предрасположенности, в то время как в КГ (12,0 ± 3,2) эти значения находятся в пределах средней склонности, ближе к норме. По шкале «Делинквентное поведение» результаты ЭГ (25,0 ± 5,1) свидетельствуют о выраженной предрасположенности, тогда как в КГ (8,0 ± 2,7) признаки делинквентности выражены незначительно. Наиболее тревожным является разрыв по шкале «Суицидальный риск» (15,0 ± 3,9 против 3,0 ± 1,5).

Полученное эмпирическое значение $U = 0$ для всех шкал меньше критического ($U = 338$ для $p \leq 0,01$ при $n = 40$), что свидетельствует о наличии статистически значимых различий.

Результаты по методике СДП (Э. В. Леус) представлены в таблице 2.

Таблица 2. Показатели по методике СДП (Э. В. Леус)

Table 2. Indicators according to the SDB inventory (E. V. Leus)

Шкала	ЭГ (M ± SD)	КГ (M ± SD)	U p
Социально обусловленное поведение	28,0 ± 4,3	14,0 ± 3,1	0 ≤ 0,01
Аддиктивное поведение	24,0 ± 3,8	10,0 ± 2,9	0 ≤ 0,01

Шкала	ЭГ (M ± SD)	КГ (M ± SD)	U p
Делинквентное поведение	22,0 ± 4,1	9,0 ± 2,5	0 ≤ 0,01
Агрессивное поведение	26,0 ± 4,7	12,0 ± 3,3	0 ≤ 0,01
Аутоагрессивное поведение	18,0 ± 3,5	6,0 ± 2,1	0 ≤ 0,01

Все полученные эмпирические значения U значительно меньше критического (292 для p ≤ 0,01), что подтверждает статистически значимые различия между подростками-мигрантами и их сверстниками по всем шкалам.

Результаты по опроснику агрессии А. Басса и М. Перри представлены в таблице 3.

Таблица 3. Показатели агрессии по опроснику Басса–Перри

Table 3. Aggression indicators according to the Buss–Perry Aggression Questionnaire

Шкала	ЭГ (M ± SD)	КГ (M ± SD)	U p
Физическая агрессия	28,0 ± 4,5	18,0 ± 3,7	0 ≤ 0,01
Гнев	31,0 ± 5,2	12,0 ± 3,4	0 ≤ 0,01
Враждебность	27,0 ± 4,9	14,0 ± 3,8	0 ≤ 0,01
Интегральный показатель	95,0 ± 7,1	48,0 ± 5,6	0 ≤ 0,01

У подростков-мигрантов средние показатели по всем шкалам находятся в зоне выше среднего, приближаясь к 60–80 % от максимально возможного балла, что свидетельствует о выраженности данных признаков. В контрольной группе показатели по шкалам «Гнев» и «Враждебность» находятся на низком уровне, а «Физическая агрессия» – на среднем. Наибольший разрыв наблюдается по шкале «Гнев» (31,0 ± 5,2 против 12,0 ± 3,4), что говорит о высокой эмоциональной лабильности, раздражительности и импульсивности подростков мигрантов.

Все полученные значения U меньше критического (U = 292 для p ≤ 0,01), следовательно, различия между группами мигрантов и их сверстников по уровню физической агрессии, гнева и враждебности являются статистически значимыми.

Для проверки предположения о связи склонности к девиантному поведению с уровнем агрессивности проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента r-Спирмена внутри группы детей-мигрантов (n = 40). Анализировалась связь между интегральным показателем склонности к девиантному поведению (77,0 ± 6,2 по методике ДАП-П) и интегральным показателем агрессивности (95,0 ± 7,1 по опроснику Басса–Перри).

Критические значения для N = 40: r = 0,31 (p ≤ 0,05) и r = 0,40 (p ≤ 0,01). Полученное значение r = 0,85 превышает критическое для p ≤ 0,01, что означает наличие прямой корреляционной связи на высоком уровне статистической значимости. Чем выше уровень агрессивности у подростка-мигранта, тем выше его склонность к девиантному поведению.

Сведения, полученные в результате психологического интервью, позволили получить качественные характеристики причин высокой агрессивности подростков-мигрантов. Выяснилось, что большинство опрошенных в школе чувствуют себя некомфортно. Прежде всего, обратили на себя внимание недоверчивость, немногословность, замкнутость подростков-мигрантов, нежелание говорить на темы, которые казались актуальными и значимыми. Подростки отводили глаза, отвечали односложно, с трудом выходили на контакт. Большинство опрошенных не имеют друзей в классе, чувствуют себя чужими, обижаются на учителей и одноклассников за непонимание и насмешки. Многие предметы, например история, химия, география, кажутся подросткам сложными и непонятными, учебники написаны непонятным сложным языком, учителя не хотят ничего объяснять. Попытки подружиться с одноклассниками наталкиваются на противодействие, насмешки. На переменах русские школьники практически не общаются между собой, а заняты телефонами, с ними невозможно поговорить. Девушки-мигрантки, для которых культурально свойственны скромность и ненавязчивость, оказываются в еще более сложном положении, чем юноши. Они не могут первыми обратиться к одноклассницам и страдают от одиночества и неприязни молча. Невозможность иметь подруг переживается ими очень тяжело. Их страдания порождают глубокие переживания, вплоть до мыслей о собственной никчемности и нежелании жить. Особенно ранят подростков-мигрантов насмешки на религиозную тему, шутки по поводу их внешности, одежды, прозвища с национальным подтекстом («шахид», «чурка», «узкоглазый»). Отмечается также негативный настрой учителей, которые якобы занижают оценки. Перечисленные ситуации часто провоцируют гнев и агрессивное поведение.

Проблемы, обозначенные подростками-мигрантами, обобщены в таблице 4.

Таблица 4. Проблемы, с которыми столкнулись подростки-мигранты в школе принимающей стороны (N=40)

Table 4. Problems encountered by adolescent migrants at the host school (N=40)

Проблема	Количество человек	%
Отсутствие друзей в классе	34	85,0
Чувство чуждости, изоляции	31	77,5
Насмешки одноклассников	29	72,5
Непонимание со стороны учителей	26	65,0
Занижение оценок учителями	22	55,0
Конфликты со сверстниками	25	62,5
Мысли о нежелании жить	12	30,0

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволяет выделить следующие особенности девиантного поведения детей-мигрантов в возрасте 14–15 лет по сравнению со сверстниками из принимающей среды.

1. Выраженная ориентация на группу (социально обусловленное поведение) на фоне дезадаптации, создающая риск вовлечения в асоциальные группы сверстников.

2. Достоверно более высокая склонность к аддиктивному поведению, что может быть связано со стремлением снять стресс от процесса аккультурации либо является способом вхождения в референтную группу.

3. Достоверно более высокая склонность к делинквентному поведению, выступающая как протестная реакция или попытка утвердить свой статус в новой социальной среде.

4. Повышенный уровень суицидального (аутоагрессивного) риска, отражающий глубокие переживания, связанные с непринятием, изоляцией и аномией.

5. Значительно более высокий уровень агрессивности, проявляющийся в физической агрессии, гневе и враждебности, где агрессия выступает как дезадаптивная форма совладания со сложной жизненной ситуацией.

6. Сильная прямая корреляционная связь между уровнем агрессивности и склонностью к девиантному поведению, определяющая агрессивность как ключевую мишень психолого-педагогического воздействия.

Полученные в исследовании данные согласуются с выводами зарубежных коллег. Так, масштабное итальянское исследование с участием 680 подростков подтверждает, что как первое, так и второе поколение мигрантов испытывает более низкую удовлетворенность жизнью, особенно в сфере отношений со сверстниками, а также сталкивается с дискриминацией, которая формирует у них восприятие школы как источника опасности (Cavioni et al., 2024). В Чешской Республике лонгитюдный анализ интеграции украинских беженцев показал, что ключевым предиктором успешного получения дружеских связей остается социокультурная адаптация (Lintner et al., 2025). Это прямо перекликается с нашими данными о выраженной ориентации на группу у мигрантов.

В исследованиях этнической идентичности подростков-таджиков, обучающихся в школах г. Новосибирска, было показано, что их самооценка зависит не от собственных успехов и достижений, а от принадлежности к группе соплеменников. Русификация среди них распространена крайне незначительно. Коллективизм, этноизоляционизм, этнофанатизм и ислам остаются неотъемлемыми составляющими современной идентичности таджиков. Очень тесные неформальные социальные связи являются важным механизмом защиты членов группы (Чухрова & Золотых, 2024). Невозможность стать членом группы подростков в школе усиливает этноизоляционизм и стремление объединиться со «своими».

Высокие показатели аддиктивного поведения могут быть рассмотрены как проявление стратегии эскапизма[2]. Наиболее тревожный результат – кратно более высокий уровень (по сравнению с российскими подростками) суицидального риска в группе мигрантов – является эмпирическим подтверждением концепции этнической маргинальности А. В. Сухарева (2020). Состояние «между двумя культурами», невозможность ответить на вопрос «Кто я?» приводят к глубокому экзистенциальному кризису и аутоагрессии.

Значимо более высокие показатели физической агрессии, гнева и враждебности в группе мигрантов находят объяснение в теории межгрупповых отношений. Высокий уровень враждебности является прямым следствием переживаемой или воспринимаемой дискриминации и действия негативных стереотипов со стороны принимающего сообщества. В этих условиях гипертрофированный этноцентризм становится защитным механизмом, а агрессия – инструментом утверждения себя в оппозиции к «чужим» (Налчаджан, 2019; Омельченко и др., 2025).

[2] Менделевич, В. Д. (2020). *Психология девиантного поведения* [Учебное пособие]. МЕДпресс-информ.

Более высокая выраженность социально обусловленного поведения у детей-мигрантов эмпирически подтверждает тезис о том, что в условиях изоляции и непринятия группой большинства подростки ищут убежища в группе «своих», что создает предпосылки для формирования замкнутых этнических сообществ, культивирующих асоциальные нормы или как минимум мешающие инкультурации (Джангазиева, 2013; Смолина, 2012). Возникновение таких групп усугубляется языковым барьером. Как отмечено нами ранее (Чухрова & Золотых, 2024), дети-мигранты знают и родной, и русский язык преимущественно на бытовом уровне. Билингвизм часто носит однобокий характер, что зависит от социального уровня семьи.

Ключевым аспектом этой ситуации является языковой, коммуникативный барьер. Подросток-мигрант часто оказывается не в состоянии уловить контекст, подтекст, культурные коды, чувства, лежащие в основе общения сверстников. Исследования, проводимые в русле Школы понимания (Ю. Л. Троицкий), показывают, что понимание – это активная деятельность по выстраиванию смыслов в диалоге с другим (Албул и др., 2024, с. 15). Отсутствие развитых стратегий понимания ведет к изоляции, фрустрации и, как следствие, к поиску иных, часто девиантных способов самоутверждения. Языковой конфликт становится одним из основных триггеров поведенческих девиаций.

Зарубежные исследования языковой адаптации подчеркивают глубину этой проблемы. На примере сирийских беженцев в Канаде было показано, что дети сталкиваются с разрывом между базовыми разговорными навыками и когнитивно-академическим владением языком, необходимым для понимания учебной программы. Даже спустя три года они демонстрировали стойкие трудности в достижении уровня сверстников-носителей языка (Shamim et al., 2025).

Таким образом, агрессия как ключевой механизм, лежащий в основе различных форм девиаций у обследованной группы подростков-мигрантов, является следствием нереализованного стремления к объединению и ощущению себя частью «своих» на новой родине.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Девиантное поведение подростков-мигрантов из стран Средней Азии имеет качественные отличия по сравнению с поведением их сверстников из принимающей среды, проявляющиеся в достоверно более высоких показателях аддиктивного, делинквентного, агрессивного и аутоагрессивного поведения.

2. Выявленные особенности связаны с комплексом социально-психологических факторов, детерминированных миграцией: культурным шоком, аккультурационным стрессом, состоянием этнической маргинальности, ценностным конфликтом между семьей и принимающим обществом, негативными межгрупповыми установками.

3. Высокий уровень суицидального риска у подростков-мигрантов эмпирически верифицирует концепцию этнической маргинальности и свидетельствует о глубоком экзистенциальном кризисе, вызванном невозможностью полноценной идентификации ни с родной, ни с принимающей культурой.

4. Агрессивность выступает ключевым механизмом, опосредующим различные формы девиантного поведения у детей-мигрантов, что подтверждается сильной прямой корреляционной связью между соответствующими показателями.

5. Выраженная ориентация на группу в сочетании с переживанием изоляции создает риск вовлечения подростков-мигрантов в асоциальные этнические сообщества, что требует особого внимания в профилактической работе.

Полученные данные обосновывают необходимость разработки специализированных программ профилактики, направленных не только на коррекцию поведения, но и на гармонизацию межэтнических отношений и развитие бикультурной компетентности. Необходимо создание условий для позитивной интеграции мигрантов в принимающее сообщество. Такой опыт имеется в нашей стране (Засыпкин и др., 2012; Роскин, 2011; Сахно & Типушков, 2024; Султанова, 2025). Важным компонентом таких программ должно стать обучение русскому языку как инструменту понимания и взаимодействия.

Список литературы

Албул, Л. Г., Вайнбендер, Е. А., Высоцкая, И. В., Горьковская, З. П., Корниенко, И. В., Кузин, В. И., Максимова, Н. В., Метелёва, Т. С., Мурзина, Е. В., Палюнина, О. В., Ростова, А. В., Титова, О. Г., Троицкий, Ю. Л., & Тюпа, В. И. (2024). *Стратегии понимания и становление языковой личности: инновации коммуникативной дидактики* (Н. В. Максимова, науч. ред.). ЭКСЕЛЕНТ.

Александров, Д. А., Баранова, В. В., & Иванюшина, В. А. (2012). Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой. *Вопросы образования*, (1), 176–199. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-176-199

Бережанова, А. А. (2010). Культурная дистанция как фактор межкультурной адаптации студентов. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*, (1), 79–83. https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/7738

Гриценко, В. В., & Шустова, Н. Е. (2004). Социально-психологическая адаптация детей русских переселенцев в российском обществе. *Психологический журнал, 25*(3), 25–33.

Джангазиева, А. С. (2013). Педагогические ресурсы школы в организации первичной профилактики делинквентного поведения подростков-мигрантов. *Человек и образование*, 1 (34), 50-54.

Долгова, В. И., & Дергачева, Р. Г. (2021). *Проблемы адаптации детей мигрантов.* ПЕРО.

Засыпкин, В. П., Зборовский, Г. Е., & Шуклина, Е. А. (2012). Актуальные проблемы обучения детей мигрантов. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета,* (2), 9–36.

Мишина, М. М., & Воробьева, К. А. (2020). Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению: на примере российских и узбекских подростков. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»,* (4), 117–139. https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-4-117-139

Налчаджян, А. А. (2019). *Психологическая адаптация: механизмы и стратегии* (3-е изд., перераб. и доп.). Эксмо.

Омельченко, Е. А., Шевцова, А. А., & Бурова, А. А. (2025). Социокультурная среда как ресурс адаптации обучающихся с миграционной историей. *Вестник антропологии*, (2), 67–85. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2025-2/67-85

Роскин, В. (2011). Содействуем мигрантам в преодолении культурного шока. Миграция XXI век, (4), 64–65.

Сахно, О. А., & Типушков, С. В. (2024). Трудности речевого и коммуникативного развития детей мигрантов в процессе формирования коммуникативной культуры. *Право и образование,* (3), 50–58.

Смолина, Т. Л. (2012). Социальная поддержка как стратегия преодоления культурного шока. *Социосфера,* (1), 29–34. https://psyjournals.ru/journals/sociosphera/archive/2012_n1/52941

Султанова, Л. Н. (2025). Профилактика социальных рисков девиантного поведения детей-мигрантов. *Universum: психология и образование*, (2). https://doi.org/10.32743/UniPsy.2025.128.2.19154

Сухарев, А. В. (2020). К проблеме разработки теории в исследовании этнопсихологических и кросскультурных аспектов девиантного поведения. В *Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием, Рязань, 09–10 апреля 2020 года* (с. 469–475). Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

Тихонова, И. В., & Куфтяк, Е. В. (2007). Психологический анализ условий адаптации детей-мигрантов. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 13*(2), 150–159.

Чухрова, М. Г., & Золотых, Н. А. (2024). Этническая идентичность подростков-таджиков, обучающихся в школах Новосибирска, и ее связь с самооценкой. *Идеи и идеалы, 16*(1-2), 469–481. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-469-481

Cavioni, V., Conte, E., & Ornaghi, V. (2024). Psychological and educational challenges of immigrant adolescents in Italy: Exploring mental health, life satisfaction, student–teacher relationship, and academic disparities. *Adolescents, 4*(4), 545–559. https://doi.org/10.3390/adolescents4040038

Lintner, T., Diviák, T., Šeďová, K., & Obrovská, J. (2025). Revisiting Ukrainian refugees struggling to integrate into Czech school social networks. *Social Psychology of Education, 28*(1), Article 174. https://doi.org/10.1007/s11218-025-10134-5

Shamim, A., Hipfner-Boucher, K., & Chen, X. (2025). Language and literacy learning among Syrian refugee children: A progress report. *Advances in Child Development and Behavior, 68*, 287–314. https://doi.org/10.1016/bs.acdb.2025.04.001

Soldatova, G. U., & Shaygerova, L. A. (2002). Psychological adaptation of forced migrants. *Psikhologicheskii Zhurnal, 23*(4), 66–81.

Vazsonyi, A. T., & Belliston, L. M. (2007). The family → low self-control → deviance: A cross-cultural and cross-national test of self-control theory. *Criminal Justice and Behavior, 34*(4), 505–530. https://doi.org/10.1177/0093854806292299

References

Albul, L. G., Vainbender, E. A., Vysotskaia, I. V., Gor'kovskaia, Z. P., Kornienko, I. V., Kuzin, V. I., Maksimova, N. V., Meteleva, T. S., Murzina, E. V., Paliunina, O. V., Rostova, A. V., Titova, O. G., Troitskii, Iu. L., & Tiupa, V. I. (2024). *Strategii ponimaniia i stanovlenie iazykovoi lichnosti: innovatsii kommunikativnoi didaktiki* (N. V. Maksimova, nauch. red.). EKSELENT.

Aleksandrov, D. A., Baranova, V. V., & Ivaniushina, V. A. (2012). Deti i roditeli-migranty vo vzaimodeistvii s rossiiskoi shkoloi. *Voprosy obrazovaniia*, (1), 176–199. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-176-199

Berezhanova, A. A. (2010). Kul'turnaia distantsiia kak faktor mezhkul'turnoi adaptatsii studentov. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Psikhologiia i pedagogika*, (1), 79–83. https://journals.rudn.ru/psychology-pedagogics/article/view/7738

Gritsenko, V. V., & Shustova, N. E. (2004). Sotsial'no-psikhologicheskaia adaptatsiia detei russkikh pereselentsev v rossiiskom obshchestve. *Psikhologicheskii zhurnal, 25*(3), 25–33.

Dzhangazieva, A. S. (2013). Pedagogicheskie resursy shkoly v organizatsii pervichnoi profilaktiki delinkventnogo povedeniia podrostkov-migrantov. *Chelovek i obrazovanie, 1*(34), 50–54.

Dolgova, V. I., & Dergacheva, R. G. (2021). *Problemy adaptatsii detei migrantov*. PERO.

Zasypkin, V. P., Zborovskii, G. E., & Shuklina, E. A. (2012). Aktual'nye problemy obucheniia detei migrantov. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (2), 9–36.

Mishina, M. M., & Vorob'eva, K. A. (2020). Psikhologicheskie osobennosti podrostkov, sklonnykh k deviantnomu povedeniiu: na primere rossiiskikh i uzbekskikh podrostkov. *Vestnik RGGU. Seriia «Psikhologiia. Pedagogika. Obrazovanie»*, (4), 117–139. https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-4-117-139

Nalchadzhian, A. A. (2019). *Psikhologicheskaia adaptatsiia: mekhanizmy i strategii* (3-e izd., pererab. i dop.). Eksmo.

Omel'chenko, E. A., Shevtsova, A. A., & Burova, A. A. (2025). Sotsiokul'turnaia sreda kak resurs adaptatsii obuchaiushchikhsia s migratsionnoi istoriei. *Vestnik antropologii*, (2), 67–85. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2025-2/67-85

Roskin, V. (2011). Sodeistvuem migrantam v preodolenii kul'turnogo shoka. *Migratsiia XXI vek*, (4), 64–65.

Sakhno, O. A., & Tipushkov, S. V. (2024). Trudnosti rechevogo i kommunikativnogo razvitiia detei migrantov v protsesse formirovaniia kommunikativnoi kul'tury. *Pravo i obrazovanie*, (3), 50–58.

Smolina, T. L. (2012). Sotsial'naia podderzhka kak strategiia preodoleniia kul'turnogo shoka. *Sotsiosfera*, (1), 29–34. https://psyjournals.ru/journals/sociosphera/archive/2012_n1/52941

Sultanova, L. N. (2025). Profilaktika sotsial'nykh riskov deviantnogo povedeniia detei-migrantov. *Universum: Psikhologiia i obrazovanie*, (2). https://doi.org/10.32743/UniPsy.2025.128.2.19154

Sukharev, A. V. (2020). K probleme razrabotki teorii v issledovanii etnopsikhologicheskikh i krosskul'turnykh aspektov deviantnogo povedeniia. V *Psikhologiia XXI veka: vyzovy, poiski, vektory*

razvitiia: Sbornik materialov Vserossiiskogo simpoziuma psikhologov s mezhdunarodnym uchastiem, Riazan', 09–10 aprelia 2020 goda (s. 469–475). Akademiia prava i upravleniia Federal'noi sluzhby ispolneniia nakazanii.

Tikhonova, I. V., & Kuftiak, E. V. (2007). Psikhologicheskii analiz uslovii adaptatsii detei-migrantov. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriia: Pedagogika. Psikhologiia. Sotsial'naia rabota. Iuvenologiia. Sotsiokinetika, 13*(2), 150–159.

Chukhrova, M. G., & Zolotykh, N. A. (2024). Etnicheskaia identichnost' podrostkov-tadzhikov, obuchaiushchikhsia v shkolakh Novosibirska, i ee sviaz' s samootsenkoi. *Idei i idealy, 16*(1-2), 469–481. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.1.2-469-481

Cavioni, V., Conte, E., & Ornaghi, V. (2024). Psychological and educational challenges of immigrant adolescents in Italy: Exploring mental health, life satisfaction, student–teacher relationship, and academic disparities. *Adolescents, 4*(4), 545–559. https://doi.org/10.3390/adolescents4040038

Lintner, T., Diviák, T., Šeďová, K., & Obrovská, J. (2025). Revisiting Ukrainian refugees struggling to integrate into Czech school social networks. *Social Psychology of Education, 28*(1), Article 174. https://doi.org/10.1007/s11218-025-10134-5

Shamim, A., Hipfner-Boucher, K., & Chen, X. (2025). Language and literacy learning among Syrian refugee children: A progress report. *Advances in Child Development and Behavior, 68*, 287–314. https://doi.org/10.1016/bs.acdb.2025.04.001

Soldatova, G. U., & Shaygerova, L. A. (2002). Psychological adaptation of forced migrants. *Psikhologicheskii Zhurnal, 23*(4), 66–81.

Vazsonyi, A. T., & Belliston, L. M. (2007). The family → low self-control → deviance: A cross-cultural and cross-national test of self-control theory. *Criminal Justice and Behavior, 34*(4), 505–530. https://doi.org/10.1177/0093854806292299

Информация об авторах

Марина Геннадьевна Чухрова – доктор медицинских наук, профессор кафедры социальной психологии и виктимологии, руководитель магистерской программы «Девиантология» Новосибирского государственного педагогического университета. Профессор кафедры психологии Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Сергей Владимирович Пронин – кандидат медицинских наук, доцент кафедры психологии Новосибирского государственного университета экономики и управления.

About the authors

Marina G. Chukhrova – Dr. Sci. (Med.), Professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Head of the Master's Programme in Deviantology, Novosibirsk State Pedagogical University. Professor of the Department of Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Sergei V. Pronin – Cand. Sci. (Med.), Associate Professor of the Department of Psychology, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 23.03.2026
Одобрена после рецензирования 28.09.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted March 23, 2026
Approved after reviewing September 28, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9.072:316.6:005.32:004.8

Разработка шкалы зависимости от искусственного интеллекта как фактора девиантности руководителя

Игорь Вячеславович Гайдамашко
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
V28031931@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5146-0064

Елена Михайловна Климова
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
klimova_em@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4848-1598

Аннотация

Введение. Внедрение генеративных нейросетей в управленческую деятельность создает риски формирования у руководителей зависимости от искусственного интеллекта, которая может коррелировать с профессиональными девиациями руководителя (уклонением от ответственности, профессиональной деформацией). В российской науке отсутствует валидный психодиагностический инструментарий для оценки данного феномена в управленческом контексте. **Методы.** Разработана и психометрически проверена Шкала зависимости от искусственного интеллекта в управлении. Выборка составила 620 руководителей из различных сфер деятельности. Использованы эксплораторный и конфирматорный факторный анализ, оценка надежности (альфа Кронбаха, внутриклассовая корреляция) конвергентной и дискриминантной валидности. Критериальная валидность проверялась через корреляцию с экспертными оценками девиантного поведения (метод «360 градусов»). **Результаты.** Подтверждена трехфакторная структура методики, отражающая когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты зависимости. Показатели надежности и валидности находятся в приемлемых пределах. Общий балл Шкалы умеренно коррелирует с экспертными оценками профессиональных девиаций руководителей. **Заключение.** Разработанная Шкала зависимости от ИИ в управлении (ШАИУ) является надежным и валидным инструментом диагностики зависимости от искусственного интеллекта у руководителей и может использоваться в исследовательских целях для скрининговой оценки.

Ключевые слова

зависимость от искусственного интеллекта, аддиктивное поведение, профессиональные девиации, управленческая деятельность, валидизация опросника, руководители

Для цитирования: Гайдамашко, И. В., Климова, Е. М. (2026). Разработка шкалы зависимости от искусственного интеллекта как фактора девиантности руководителя. *Российский девиантологический журнал*, 6 (3), 392–410.

© Гайдамашко И. В., Климова Е. М., 2026

Original paper

Development of a scale measuring dependence on artificial intelligence as a factor in managerial deviance

Igor V. Gaidamashko
Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research
(Moscow, Russia)
V28031931@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5146-0064

Elena M. Klimova
Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research
(Moscow, Russia)
klimova_em@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4848-1598

Abstract

Introduction. The introduction of generative neural networks into management practice creates the risk that managers may become dependent on artificial intelligence, which may be linked to professional deviations on the part of the manager (such as shirking responsibility or professional deformation). Russian academia lacks valid psychodiagnostic tools for assessing this phenomenon in a managerial context. **Methods.** An Artificial Intelligence Dependency Scale in Management was developed and psychometrically validated. The sample comprised 620 managers from various sectors. Exploratory and confirmatory factor analysis were employed, along with assessments of reliability (Cronbach's alpha, intraclass correlation) and of convergent and discriminant validity. Criterion validity was tested through correlation with expert assessments of deviant behaviour (the '360-degree' method). **Results.** The three-factor structure of the instrument, reflecting the cognitive, affective and behavioural components of addiction, has been confirmed. The reliability and validity indices fall within acceptable limits. The total score on the Scale correlates moderately with expert assessments of managers' professional deviations. **Conclusion.** The Scale of Dependence on Artificial Intelligence in Management (SDAIM), which has been developed, is a reliable and valid tool for diagnosing dependence on artificial intelligence amongst managers and can be used for research purposes as a screening assessment.

Keywords

dependence on artificial intelligence, addictive behavior, professional misconduct, managerial activities, questionnaire validation, managers

For citation: Gaidamashko, I. V., Klimova, E. M. (2026). Development of a scale measuring dependence on artificial intelligence as a factor in managerial deviance. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 392–410.

Введение

Актуальность исследования. Стремительное внедрение генеративных нейросетей (ChatGPT, GigaChat, YandexGPT и др.) в управленческую практику создало принципиально новую реальность профессиональной деятельности руководителей. Согласно систематическому обзору (Asamoah, 2026) применение ИИ повышает качество и скорость управленческих

решений, но на практике сталкивается с сопротивлением персонала и недостаточной компетентностью руководителей. Р. Гантвар с коллегами (Gangwar et al, 2024) на примере крупных компаний подтверждает улучшение прогнозной аналитики и автоматизацию рутинных задач. С. Джоши (Joshi, 2025) связывает эффективность ИИ с его сочетанием с эмоциональным интеллектом управленца. М. Шукла и соавторы (Shukla et al, 2024) добавляют, что повышение точности и скорости обработки информации требует решения вопросов конфиденциальности данных и целенаправленного обучения персонала.

Наряду с очевидными преимуществами автоматизации все чаще фиксируются случаи патологической привязанности к ИИ-ассистентам — не только в работе, но и в повседневном использовании рекомендательных систем и голосовых помощников.

Пользователи склонны чрезмерно доверять алгоритмическим рекомендациям, даже когда те уступают их собственным суждениям (Banker & Khetani, 2019). Взаимодействие с чат-ботами тоже дает тревожные результаты: у тех, кто использовал ассистента чаще, независимо от условий эксперимента, со временем усиливались одиночество и эмоциональная зависимость, а высокое доверие к чат-боту было связано с проблемным использованием (Fang et al., 2025). Отдельно фиксируется «апатия к приватности»: пользователи голосовых ассистентов, осознавая риски, продолжают зависеть от устройств ради удобства и рационализируют свой выбор (Shalawadi et al., 2024).

В контексте девиантологии зависимость от ИИ значима как самостоятельная форма аддиктивного поведения и как фактор, ассоциированный с профессиональными девиациями субъекта управления. Современные LLM демонстрируют угодливое поведение («сикофантия ИИ») на 40–55 % чаще, чем люди-эксперты, создавая у управленца ложное чувство уверенности в правильности решений (Cheng et al, 2026).

В управленческой деятельности зависимость от ИИ проявляется в деформации когнитивных процессов, делегировании ответственности за решения алгоритму и снижении профессиональной компетентности. Руководители высшего звена все чаще сообщают, что «не могут принять решение без предварительной консультации с ИИ», что квалифицируется как формирующаяся когнитивная зависимость (Young, 1998).

Несмотря на возрастающую актуальность проблемы, в российской науке отсутствует валидный психодиагностический инструментарий для оценки зависимости от ИИ. Существующие методики диагностики цифровых аддикций (тест К. Янг на интернет-зависимость, шкала смартфон-аддикции и др.) не учитывают специфику взаимодействия с генеративными нейросетями и не применимы к управленческому контексту. В отечественной психологии вопросы клиники, диагностики и лечения интернет-зависимости также разрабатывались, однако предложенные инструменты преимущественно ориентированы на общую интернет-активность и не адаптированы к управленческому контексту (Войскунский и др., 2015; Егоров, 2021; Moskalenko, 2023). Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела.

Теоретическое обоснование исследования

Понятие «зависимость от искусственного интеллекта» вошло в научный дискурс сравнительно недавно. А. Янковская и соавторы разработали и валидизировали двухфакторную шкалу зависимости от больших языковых моделей LLM-D12, выделив инструментальную зависимость (полагание на ИИ в когнитивных задачах) и реляционную зависимость (восприятие ИИ как социально значимого партнера) (Yankouskaya et al, 2025).

В 2025 г. была разработана и валидизирована Шкала зависимости от генеративного ИИ (Generative AI Dependency Scale), продемонстрировавшая устойчивую трехфакторную структуру (когнитивная поглощенность, негативные последствия, синдром отмены),

высокую внутреннюю согласованность (α = 0,92–0,93) и хорошую ретестовую надежность (ICC = 0,87) (Goh, 2025). Данная шкала была валидизирована на выборке из 1333 участников из США и Сингапура, что свидетельствует об устойчивости конструкта в двух различных культурных контекстах.

Однако любая диагностическая шкала, в том числе предназначенная для оценки зависимости от ИИ, должна опираться на теоретически обоснованные критерии аддиктивного поведения. В связи с этим обратимся к классификационным критериям поведенческих аддикций, зафиксированным в DSM-5 и МКБ-11. Хотя расстройство, связанное с онлайн-играми, относится к специфическому виду поведенческой аддикции, его диагностические критерии (поглощенность, симптомы отмены, толерантность, неудачные попытки контроля, продолжение деятельности вопреки негативным последствиям) (American Psychiatric Association [APA][1]; World Health Organization [WHO][2]) имеют общий характер и могут быть экстраполированы на феномен зависимости от ИИ, рассматриваемой в рамках той же категории поведенческих аддикций. Обоснование правомерности такой экстраполяции содержится в компонентной модели аддикции М. Гриффитса, согласно которой любая поведенческая аддикция характеризуется поглощенностью, эйфорией, толерантностью, симптомами отмены, конфликтом и рецидивом (Griffiths, 2005). Валидные инструменты диагностики игрового расстройства, основанные на критериях DSM-5, были разработаны и апробированы в зарубежных исследованиях (Pontes & Griffiths, 2017).

Адаптация указанных критериев к феномену зависимости от ИИ приобретает значимость в контексте девиантологии, поскольку использование генеративных нейросетей может активировать разнонаправленные мотивационные векторы, связанные с проявлением девиантного поведения.

С точки зрения девиантологии отдельного внимания заслуживают результаты работ, демонстрирующих, что использование технологий искусственного интеллекта активирует два разнонаправленных мотивационных вектора: мотивацию приближения (связываемую с проактивным поведением) и мотивацию избегания (ассоциируемую с девиантным поведением) (Ding et al, 2025; Khraishi et al, 2025). Данные выводы свидетельствуют о двойственном характере влияния ИИ на поведенческие проявления субъектов управления – феномене, при котором одни и те же технологические условия способны порождать как конструктивные, так и деструктивные формы активности.

Одним из психологических механизмов, потенциально объясняющих связь между использованием ИИ и девиантным поведением, является локус контроля. Обращение к концепции Дж. Роттера позволяет предположить, как именно экстернальная позиция руководителя может усиливаться под влиянием регулярного делегирования решений ИИ-ассистентам. Согласно данной концепции лица с экстернальной ориентацией склонны приписывать ответственность за результаты собственных действий внешним обстоятельствам (Rotter, 1966). Данные современных метаанализов свидетельствуют, что экстернальный локус контроля может усиливаться под влиянием значимых жизненных событий, включая профессиональные кризисы, что, в свою очередь, создает предпосылки для формирования зависимых форм поведения (Fairburn & Hoelterhoff, 2022). Эмпирические исследования (Ding et al, 2025; Khraishi et al, 2025) показывают, что регулярное использование ИИ-ассистентов сопровождается феноменом «смещения ответственности» – переноса субъективного контроля за результаты деятельности

[1] American Psychiatric Association. (2013). *Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (5th ed.). American Psychiatric Publishing. https://doi.org/10.1176/appi.books.9780890425787

[2] World Health Organization. (2019). *International statistical classification of diseases and related health problems* (11th ed.). WHO.

на алгоритм. Это позволяет предположить, что экстернальный локус контроля не только предрасполагает к формированию зависимости от ИИ, но и усиливается под ее влиянием.

Наряду с концепцией локуса контроля теоретическую базу для анализа формирования зависимости от ИИ создают современные модели интернет-зависимости, в частности I-PACE, описывающая взаимодействие личностных, аффективных, когнитивных и поведенческих факторов в генезе специфических расстройств, связанных с использованием интернета (Brand et al, 2014; Brand, et al, 2016). Вместе с тем ряд авторов подвергает сомнению валидность универсальных диагностических критериев интернет-зависимости, указывая на необходимость различения специфических (например, зависимость от онлайн-игр или социальных сетей) и генерализованных форм аддиктивного поведения (Kardefelt-Winther, 2014).

При концептуализации зависимости от ИИ важно учитывать данные о границах между нормативным использованием технологий и клинически значимой аддикцией. Как отмечает Кардефельт-Винтер с соавторами, патологизация обычных форм поведения может приводить к ложноположительным диагнозам, поэтому ключевым критерием остается наличие дезадаптации и субъективного дистресса (Kardefelt-Winther et al, 2017).

Проведенный теоретический анализ, включавший рассмотрение подходов к поведенческим аддикциям, а также результатов отечественных и зарубежных исследований, позволил рассматривать зависимость от ИИ в управленческой деятельности как многоаспектный феномен, в структуре которого выделяются когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Несмотря на растущую распространенность использования генеративных нейросетей в управлении, следует отметить, что в отечественной науке отсутствует инструментарий, позволяющий диагностировать формирующуюся зависимость от ИИ в управленческом контексте. Данное противоречие определило цель исследования – разработку и психометрическую проверку Шкалы зависимости от искусственного интеллекта в управлении (ШАИУ). Объект исследования – зависимость от ИИ как форма аддиктивного поведения. Предмет исследования – психометрические свойства методики диагностики зависимости от ИИ у субъектов управленческой деятельности.

Гипотеза исследования

Мы предполагали, что: (1) зависимость от ИИ в управлении имеет трехфакторную структуру (когнитивная, аффективная, поведенческая); (2) показатели ШАИУ будут значимо положительно коррелировать с экспертными оценками нормативно зафиксированных профессиональных девиаций (уклонение от ответственности, игнорирование мнения подчиненных, снижение профессиональной компетентности); (3) поведенческий компонент зависимости обнаружит наиболее выраженные связи с девиантным поведением.

Методы

Организация и дизайн исследования. Разработка диагностического инструментария осуществлялась в несколько последовательных этапов. Эмпирическую базу исследования составили данные, собранные в период с сентября по декабрь 2025 г. Все участники дали информированное согласие на обработку персональных данных и анонимное использование результатов в научных публикациях. Исследование проводилось в смешанном формате. Процедура сбора данных включала самоотчетные методики и независимые экспертные оценки (метод 360°). Пропущенные значения (менее 2 % по каждому пункту) были исключены построчно.

Эмпирическая база и выборка исследования. Исследование проводилось в несколько последовательных этапов, каждый из которых предполагал формирование самостоятельных выборок. Рекрутинг участников осуществлялся через профессиональные сообщества

руководителей, а также через партнерские организации, предоставившие доступ к своим сотрудникам управленческого звена. Уровень отказов от участия составил 18 % (из 756 приглашенных согласились 620).

Для разработки авторского опросника ШАИУ применялись:

Экспертная оценка (содержательная валидизация). В экспертную группу вошли три доктора психологических наук, проводящие теоретические и эмпирические исследования в области психологии управления и аддиктологии; один кандидат психологических наук; три руководителя высшего звена с управленческим стажем не менее десяти лет.

Пилотажное исследование (оценка понятности пунктов). Выборка составила 60 управленцев различного уровня (высшее звено – 13, среднее звено – 31, линейное звено – 16) и пола (32 мужчины, 28 женщин), с управленческим стажем не менее трех лет, регулярно использующих ИИ в профессиональной деятельности.

Основная выборка для эксплораторного факторного анализа (EFA) и оценки девиантного поведения методом 360°. Выборка включила 412 управленцев (231 мужчина, 181 женщина) в возрасте от 24 до 58 лет (M = 43,2; SD = 9,8), имеющих стаж управленческой деятельности не менее трех лет, представляющих различные уровни управления и сферы деятельности. Для каждого из 412 руководителей было предусмотрено не менее 3 экспертов (коллег и подчиненных), которые предоставили оценки. Общее число внешних экспертов составило 423 человека (поскольку часть экспертов оценивала нескольких руководителей). Общее количество экспертных оценок (каждый эксперт × каждый оцениваемый руководитель) составило 1248. Это обеспечило возможность применения метода «360 градусов» для оценки девиантного поведения. Для оценки связи ШАИУ с девиантным поведением использовалась та же основная выборка (N = 412), поскольку экспертные оценки собирались независимо от самоотчета руководителей (разные респонденты), что соответствует дизайну «внешний критерий» и не создает циркулярности.

Кросс-валидационная выборка для конфирматорного факторного анализа (CFA). Выборка составила 208 управленцев (118 мужчин, 90 женщин) в возрасте от 25 до 62 лет (M = 44,1; SD = 10,1), независимую от основной выборки, с аналогичными характеристиками.

Для проверки ретестовой надежности:

89 руководителей (подвыборка из общей выборки, согласившаяся на повторное тестирование) в возрасте от 26 до 60 лет (M = 42,8, SD = 10,2). Ретестовый интервал составил 6 – 8 недель.

Обоснование размера выборки. Для EFA исходный перечень опросника составлял 52 пункта. При рекомендуемом соотношении 10 наблюдений на пункт необходимый объем выборки – 520. Фактический объем основной выборки (N=412) является приемлемым, но находится на нижней границе (соотношение 7,9:1). Для CFA при 36 пунктах и 3 факторах минимальный рекомендованный объем – 200, что обеспечено выборкой N=208.

Сводная характеристика выборок исследования представлена в таблице 1.

Процедура разработки методики. Первым этапом стало теоретическое моделирование конструкта на основе анализа научной литературы по проблемам цифровых аддикций и диагностических критериев поведенческих зависимостей DSM-5 и МКБ-11. Была предложена трехфакторная структура зависимости от ИИ в управлении.

Когнитивно-диспозиционная зависимость отражает устойчивую внутреннюю предрасположенность субъекта управления к делегированию аналитических функций ИИ, некритическому принятию его рекомендаций, а также включает антропоморфизацию (приписывание ИИ человеческих качеств), рассматриваемую как когнитивный механизм, потенциально опосредующий формирование зависимости.

Таблица 1. Сводная характеристика выборок исследования

Table 1. Summary of the study samples

Этап исследования	Назначение выборки	N	Ключевые характеристики
Экспертная оценка	Содержательная валидизация	7	Доктора и кандидаты психологических наук, руководители высшего звена
Пилотаж	Оценка понятности пунктов	60	Управленцы различных уровней, стаж ≥ 3 лет, использование ИИ
Основная выборка	Эксплораторный факторный анализ (EFA)	412	Управленцы, стаж ≥ 3 лет, возраст M = 43,2
Кросс-валидационная выборка	Конфирматорный факторный анализ (CFA)	208	Управленцы, независимые от основной выборки
Ретестовая выборка	Проверка временной устойчивости	89	Подвыборка из общей выборки, интервал 6–8 недель
Общая объединенная выборка	**Валидизационные процедуры**	**620**	**Объединение основной и кросс-валидационной выборок**

Аффективно-мотивационная зависимость включает дискомфорт при отсутствии доступа к ИИ (симптомы отмены), компульсивное влечение и эмоциональное замещение (замену живого общения взаимодействием с ИИ).

Поведенческая и социальная дезадаптация включает нарушение режима и границ (работы и отдыха), снижение профессиональной эффективности и перекладывание ответственности на ИИ.

Для обеспечения содержательной валидности были привлечены эксперты: три доктора психологических наук (области психологии управления и аддиктологии), один кандидат наук и три руководителя высшего звена со стажем не менее десяти лет. На основе экспертных заключений был сформирован первичный пул из 52 утверждений, оцениваемых по семибальной шкале Лайкерта (от 1 – «полностью не согласен» до 7 – «полностью согласен»).

Оценка девиантного поведения методом 360°. В соответствии с традициями отечественной девиантологии[3] под профессиональными девиациями в данном исследовании понимаются устойчивые действия субъекта управления, нарушающие формальные и неформальные организационные нормы и приводящие к снижению эффективности деятельности или психологическому ущербу участникам трудового процесса.

На основе анализа должностных инструкций и корпоративных кодексов организаций – участников исследования выделены следующие нормативные ожидания, нарушение которых фиксирует Шкала экспертной оценки профессиональных девиаций руководителя (ШЭОПД-6) (таблица 2).

Таким образом, девиантность в данной работе не сводится к клинической патологии, а фиксирует отклонения от нормативных ожиданий, закрепленных в организационных документах и профессиональных стандартах.

Для оценки девиантного поведения методом 360° были собраны данные на подвыборке из 412 руководителей (из основной выборки N = 412), для каждого из которых имелось не менее

[3] Змановская, Е. В. (2021). Современная российская девиантология: история, методология, социальные вызовы и актуальные тенденции. *Российский девиантологический журнал,* 1(1), 12–23. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2021-1-12-23

Таблица 2. Нормативные ожидания, нарушение которых фиксируется ШЭОПД-6

Table 2. Normative expectations, the violation of which is determined by “the Expert Assessment Scale for Professional Deviations in Managers-6”

Поведение (пункт ШЭОПД-6)	**Нарушаемая норма**	**Тип нормы**
Уклонение от личной ответственности (ссылка на ИИ при неудачах)	Должностная инструкция: «несет персональную ответственность за решения»	Формальная (административная)
Игнорирование мнения подчиненных в пользу ИИ	Корпоративный этический кодекс: «уважение к мнению сотрудников»	Неформальная (этическая)
Замена живого обсуждения взаимодействием с ИИ	Трудовой распорядок / коммуникативные нормы	Неформальная
Снижение навыков самостоятельного анализа	Профессиональный стандарт руководителя (сохранение компетенций)	Квалификационная

трех экспертных оценок (общее число экспертов – 423, общее число оценок – 1248). Экспертами выступали коллеги (54 %) и подчиненные (46 %) оцениваемых руководителей. Эксперты заполняли разработанный нами краткий опросник «Шкала экспертной оценки профессиональных девиаций руководителя» (ШЭОПД-6), включающий шесть пунктов, соответствующих ключевым формам девиантности, потенциально связанным с зависимостью от ИИ.

Каждый пункт оценивался по пятибалльной шкале от 1 («никогда») до 5 («постоянно»). Интегральный балл девиантного поведения рассчитывался как среднее арифметическое по всем пунктам (α Кронбаха = 0,84). Экспертные оценки собирались анонимно, для каждого руководителя усреднялись по всем респондентам.

Согласованность экспертных оценок для каждого руководителя оценивалась с помощью коэффициента внутриклассовой корреляции (ICC) и составила 0,76–0,84, что свидетельствует о приемлемой надежности экспертных суждений.

Психометрический анализ. Сокращение числа пунктов производилось на основе результатов эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент, варимакс-вращение). Критериями отбора выступали: факторная нагрузка ≥ 0,50 (в финальной версии); увеличение α Кронбаха при удалении пункта ≤ 0,02; извлекаемый фактор должен объяснять ≥ 45 % дисперсии. Процедура проводилась итеративно до достижения устойчивой факторной структуры.

Надежность оценивалась по внутренней согласованности (α Кронбаха) и ретестовой устойчивости. Для ретеста использовался коэффициент внутриклассовой корреляции ICC(2,1) (двусторонняя смешанная модель, абсолютное согласие) на подвыборке N = 89 с интервалом 6–8 недель. Дополнительно рассчитана корреляция Пирсона для сопоставимости с другими исследованиями.

Конвергентная и дискриминантная валидности изучались с помощью корреляционного анализа Пирсона. Критериальная валидность оценивалась через корреляцию общего балла ШАИУ с экспертными оценками девиантного поведения (ШЭОПД-6).

Предварительный анализ распределения. Для иллюстрации дифференцирующей способности шкалы был проведен описательный анализ процентилей. Верхние 30 % распределения (≥ 106 баллов) рассматриваются как исследовательский порог, требующий кросс-валидации на независимой выборке с использованием внешнего критерия (например,

экспертной комиссии). ROC-анализ на данном этапе не проводился ввиду отсутствия «золотого стандарта» зависимости от ИИ.

Статистическая обработка выполнена в Jamovi 2.6.44.

Результаты

В результате редукции исходного перечня пунктов (с 52 до 27) был сформирован итоговый вариант Шкалы зависимости от ИИ в управлении (ШАИУ), включающий 27 пунктов, сгруппированных в девять субшкал (по три пункта в каждой) и три интегральные шкалы (таблица 3). Факторная структура подтверждена эксплораторным анализом на основной выборке (N = 412): три фактора в совокупности объясняют 52,7 % дисперсии, факторные нагрузки пунктов варьируются от 0,50 до 0,78.

Конфирматорный факторный анализ (CFA). На кросс-валидационной выборке (N = 208) проведен CFA для проверки факторной структуры, полученной в EFA. Все пункты имели стандартизованные факторные нагрузки > 0,50 на своем факторе и < 0,30 на альтернативных факторах (проверено с помощью индекса модификации и ожидаемых изменений параметров).

Таблица 3. Структура Шкалы зависимости от ИИ в управлении (ШАИУ)

Table 3. Structure of the Scale of Dependence on AI in Management (SDAIM)

Шкала	Субшкала	Число пунктов	Пример утверждения
I. Когнитивно-диспозиционная зависимость (КДЗ)	1.1. Делегирование аналитических функций	3	«Я предпочитаю передать ИИ анализ данных, даже если могу сделать это сам»
	1.2. Некритическое принятие рекомендаций	3	«Если ИИ предлагает решение, я следую ему, даже когда сомневаюсь»
	1.3. Антропоморфизация (когнитивное искажение)	3	«Мне кажется, что ИИ действительно понимает мои задачи и потребности»
II. Аффективно-мотивационная зависимость (АМЗ)	2.1. Дискомфорт при отсутствии доступа	3	«Я испытываю тревогу, когда не могу получить совет ИИ по рабочему вопросу»
	2.2. Компульсивное влечение	3	«Я испытываю непреодолимое желание обратиться к ИИ при каждой рабочей задаче»
	2.3. Эмоциональное замещение	3	«Мне легче обсуждать рабочие вопросы с ИИ, чем с коллегами»
III. Поведенческая и социальная дезадаптация (ПСД)	3.1. Нарушение режима и границ	3	«Я засиживаюсь за взаимодействием с ИИ допоздна, пренебрегая сном»
	3.2. Снижение профессиональной эффективности	3	«Мои коллеги замечают, что моя продуктивность снизилась»
	3.3. Перекладывание ответственности	3	«В случае неудачного решения я объясняю это ошибкой ИИ»

Перекрестных нагрузок, превышающих пороговые значения, не обнаружено. Использовались индексы согласия: CFI, RMSEA, SRMR. Результаты CFA подтвердили трехфакторную структуру: $\chi^2(321) = 751{,}14$; $\chi^2/df = 2{,}34$; CFI = 0,92; RMSEA = 0,068 (90 % CI: 0,058–0,078); SRMR = 0,058.

Надежность. Результаты проверки надежности разработанного опросника представлены в таблице 4. Все шкалы ШАИУ демонстрируют приемлемую внутреннюю согласованность: значения α Кронбаха варьируются от 0,84 до 0,91 для субшкал и общей шкалы соответственно. Временная устойчивость разработанной методики определялась с помощью коэффициента внутриклассовой корреляции ICC(2,1) (двусторонняя смешанная модель, абсолютное согласие) на подвыборке, насчитывавшей 89 респондентов. Ретестовый интервал при этом составил 6–8 недель. Полученные значения ICC оказались в приемлемых пределах: для общего балла ШАИУ – 0,81 (95 % ДИ: 0,73–0,87), для отдельных субшкал – от 0,71 до 0,78. Дополнительно в целях обеспечения сопоставимости с результатами, представленными в других валидизационных исследованиях, был рассчитан коэффициент корреляции Пирсона между первым и вторым измерениями. Для общего балла опросника он составил r = 0,83 (p < 0,001).

Таблица 4. Показатели надежности опросника ШАИУ (N=208)

Table 4. Reliability indices of the SDAIM questionnaire (N=208)

Шкала	Число пунктов	α Кронбаха	ICC (95% CI)
Когнитивно-диспозиционная зависимость	9	0,87	0,77 (0,68–0,84)
Аффективно-мотивационная зависимость	9	0,84	0,73 (0,63–0,81)
Поведенческая и социальная дезадаптация	9	0,86	0,79 (0,70–0,86)
Общий балл ШАИУ	27	0,91	0,81 (0,73–0,87)

Примечание: ретестовая надежность оценивалась на подвыборке из 89 респондентов с интервалом 6–8 недель. ICC — коэффициент внутриклассовой корреляции (модель ICC(2,1)).

Валидность. Проверка конвергентной валидности ШАИУ осуществлялась посредством расчета корреляции ее общего балла с результатами русскоязычной версии теста интернет-зависимости К. Янг[4]. Полученный коэффициент составил r = 0,58 (p < 0,001), что свидетельствует об ожидаемой содержательной близости, но не тождественности измеряемых конструктов. Дискриминантная валидность оценивалась через корреляцию со шкалой оценки потребности в одобрении Марлоу–Крауна[5] (адаптация Ю. Л. Ханина). Средний балл по шкале социальной желательности в выборке составил 14,2 (SD = 3,1), что соответствует умеренному уровню. Отсутствие значимой корреляции с ШАИУ (r = –0,12; p = 0,09) при достаточной вариативности шкалы подтверждает дискриминантную валидность.

[4] Young, K. S. (1995). *Internet Addiction Test (IAT)* [Адаптация В. А. Лоскутовой (Буровой), 2004]. https://cyberpsy.ru/tests/internet_addiction_test_young/

[5] Marlowe, D., & Crowne, D. P. (1960). *Оценка потребности в одобрении Марлоу-Крауна* (Marlowe-Crowne Social Desirability Scale, MC-SDS) [Адаптированная версия Ю. Л. Ханина]. Psytests.org. https://psytests.org/emvol/mcsds.html

Оценка общего метода дисперсии. Поскольку данные по шкалам ШАИУ, тесту интернет-зависимости К. Янг и шкале социальной желательности были получены от одних и тех же респондентов (основная выборка N = 412), существует риск систематической ошибки, связанной с общим методом сбора данных (common method variance, CMV). Для проверки этого влияния был проведен однофакторный тест Хармана: все пункты авторского опросника, теста интернет-зависимости и шкалы социальной желательности были одновременно включены в эксплораторный факторный анализ (метод главных компонент без вращения). Первый фактор объяснил 27,4 % дисперсии, что ниже критического порога 50 %. Дополнительно проведен CFA-тест с общим фактором метода: добавление латентного фактора метода не улучшило модель значимо (ΔCFI = 0,007, ΔRMSEA = 0,004), а все значимые корреляции между конструктами сохранились. Таким образом, влияние общего метода дисперсии на полученные результаты минимально.

Для дополнительного контроля социальной желательности был проведен частный корреляционный анализ между общим баллом ШАИУ и экспертной оценкой девиантности с контролем балла по шкале Марлоу–Крауна (таблица 5). Частная корреляция (на той же выборке, N = 412) составила r = 0,53 (p < 0,001), что незначительно отличается от исходной r = 0,56. Это свидетельствует о минимальном влиянии социальной желательности на основной результат.

Дескриптивная статистика. Шкалы ШАИУ имеют показатели асимметрии и эксцесса меньше единицы, что демонстрирует приемлемую близость распределения к нормальному (таблица 6). Дополнительно проведена проверка нормальности распределения остатков

Таблица 5. Результаты корреляционного анализа для проверки валидности (n=208)

Table 5. Results of the correlation analysis to test validity (n=208)

Шкала ШАИУ	Тест интернет-зависимости К. Янг	Шкала социальной желательности
Когнитивно-диспозиционная	0,61***	–0,11
Аффективно-мотивационная	0,54***	–0,09
Поведенческая и социальная дезадаптация	0,49***	–0,14
Общий балл ШАИУ	0,58***	–0,12

Примечание: *** p < 0,001

Таблица 6. Дескриптивные характеристики по шкалам ШАИУ (N=620)

Table 6. Descriptive statistics for the SDAIM scales (N=620)

Шкала	M	SD	Асимметрия	Эксцесс
Когнитивно-диспозиционная	32,15	7,42	–0,18	–0,52
Аффективно-мотивационная	28,64	8,13	0,07	–0,63
Поведенческая и социальная дезадаптация	29,87	8,56	0,21	–0,48
Общий балл ШАИУ	90,66	22,04	0,03	–0,57

в регрессионном анализе с использованием критерия Шапиро–Уилка (W = 0,99, p = 0,12), что не противоречит допущению о нормальности.

Дискриминативность шкал оценивалась с помощью коэффициента d Фергюсона: общая шкала – 0,96, субшкалы – 0,92–0,94.

Результаты корреляционного анализа между показателями ШАИУ и экспертными оценками девиантного поведения (метод 360°, N = 412 руководителей основной выборки, по которым имелись оценки не менее трех экспертов) представлены в таблице 7.

Таблица 7. Корреляции между шкалами ШАИУ и экспертными оценками девиантного поведения руководителей (N=412)

Table 7. Correlations between the SDAIM scales and expert assessments of deviant behavior of managers (N=412)

Шкала ШАИУ	Интегральный балл девиантности (ШЭОПД-6)	Уклонение от ответственности	Игнорирование мнения подчиненных	Профессиональная деформация
Когнитивно-диспозиционная зависимость	0,52***	0,48***	0,55***	0,49***
Аффективно-мотивационная зависимость	0,44***	0,41***	0,47***	0,43***
Поведенческая и социальная дезадаптация	0,58***	0,61***	0,54***	0,56***
Общий балл ШАИУ	0,56***	0,54***	0,57***	0,53***

Примечание: *** p < 0,001

Как видно из таблицы 7, общий балл ШАИУ обнаруживает умеренно выраженную положительную корреляцию с интегральной экспертной оценкой девиантного поведения (r = 0,56; p < 0,001). Наиболее выраженные связи зафиксированы для субшкалы «Поведенческая и социальная дезадаптация» (r = 0,58; p < 0,001).

Результаты множественного регрессионного анализа (метод пошагового включения) показали, что три субшкалы ШАИУ в совокупности объясняют 38,7 % дисперсии интегрального балла девиантности (F (3,408) = 86,14; p < 0,001; R^2 = 0,387; скорректированный R^2 = 0,383). Наибольший стандартизованный вклад вносит субшкала «Поведенческая и социальная дезадаптация» (β = 0,41; p < 0,001), за ней следует «Когнитивно-диспозиционная зависимость» (β = 0,27; p < 0,001). Вклад «Аффективно-мотивационной зависимости» оказался статистически значимым, но меньшим (β = 0,14; p < 0,01). Проверка мультиколлинеарности показала допустимые значения VIF (1,8–2,4).

На основе распределения суммарных баллов были определены предварительные пороговые значения для дифференциации уровней зависимости (таблица 8). Данные пороги носят исследовательский характер.

Таблица 8. Интерпретация суммарных баллов по шкалам ШАИУ

Table 8. Interpretation of total scores on the SDAIM scales

Уровень	Процентильный диапазон	Общий балл	Характеристика
Нормативный (инструментальный)	Ниже 40	Менее 85	Использование ИИ как осознанного инструмента, отсутствие признаков дезадаптации
Пограничный (риск)	40–70	85–105	Отдельные признаки зависимости, ситуативное снижение контроля, потенциальный риск развития дезадаптивных форм поведения
Выраженный (дезадаптивный)	71–90	106–125	Регулярные компульсивные эпизоды, выраженные признаки поведенческой и социальной дезадаптации
Максимальный уровень аддиктивных паттернов	Выше 90	Более 125	Регулярное перекладывание ответственности на ИИ (отмечаемое как в самоотчете, так и экспертами), значительное снижение профессиональной компетентности

Примечание: Предложенные пороговые значения являются предварительными и основаны на распределении баллов в выборке исследования (N=620). Установление клинических критериев зависимости от ИИ требует дополнительных исследований с использованием диагностического интервью и независимой экспертной оценки. Термин «дезадаптивный» используется для обозначения выраженности поведенческих нарушений, а не в качестве клинического диагноза.

Обсуждение результатов

Трехфакторная структура зависимости от ИИ в управлении соответствует классической триаде поведенческих аддикций (DSM-5, МКБ-11 для игрового расстройства) и современным моделям, включая Generative AI Dependency Scale с ее когнитивной поглощенностью, негативными последствиями и синдромом отмены (Goh et al, 2025).

Общий балл ШАИУ коррелирует с экспертными оценками девиантного поведения ($r = 0,56$; $p < 0,001$). Зависимость от ИИ выступает не обособленной формой аддикции, а феноменом, ассоциированным с профессиональными девиациями. Корреляционный дизайн не позволяет утверждать причинно-следственный характер связи. Нельзя исключать альтернативных объяснений, в том числе влияния общих личностных предиспозиций – экстернального локуса контроля и низкой самоэффективности, которые могут в равной степени предрасполагать и к формированию зависимости от ИИ, и к девиантному поведению.

Включение антропоморфизации в когнитивно-диспозиционный блок требует интерпретации. В развиваемом подходе это когнитивный механизм, опосредующий переход от инструментального использования ИИ к аддиктивной привязанности. Зарубежные данные подтверждают: одушевление технологий – предиктор эмоциональной зависимости от ИИ (Young, 1998; Heng, Zhang, 2025). Медиационный анализ в исследовании не проводился, поэтому интерпретация антропоморфизации как механизма остается гипотетической и требует лонгитюдной проверки со структурным моделированием.

Сравнительный анализ с существующими методиками диагностики цифровых аддикций показывает преимущества ШАИУ: учет специфики генеративных нейросетей (сикофантия, антропоморфизм), ориентация на управленческий контекст, возможность дифференциации уровней зависимости. В отличие от теста К. Янг, ориентированного на общую интернет-активность, разработанная шкала фиксирует именно паттерны взаимодействия с ИИ в профессиональной деятельности.

Наиболее сильные корреляции зафиксированы между субшкалой «Поведенческая и социальная дезадаптация» и такими формами девиантности, как уклонение от ответственности (r = 0,61) и профессиональная деформация (r = 0,56). Этот результат согласуется с данными Дин Сюэ-Цюй с соавторами, показавшими, что использование ИИ активирует мотивацию избегания, которая, в свою очередь, связана с ростом девиантного поведения (Ding et al., 2025). В контексте концепции локуса контроля Дж. Роттера (Rotter, 1966) можно предположить, что регулярное делегирование решений ИИ ассоциировано с усилением экстернальной позиции руководителя, что создает когнитивное основание для уклонения от профессиональной ответственности.

Важно подчеркнуть, что связь между ИИ-зависимостью и девиантностью не является линейной и безусловной. Три компонента зависимости объясняют 38,7 % дисперсии девиантного поведения, что указывает на наличие иных факторов (личностных, ситуационных, организационных), которые могут выступать в качестве модераторов или медиаторов. Тем не менее выявленный паттерн корреляций позволяет рассматривать ШАИУ как перспективный инструмент для исследований в области скрининговой диагностики рисков профессиональных девиаций. Практические рекомендации на данном этапе преждевременны.

Высокий коэффициент корреляции между субшкалой «Перекладывание ответственности» (пункты 3.3) и экспертной оценкой уклонения от ответственности ($r = 0,63$; $p < 0,001$) свидетельствует о том, что самооценочные отчеты руководителей о склонности объяснять неудачи ошибками ИИ согласуются с наблюдениями их коллег и подчиненных. Это снижает риск систематической ошибки, связанной с социальной желательностью, но не исключает ее полностью.

Предложенные пороговые значения уровней зависимости (таблица 7) носят предварительный характер. Теоретические основы диагностики и профилактики поведенческих аддикций, включая игровое расстройство, подробно изложены в монографических работах; предложенные в них подходы могут быть адаптированы для изучения зависимости от ИИ в управленческой деятельности (King & Delfabbro, 2018). Установление клинических критериев потребует дополнительных исследований с использованием диагностического интервью и независимой экспертной оценки на репрезентативной выборке.

Заключение

Разработанная Шкала зависимости от искусственного интеллекта в управлении (ШАИУ) представляет собой валидный и надежный инструмент диагностики аддиктивного поведения субъектов управления во взаимодействии с генеративными нейросетями. Трехфакторная структура методики, подтвержденная конфирматорным факторным анализом на независимой выборке (N = 208), отражает когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты зависимости и позволяет дифференцировать нормативный, пограничный и дезадаптивный уровни ее выраженности.

Полученные результаты позволяют рассматривать зависимость от ИИ в управленческой деятельности как перспективный объект диагностики в рамках аддиктологии. Выявленные значимые корреляции между показателями ШАИУ и экспертными оценками девиантного поведения (r = 0,56) свидетельствуют о том, что зависимость от ИИ ассоциирована

с профессиональными девиациями руководителей. На данном этапе ШАИУ может использоваться исключительно в исследовательских целях для скрининговой оценки рисков профессиональных девиаций в выборках руководителей. Внедрение в практику психологического сопровождения требует дополнительной валидизации на репрезентативной выборке и установления прогностической валидности в лонгитюдных исследованиях.

Ограничения исследования. Несмотря на достаточный объем выборки для первичной валидизации (общая N = 620), считаем необходимым отметить следующие ограничения. Во-первых, выборка не является полностью репрезентативной (преобладание социальной сферы – 30,1 %, недостаточная представленность ИТ-сектора – 12,1 % и производственной сферы – 20,9 %). Во-вторых, отсутствует клиническая валидизация с использованием диагностического интервью – предложенные пороговые значения уровней зависимости требуют уточнения на репрезентативной выборке с привлечением внешнего критерия. В-третьих, самоотчетный характер методики создает риск социально желательных ответов, хотя проверка дискриминантной валидности со шкалой социальной желательности показала отсутствие значимых корреляций. В-четвертых, размер основной выборки для EFA (N = 412) находится на нижней границе рекомендуемого соотношения наблюдений на пункт. В-пятых, корреляционный дизайн не позволяет делать выводы о причинности. В-шестых, эксплораторный факторный анализ и проверка критериальной валидности (корреляция ШАИУ с экспертными оценками) проводились на одной и той же выборке (N = 412). Это могло привести к завышению оценок связей. В идеальном дизайне следовало бы использовать независимые выборки для каждого этапа. Полученные результаты следует рассматривать как предварительные, требующие кросс-валидации.

Перспективы дальнейших исследований. В связи с изложенным можно заключить, что перспективными направлениями являются:

1) расширение выборки за счет более равномерного представительства различных сфер деятельности и уровней управления;

2) проведение кросс-культурных исследований для проверки устойчивости факторной структуры;

3) установление связей между показателями ШАИУ и объективными параметрами использования ИИ (частота, длительность сессий, поведенческие логи);

4) нейропсихологические исследования маркеров ИИ-аддикции;

5) разработка и апробация коррекционных программ для руководителей с высоким уровнем зависимости от ИИ;

6) лонгитюдные исследования для проверки прогностической валидности шкалы и направления причинно-следственных связей.

Список литературы

Войскунский, А. Е., Митина, О. В., Гусейнова, А. А., & Рустамова, Н. Э. (2015). Диагностика зависимости от Интернета: сравнение методических средств. *Медицинская психология в России*, 4(33), 11.

Егоров, А. Ю. (2021). Актуальные подходы к терапии интернет-зависимости. *Вопросы наркологии*, (9/204), 27–42. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2021_09_27

Asamoah, E. S. (2026). The role of artificial intelligence in management decision making: A systematic review. *International Journal of Economic Perspectives*, 20(1), 188–202.

Banker, S., & Khetani, S. (2019). Algorithm overdependence: How the use of algorithmic recommendation systems can increase risks to consumer well-being. *Journal of Public Policy & Marketing*, 38(4), 500–515. https://doi.org/10.1177/0743915619858057

Brand, M., Young, K. S., & Laier, C. (2014). Prefrontal control and internet addiction: A theoretical model and review of neuropsychological and neuroimaging findings. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, Article 375. https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00375

Brand, M., Young, K. S., Laier, C., Wölfling, K., & Potenza, M. N. (2016). Integrating psychological and neurobiological considerations regarding the development and maintenance of specific Internet-use disorders: An Interaction of Person-Affect-Cognition-Execution (I-PACE) model. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews,* 71, 252–266. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.08.033

Cheng, M., Lee, C., Khadpe, P., Yu, S., Han, D., & Jurafsky, D. (2026). Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence. *Science*, 391(6792), eaec8352. https://doi.org/10.1126/science.aec8352

Ding, X.-Q., Chen, H., Liu, J., Liu, Y.-Z., & Wang, X.-H. (2025). AI-induced behaviors: Bridging proactivity and deviance through motivational insights. *Journal of Managerial Psychology*. Advance online publication. https://doi.org/10.1108/JMP-05-2024-0375

Fairburn, D., & Hoelterhoff, M. (2022). The effects of unemployment on locus of control: A meta-analysis. *Psychreg Journal of Psychology*, 6(4), 15–29.

Fang, C. M., Liu, A. R., Danry, V., Lee, E., Chan, S. W. T., Pataranutaporn, P., Maes, P., Phang, J., Lampe, M., Ahmad, L., & Agarwal, S. (2025). *How AI and human behaviors shape psychosocial effects of extended chatbot use: A longitudinal controlled study*. MIT Media Lab. https://www.media.mit.edu/publications/how-ai-and-human-behaviors-shape-psychosocial-effects-of-chatbot-use-a-longitudinal-controlled-study/

Gangwar, R., Dash, B., Nanda, A., & Ayyub, S. (2024). Impact of artificial intelligence (AI) enabled management information system (MIS) in managerial decision making: An empirical study of leading business organisation. *Journal of Informatics Education and Research, 4*(2). https://doi.org/10.52783/jier.v4i2.919

Goh, A. Y. H., Hartanto, A., & Majeed, N. M. (2025). Generative artificial intelligence dependency: Scale development, validation, and its motivational, behavioral, and psychological correlates. *Computers in Human Behavior Reports, 20*, Article 100845. https://doi.org/10.1016/j.chbr.2025.100845

Griffiths, M. (2005). A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, *10*(4), 191–197. https://doi.org/10.1080/14659890500114359

Heng, S., & Zhang, Z. (2025). Attachment anxiety and problematic use of conversational artificial intelligence: Mediation of emotional attachment and moderation of anthropomorphic tendencies. *Psychology Research and Behavior Management*, 18, 1775–1785. https://doi.org/10.2147/PRBM.S531805

Joshi, S. (2025). The role of AI in enhancing teamwork, resilience and decision-making: Review of recent developments. *International Journal of Computer Applications*, 187(8), 9–26. https://doi.org/10.5120/ijca2025925036

Kardefelt-Winther, D. (2014). A conceptual and methodological critique of Internet addiction research: Towards a model of compensatory Internet use. *Computers in Human Behavior, 31*, 351–354. https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.059

Kardefelt-Winther, D., Heeren, A., Schimmenti, A., van Rooij, A., Maurage, P., Carras, M. C., Edman, J., Blaszczynski, A., Khazaal, Y., & Billieux, J. (2017). How can we conceptualize behavioural addiction without pathologizing common behaviours? *Addiction*, *112*(10), 1709–1715. https://doi.org/10.1111/add.13763

Khraishi, R., Iglesias de Oliveira, C., Batra, D., Gostev, P., Pelosio, G., Okhrati, R., & Cowan, G. (2025). Real-time hyper-personalized generative AI should be regulated to prevent the rise of "digital heroin". In *NeurIPS 2025 Conference*. San Diego, CA, USA.

King, D. L., & Delfabbro, P. H. (2018). *Internet gaming disorder: Theory, assessment, treatment, and prevention*. Academic Press. 294 p.

Moskalenko, O. L. (2023). Профилактика интернет-аддикции у подростков. *International Journal of Advanced Studies in Medicine and Biomedical Sciences*, (1), 27–34. https://sic-publ.press/index.php/mbs/article/view/128

Pontes, H. M., & Griffiths, M. D. (2017). The development and psychometric evaluation of the Internet Disorder Scale (IDS-15). *Addictive Behaviors, 64*, 261–268. https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2015.09.003

Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 80(1), 1–28.

Shalawadi, S. B., Echtler, F., & Raptis, D. (2024). Dr. Convenience Love or: How I learned to stop worrying and love my voice assistant. In *NordiCHI '24: Proceedings of the 13th Nordic Conference on Human-Computer Interaction* (Article 31, pp. 1–14). Association for Computing Machinery. https://doi.org/10.1145/3679318.3685364

Shukla, M., Dubey, S., & Mishra, S. (2024). The impact of AI on improving the efficiency and accuracy of managerial decisions. *International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology*, 12(VII). https://doi.org/10.22214/ijraset.2024.63652

Yankouskaya, A., Babiker, A., Rizvi, S., Alshakhsi, S., Liebherr, M., & Ali, R. (2025). LLM-D12: A dual-dimensional scale of instrumental and relational dependencies on large language models. *ACM Transactions on the Web.* Advance online publication. https://doi.org/10.1145/3765895

Young, K. S. (1998). Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 1(3), 237–244. https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237

References

Voiskunskii, A. E., Mitina, O. V., Guseinova, A. A., & Rustamova, N. E. (2015). Diagnostika zavisimosti ot Interneta: sravnenie metodicheskikh sredstv. *Meditsinskaia psikhologiia v Rossii, 4*(33), 11.

Egorov, A. Yu. (2021). Aktual'nye podkhody k terapii internet-zavisimosti. *Voprosy narkologii,* (9/204), 27–42. https://doi.org/10.47877/0234-0623_2021_09_27

Asamoah, E. S. (2026). The role of artificial intelligence in management decision making: A systematic review. *International Journal of Economic Perspectives*, 20(1), 188–202.

Banker, S., & Khetani, S. (2019). Algorithm overdependence: How the use of algorithmic recommendation systems can increase risks to consumer well-being. *Journal of Public Policy & Marketing*, 38(4), 500–515. https://doi.org/10.1177/0743915619858057

Brand, M., Young, K. S., & Laier, C. (2014). Prefrontal control and internet addiction: A theoretical model and review of neuropsychological and neuroimaging findings. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, Article 375. https://doi.org/10.3389/fnhum.2014.00375

Brand, M., Young, K. S., Laier, C., Wölfling, K., & Potenza, M. N. (2016). Integrating psychological and neurobiological considerations regarding the development and maintenance of specific Internet-use disorders: An Interaction of Person-Affect-Cognition-Execution (I-PACE) model. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews,* 71, 252–266. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.08.033

Cheng, M., Lee, C., Khadpe, P., Yu, S., Han, D., & Jurafsky, D. (2026). Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence. *Science*, 391(6792), eaec8352. https://doi.org/10.1126/science.aec8352

Ding, X.-Q., Chen, H., Liu, J., Liu, Y.-Z., & Wang, X.-H. (2025). AI-induced behaviors: Bridging proactivity and deviance through motivational insights. *Journal of Managerial Psychology*. Advance online publication. https://doi.org/10.1108/JMP-05-2024-0375

Fairburn, D., & Hoelterhoff, M. (2022). The effects of unemployment on locus of control: A meta-analysis. *Psychreg Journal of Psychology*, 6(4), 15–29.

Fang, C. M., Liu, A. R., Danry, V., Lee, E., Chan, S. W. T., Pataranutaporn, P., Maes, P., Phang, J., Lampe, M., Ahmad, L., & Agarwal, S. (2025). *How AI and human behaviors shape psychosocial effects of extended chatbot use: A longitudinal controlled study*. MIT Media Lab. https://www.media.mit.edu/publications/how-ai-and-human-behaviors-shape-psychosocial-effects-of-chatbot-use-a-longitudinal-controlled-study/

Gangwar, R., Dash, B., Nanda, A., & Ayyub, S. (2024). Impact of artificial intelligence (AI) enabled management information system (MIS) in managerial decision making: An empirical study of leading business organisation. *Journal of Informatics Education and Research, 4*(2). https://doi.org/10.52783/jier.v4i2.919

Goh, A. Y. H., Hartanto, A., & Majeed, N. M. (2025). Generative artificial intelligence dependency: Scale development, validation, and its motivational, behavioral, and psychological correlates. *Computers in Human Behavior Reports, 20*, Article 100845. https://doi.org/10.1016/j.chbr.2025.100845

Griffiths, M. (2005). A 'components' model of addiction within a biopsychosocial framework. *Journal of Substance Use*, *10*(4), 191–197. https://doi.org/10.1080/14659890500114359

Heng, S., & Zhang, Z. (2025). Attachment anxiety and problematic use of conversational artificial intelligence: Mediation of emotional attachment and moderation of anthropomorphic tendencies. *Psychology Research and Behavior Management*, 18, 1775–1785. https://doi.org/10.2147/PRBM.S531805

Joshi, S. (2025). The role of AI in enhancing teamwork, resilience and decision-making: Review of recent developments. *International Journal of Computer Applications*, 187(8), 9–26. https://doi.org/10.5120/ijca2025925036

Kardefelt-Winther, D. (2014). A conceptual and methodological critique of Internet addiction research: Towards a model of compensatory Internet use. *Computers in Human Behavior, 31*, 351–354. https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.059

Kardefelt-Winther, D., Heeren, A., Schimmenti, A., van Rooij, A., Maurage, P., Carras, M. C., Edman, J., Blaszczynski, A., Khazaal, Y., & Billieux, J. (2017). How can we conceptualize behavioural addiction without pathologizing common behaviours? *Addiction*, *112*(10), 1709–1715. https://doi.org/10.1111/add.13763

Khraishi, R., Iglesias de Oliveira, C., Batra, D., Gostev, P., Pelosio, G., Okhrati, R., & Cowan, G. (2025). Real-time hyper-personalized generative AI should be regulated to prevent the rise of "digital heroin". In *NeurIPS 2025 Conference*. San Diego, CA, USA.

King, D. L., & Delfabbro, P. H. (2018). *Internet gaming disorder: Theory, assessment, treatment, and prevention*. Academic Press. 294 p.

Moskalenko, O. L. (2023). Profilaktika internet-addikcii u podrostkov. *International Journal of Advanced Studies in Medicine and Biomedical Sciences*, (1), 27–34. https://sic-publ.press/index.php/mbs/article/view/128

Pontes, H. M., & Griffiths, M. D. (2017). The development and psychometric evaluation of the Internet Disorder Scale (IDS-15). *Addictive Behaviors, 64*, 261–268. https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2015.09.003

Rotter, J. B. (1966). Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*, 80(1), 1–28.

Shalawadi, S. B., Echtler, F., & Raptis, D. (2024). Dr. Convenience Love or: How I learned to stop worrying and love my voice assistant. In *NordiCHI '24: Proceedings of the 13th Nordic Conference on Human-Computer Interaction* (Article 31, pp. 1–14). Association for Computing Machinery. https://doi.org/10.1145/3679318.3685364

Shukla, M., Dubey, S., & Mishra, S. (2024). The impact of AI on improving the efficiency and accuracy of managerial decisions. *International Journal for Research in Applied Science and Engineering Technology*, 12(VII). https://doi.org/10.22214/ijraset.2024.63652

Yankouskaya, A., Babiker, A., Rizvi, S., Alshakhsi, S., Liebherr, M., & Ali, R. (2025). LLM-D12: A dual-dimensional scale of instrumental and relational dependencies on large language models. *ACM Transactions on the Web.* Advance online publication. https://doi.org/10.1145/3765895

Young, K. S. (1998). Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*, 1(3), 237–244. https://doi.org/10.1089/cpb.1998.1.237

Информация об авторах

Игорь Вячеславович Гайдамашко – академик РАО, доктор психологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории управления человеческим капиталом и организационного поведения Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

Елена Михайловна Климова – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории управления человеческим капиталом и организационного поведения Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

About the authors

Igor Vyacheslavovich Gaidamashko – Academician of the Russian Academy of Education, Dr. Sci. (Psy.), Docent, Chief Researcher of the Laboratory of Human Capital Management and Organizational Behavior at the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research.

Elena Mikhailovna Klimova – Dr. Sci. (Psy.), Docent, Senior Research Fellow at the Laboratory of Human Capital Management and Organisational Behavior at the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.05.2026
Одобрена после рецензирования 20.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted May 27, 2026
Approved after reviewing August 20, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9

Деструкции у подрастающего поколения под влиянием цифровой среды и ориентиры в обеспечении информационно-психологической безопасности

Алексей Владимирович Кокурин
Московский государственный психолого-педагогический университет
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (Москва, Россия)
kokurin1@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0454-1691

Вячеслав Михайлович Поздняков
Московский государственный психолого-педагогический университет (Москва, Россия)
pozdnyakov53@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9487-4435

Аннотация

Актуальность. Статья посвящена анализу научных публикаций зарубежных и российских исследователей, напечатанных преимущественно в 2021–2026 гг. и рассматривающих причины и закономерности роста деструкций среди подрастающего поколения под влиянием цифровой среды. ***Целью исследования*** выступило выявление тенденций и механизмов влияния цифровой среды на формирование деструктивного поведения у подрастающего поколения, а также анализ существующих профилактических мер. ***Гипотеза исследования*** состоит в предположении, что метаанализ публикаций позволит выявить тенденции в изучении и превенции деструкций среди подрастающего поколения и с их учетом обосновать модель императивов в обеспечении информационно-психологической безопасности. ***Материалы и методы исследования.*** В исследовании использован комплексный подход, позволяющий на основе анализа 26 зарубежных и 28 российских публикаций в области психологии, социологии, права и педагогики осуществить систематизацию данных о трендах и формах деструктивного поведения подрастающего поколения в цифровой среде, а также по предлагаемым учеными мерам их профилактики. ***Результаты исследования.*** Выявлены тенденции в изучении и превенции деструкций среди подрастающего поколения по конкретным их формам. Установлена взаимосвязь между интенсивностью использования подростками и молодежью цифровых устройств и формированием деструктивных паттернов поведения, в том числе с переносом их в онлайн-реальность. Показаны возможности имеющихся теорий социальной безопасности и предлагаемых моделей воздействия, направленных на снижение деструкций среди подрастающего поколения под влиянием цифровой среды. ***Заключение.*** Исследование демонстрирует важность реализации междисциплинарного подхода к изучению причин и механизмов развития деструкций у подрастающего поколения под влиянием цифровой среды, а также

© Кокурин А. В., Поздняков В. М., 2026

разработки комплексных программ профилактики в ракурсе двух императивов – превентивно-виктимного и культурно-развивающего. Методический инструментарий для этого активно разрабатывается, поднимается проблема создания технологий, отвечающих требованиям доказательной науки.

Ключевые слова

деструкции у подрастающего поколения, информационно-психологическая безопасность, киберсоциализация, профилактика деструктивных паттернов поведения, стресс, устойчивость, цифровая среда

Для цитирования: Кокурин, А. В., Поздняков, В. М. (2026). Деструкции у подрастающего поколения под влиянием цифровой среды и ориентиры в обеспечении информационно-психологической безопасности. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 411–428.

Original paper

Destructive behavior among the younger generation under the influence of the digital environment: guidelines for ensuring information and psychological security

Alexey V. Kokurin
Moscow State University of Psychology and Education
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
(Moscow, Russia)
kokurin1@bk.ru
ORCID: 0000-0003-0454-1691

Vyacheslav M. Pozdnyakov
Moscow State University of Psychology and Education
(Moscow, Russia)
pozdnyakov53@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9487-4435

Abstract

Relevance. The article analyses publications by international and Russian researchers, predominantly published in 2021–2026, addressing the causes and patterns underlying the growing prevalence of destructive behavior among the younger generation under the influence of the digital environment. ***Aim.*** The study aimed to identify trends and mechanisms underlying the influence of the digital environment on the development of destructive behavior among the younger generation and to analyse existing preventive measures. ***Research hypothesis.*** The study hypothesis is that a meta-analysis of relevant publications would make it possible to identify trends in research on and prevention of destructive behavior among the younger generation and, on this basis, to substantiate a model of imperatives for ensuring information and psychological security. ***Materials and methods.*** A comprehensive approach was employed to systematise evidence on trends and forms of destructive behavior among the younger generation in the digital environment, as well as on preventive measures proposed by researchers. The analysis covered 26 international and 28 Russian publications in the fields of psychology, sociology, law and education. ***Results.*** Trends in the study and prevention of destructive

behavior among the younger generation were identified with regard to specific forms of such behavior. An association was established between the intensity of digital device use among adolescents and young people and the development of destructive behavioral patterns, including their transfer into online environments. The potential of existing theories of social security and proposed intervention models aimed at reducing destructive behavior among the younger generation under the influence of the digital environment was demonstrated. ***Conclusion.*** The findings demonstrate the importance of adopting an interdisciplinary approach to investigating the causes and mechanisms underlying the development of destructive behavior among the younger generation under the influence of the digital environment, as well as of developing comprehensive prevention programmes based on two imperatives: preventive-victimological and cultural-developmental. Methodological tools for this purpose are currently being actively developed, while increasing attention is being paid to the need to develop technologies that meet the requirements of evidence-based science.

Keywords

destructive behavior among the younger generation, information and psychological security, cyber-socialisation, prevention of destructive behavioral patterns, stress, resilience, digital environment

For citation: Kokurin, A. V., Pozdnyakov, V. M. (2026). Destructive behavior among the younger generation under the influence of the digital environment: Guidelines for ensuring information and psychological security. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6(3), 411–428.

Введение

В XXI веке экспоненциально развиваются информационно-коммуникативные и цифровые технологии, поэтому в публикациях все чаще констатируется, что технологическая сингулярность, связанная во многом с развитием искусственного интеллекта, ведет к качественному изменению не только образа жизни, но и самого человека (Шваб, 2016; Ли & Чэнь, 2022).

В настоящее время наиболее активными интернет-пользователями выступают представители поколения Z, причем исследователи отмечают развитие у них таких характеристик, как эгоцентризм и инфантилизм, мультимедийная технологичность и прагматичность (Галин & Петров, 2025). Это во многом обусловлено влиянием киберсоциализации, в результате чего происходит перенос деструктивных моделей поведения, сформированных в онлайн-среде, в повседневную деятельность, одновременно присходит их масштабирование в публичном поведении[1], причем с демонстрацией таких деструктивных паттернов, как агрессия, буллинг, манипуляция, скулшутинг и др. (Азимов, 2025; Бушуева & Бушуев, 2022; Каменская & Томанов, 2022; Клубников, 2023; Кокурин & Поздняков, 2025; Souri et al., 2026). Видный футуролог Герд Леонгард в книге «Технологии против человека» констатировал, что «дополненная и виртуальная реальности добавляют новые проблемы, а поэтому необходима разработка взвешенного общемирового манифеста цифровых прав и цифрового здоровья» (Леонгард, 2018).

В связи с изложенным рассмотрим, какие тренды наблюдались в научных исследованиях за последние пять лет и какие предложения по профилактике деструктивного поведения у детей и подростков, в частности в контексте предотвращения его девиантных, делинквентных и криминальных форм, были выдвинуты учеными.

Отметим, что существует социальный запрос на проведение метаанализа. Все необходимые предпосылки в настоящее время для этого имеются. Наблюдается значительное увеличение количества как зарубежных, так и отечественных публикаций, в том числе на уровне

[1] Реан, А. А., Шевченко, А. О., Ставцев, А. А., & Кузьмин, Р. Г. (2026). Подходы к изучению просоциального поведения и альтруизма. *Российский девиантологический журнал*, *6*(1), 92–104. https://russianjournaldeviantbehavior.ru/ru/nauka/article/114476/view

теории, обоснования методов исследования и технологий превенции. Кроме того, расширился круг научных конференций, посвященных данной тематике, начали издаваться тематические журналы (например, в России: с 2016 г. научный журнал «Вопросы девиантологии», с 2017 г. научно-практический журнал «Девиантология» и с 2021 г. «Российский девиантологический журнал»).

Описание исследования

Быстро развивающийся цифровой мир предоставил человеку доступ к расширенному пространству бытия. В условиях информационной транспарентности поведение приобрело новые коннотации, поскольку человек может выбирать приоритеты между офлайн- и онлайн-реальностью, где существуют контрастные культурно-нравственные и другие ориентиры. Американский словарь Мерриама-Вебстера, широко используемый учеными при работе с терминами, еще в 2005 г. зафиксировал повышенный интерес пользователей к словам «честность» и «целостность»[2].

Исследователи цифровой среды, значительно расширившей свое влияние на все категории населения в период пандемии COVID-19, подчеркивают необходимость переосмысления процесса развития детей и подростков с учетом формирования гиперподключенной цифровой личности (Livingstone & Stoilova, 2021). Беспокойство вызывает проблемное использование интернета многими детьми и подростками, когда у них, с одной стороны, формируется зависимость от соцсетей (Boniel-Nissim et al., 2024; Keles et al., 2020; Ukgoda, 2024; Valkenburg et al., 2022; Liang & He, 2025), а с другой стороны, на фоне эффекта растормаживания в социальных сетях (Suler, 2004) они при самоутверждении начинают проверять действенность норм социума через их нарушение (Wu et al., 2017).

Анализ зарубежных публикаций, в том числе представляющих реализованные мета-анализы (Cioban et al., 2021), свидетельствует, что зарубежные исследователи, специализирующиеся на проблеме деструктивного поведения подрастающего поколения в цифровой среде, обращают внимание на причины роста таких форм девиантного поведения, как неконтролируемое использование с раннего возраста разных мобильных устройств, несанкционированный доступ к агрессивному контенту, участие в акциях кибербуллинга и других деструктивных воздействиях в социальных сетях, а также влияние смарт-технологий интернета вещей и цифрового маркетинга на изменение мотивации и образа жизни (Vukovic et al., 2021).

В публикациях зарубежных ученых обосновывается важность междисциплинарного подхода в изучении деструкций у подрастающего поколения под влиянием цифровой среды, аргументируется возможность их объяснения на основе интегральной теории социальной безопасности (Slavich et al., 2023). Данная теория раскрывает регуляторную логику человеческого мозга и иммунной системы как основы для определения причин поведения человека в социально-средовых ситуациях и предоставляет эволюционное объяснение того, как и почему опыт социальной безопасности и социальных угроз тесно связан со здоровьем и благополучием. На наш взгляд, данная теория, разработанная учеными из ряда ведущих университетов США и раскрывающая ситуационные и индивидуальные факторы риска современного человека, имеет большой концептуальный потенциал, в том числе по сравнению с ранее обоснованными теориями безопасности: адаптивной калибровочной моделью – АКМ (Del Giudice et al., 2011); теорией социального базового уровня – ТВА (Beckes & Coan, 2011); обобщенной теорией небезопасности – GUTS (Brosschot et al., 2017).

[2] The Christian Science Monitor. (2005, December 20). *Why 'integrity' was such a sought-after word this year*. https://www.csmonitor.com/2005/1220/p02s01-ussc.html

В статье ученых из Пакистана (Ayub & Ashraf, 2025) представлены результаты исследования, сфокусированного на изучении причин роста в последние годы кибердевиаций среди молодежи. По мнению авторов, цифровое пространство стало катализатором их разных форм: несанкционированного доступа (использование технических уязвимостей для взлома личных данных); обмана с использованием цифровой личности (создание фальшивых профилей в социальных сетях); киберпреследования и шантажа (использование мессенджеров и соцсетей для угроз и вымогательства); финансового кибермошенничества (использование банковских приложений и фишинговых технологий); диффамаций и негативных киберкомпаний (технологии массового распространения порочащей информации); ложной и манипулятивной информации (создание и распространение фейкового контента); секстинга и девиантного поведения в дейтинг-приложениях (использование специализированных платформ для знакомств и обмена интимным контентом); цифровой аддикции (чрезмерное использование интернета и гаджетов); злоупотребления искусственным интеллектом (использование алгоритмов ИИ в цифровом пространстве для деструктивных целей).

Пакистанские исследователи подчеркивают необходимость междисциплинарного подхода к обоснованию системы превенции с подключением к ее созданию юристов и инженеров-технологов, психологов и педагогов для создания и реализации эффективных превентивных стратегий. В качестве конкретных ориентиров ими предложены профилактические направления в области осуществления политики и нормативного регулирования (разработка и внедрение строгих законодательных норм, специфичных для киберпреступлений); проведения информационных кампаний (публичное информирование о видах кибердевиаций и их последствиях); повышения цифровой грамотности и ответственности при использовании технологий (прежде всего через обучение в системе образования); обеспечения семейной бдительности (активное вовлечение родителей в цифровую жизнь молодежи для раннего выявления отклонений); реализации системы поддержки и реабилитации (через создание механизмов помощи жертвам киберпреступлений и программ реабилитации).

В исследовании южноафриканских ученых (Ezeji & Uwizeyimana, 2025), посвященном влиянию цифровых технологий на активность детей в социальных сетях, подчеркивается значимость разработки мер по предотвращению девиантного поведения на уровне не только государственной политики, но и международной. В условиях повсеместного распространения и удобства использования мобильных устройств авторы указывают на необходимость мониторинга и совместных усилий правительств, технологических компаний и образовательных учреждений для обеспечения защиты детей в онлайн-среде.

Отмечается, что в настоящее время программы профилактики цифровых деструктивных воздействий на подрастающее поколение недостаточно эффективны. В связи с этим ученые все чаще высказывают предложения о введении нормативно-правовых ограничений на доступ детей и подростков к киберпространству. В частности, юристами Европейского союза согласовывается нормативный акт, направленный на ограничение доступа к социальным сетям для детей до 16 лет, а также по включению лиц возрастной группы 17–18 лет в цифровую среду только при наличии предварительного разрешения родителей[3].

Зарубежные исследователи, помимо акцента на введение строгих правовых санкций, подчеркивают значимость развития у подрастающего поколения навыков эмоциональной регуляции через осознанность, а также применения технологий когнитивной реструктуризации для коррекции деструктивных установок. Важное место отводится программам обучения навыкам разрешения конфликтов и ведения переговоров, а также вовлечению молодежи

[3] РИА Новости. (2026, 2 июля). *ЕК может объявить о запрете соцсетей для детей в сентябре, пишут СМИ*. https://ria.ru/20260702/ek-2102271402.html

в просоциальную деятельность, такую как спорт, волонтерство, творческие занятия и др. Кроме того, уделяется серьезное внимание укреплению семейных связей и поддержке со стороны семьи (Uvelli et al., 2026).

Среди отечественных психологов разноплановые исследования в области изучения и профилактики деструкций у молодежи, возникающих под влиянием цифровых технологий, проведены научной группой профессора МГУ Г. У. Солдатовой: раскрыта роль таких видов рисков цифровой среды, как технические, контентные, коммуникационные и потребительские, а также обоснована необходимость разработки комплексных мер профилактики на основе предложенной Социально-когнитивной концепции цифровой социализации (Солдатова & Войскунский, 2021). В статье «Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном пространствах» (Солдатова и др., 2025) показано, что уровень вовлеченности молодежи в интернет-активность, а также особенности их цифровой грамотности оказывают значительное влияние на субъективное восприятие удовлетворенности жизнью. Установлено, что имеется корреляция между удовлетворенностью жизнью в виртуальной и реальной сферах, что подчеркивает важность изучения процессов конвергенции этих двух миров. Г. У. Солдатова и Е. И. Рассказова (Солдатова & Рассказова, 2023) выявили, что каждый второй российский подросток сталкивается с негативным онлайн-опытом. Установлено, что в сравнении со странами Западной Европы, где образовательные и социально-психологические программы по повышению интернет-грамотности и снижению рисков исторически появились раньше, Россия отстает в обеспечении безопасности подростков в социальных сетях. В связи с этим авторы подчеркивают необходимость разработки психологической модели цифровой компетентности для российских подростков, а также консолидированных усилий специалистов различных профилей для предотвращения негативного влияния цифровых технологий на развитие личности молодого поколения.

В статье ученых из Московского государственного психолого-педагогического университета И. Б. Бовиной и Н. В. Дворянчикова «Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна?» (Бовина & Дворянчиков, 2020a) аргументируется, что следует изучать не две изолированные реальности, а взаимосвязанное онлайн-офлайн-пространство, где именно эффект растормаживания в виртуальной среде снижает для человека социальные барьеры в повседневном бытии и влияет на проявление токсичного поведения. В другой публикации указанных ученых «Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза» (Бовина & Дворянчиков, 2020b) с учетом метаанализа отечественных и зарубежных публикаций обосновывается авторская позиция, согласно которой растормаживание, приобретаемое человеком при постоянной вовлеченности в интернет-среду, характеризуется тем, что из-за частого посещения сайтов, содержание которых связано с агрессией и манипуляцией, лицо может проявлять грубость и шантаж в отношении окружающих людей в офлайн-контактном взаимодействии. Авторы констатируют невозможность прогноза по переносу образцов поведения человека, приобретенных в онлайн-реальности, на его офлайн-поведение.

В ракурсе проводимого анализа взаимосвязи цифрового и реального пространства жизни человека представляется важным рассмотреть позицию Е. П. Белинской. Автор подчеркивает, что в условиях «текучей современности» необходимо исследовать соотношение цифровой, персональной и социальной идентичностей среди представителей различных социальных страт общества. При этом, по мнению ученого, актуален перенос акцента в исследованиях со структурных компонентов «Я» на процессуальные проявления идентичности (Белинская, 2024).

На наш взгляд, это перспективный ориентир, так как, по данным исследований В. П. Шейнова, увлечение подрастающего поколения социальными сетями переместило значительную часть межличностного общения из реального мира в соцсети, что часто приводит к возникновению

зависимости от них, создавая пользователям многочисленные проблемы (тревожность, одиночество, депрессию и др.) (Шейнов & Дятчик, 2021; Шейнов & Ермак, 2023). Согласно позиции С. А. Смирнова, «…гаджет отбирает у ребенка функцию субъекта, прикладывающего усилия для усвоения нового, и ведет его по заранее заложенным сценариям; событийный сдвиг и изменение структуры деятельностей, мотивов и смыслов – смещение интереса ребенка к виртуальному миру за счет реального; создание иллюзии безопасности в потенциально незащищенной среде» (Смирнов, 2023).

Особого внимания заслуживает проблема распространения игровой зависимости среди молодежи и ее взаимосвязь с другими формами кибердеструктивного поведения. Этот феномен требует дальнейшего изучения и разработки эффективных стратегий профилактики и коррекции (Клейберг и др., 2023; Клубников, 2023; Пономарева & Качур, 2026; Casale et al., 2021). Ввод в 2021 г. в «Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем» (МКБ-11) под кодом 6C51 «игрового расстройства», несомненно, делает востребованной целевую подготовку всех категорий специалистов, работающих с детьми и подростками.

На наш взгляд, конструктивным является то, что психологи стали активнее участвовать в создании новых диагностических инструментов и профилактических мер, используя возможности виртуальной реальности и специализированных игровых программ (Ковалев, 2025). Среди таких программ показали себя действенными следующие: FriendlyATTAC, предназначенная для противодействия кибербуллингу; FearNot!, направленная на профилактику буллинга в начальной школе; Hall of Heroes, способствующая развитию социальных навыков; REAL LIVES, ориентированная на формирование эмпатии. Разрабатываются также игровые методы для диагностики агрессивного поведения и обучения эффективным стратегиям социального взаимодействия, включая совместные игровые практики для развития навыков сотрудничества, и семейные игровые практики для улучшения детско-родительских отношений[4] (Ковалев, 2025).

В статье А. А. Тагановой и М. В. Лапсарь, посвященной проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством инфокоммуникационных средств (А. А. Таганова, М. В. Лапсарь), анализируются цифровые технологии, влияющие на девиантное поведение: информационно-коммуникационные платформы, социальные сети, форумы и др. Ученые, исследуя рост вовлечения несовершеннолетних через цифровые каналы в различные формы деструктивного поведения (аддиктивное, суицидальное, преступное, в том числе экстремистской направленности), констатируют факт недостаточной изученности факторов и механизмов, блокирующих вовлечение подростков в деструктивную деятельность[5].

В статье О. С. Мантурова и Р. В. Нелюбина «Девиантогенное воздействие медиапродукции на обучающихся» раскрывается, как ее разные виды и формы влияют на формирование у подрастающего поколения негативных личностных черт, включая агрессию, цинизм, снижение эмпатии, а также способствуют развитию медиазависимости (медиааддикции) – устойчивой привязанности к потреблению медиаконтента[6]. Ученые рассматривают также деструктивное

[4] Реан, А. А., & Шевченко, А. О. (2022). Геймификация для развития эмпатии и профилактики буллинга как формы девиантного поведения. *Российский девиантологический журнал*, 2(3), 288–298. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-288-298

[5] Таганова, А. А., & Лапсарь, М. В. (2023). К проблеме вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность посредством информационно-коммуникационных технологий. *Российский девиантологический журнал*, *3*(1), 52–58. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-1-52-58

[6] Мантуров, О. С., & Нелюбин, Р. В. (2025). Девиантогенное воздействие медиапродукции на обучающихся. *Российский девиантологический журнал*, 5(3), 488–502. Получено из https://russianjournaldeviantbehavior.ru/ru/nauka/article/95719/view

влияние распространяемых фейков – способа манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве[7].

Исследование Н. В. Богданович и В. В. Делибалт посвящено анализу влияния цифровых технологий и платформ на формирование девиантного поведения. Социальные сети авторы рассматривают как площадки для кибертравли, троллинга, хейтинга, доксинга и секстинга. Ученые считают, что интернет-платформы представляют опасность в виде фишинга, шок-контента, треш-стримов и опасного онлайн-заработка, а многопользовательские онлайн-игры способствуют развитию игровой зависимости и гриффинга (внутриигрового вандализма). Н. В. Богданович и В. В. Делибалт утверждают, что платформы для видеоконференций могут быть подвержены зумбомбингу, а постоянное использование мобильных устройств может привести к фоббингу (игнорированию собеседника из-за телефона) и думскролингу (одержимости онлайн-новостями). Отмечая, что указанные цифровые технологические возможности постоянно развиваются благодаря специализированным программным приложениям для персональных компьютеров и иных мобильных устройств, авторы обосновывают важность применения системного подхода к изучению и профилактике девиантного онлайн-поведения (Богданович & Делибалт, 2024).

Поддерживая предложение коллег из МГППУ, в ракурсе обеспечения информационно-психологической безопасности личности нами отстаивается позиция необходимости различения и обеспечения двух ее видов (по зарубежной классификации) – security (от лат. *securus* – без забот), когда с учетом внешних цифровых опасностей заранее принимаются защитные меры, в том числе технического характера, и safety (от лат. *salvus* – здоровый, без увечья), когда человек подготовлен к самообеспечению личной безопасности и проявляет разумный риск в поведении.

В выборе адекватных ориентиров обеспечения информационно-психологической безопасности подрастающего поколения интерес представляют выводы по ряду монографических исследований, проведенных в последние годы. Так, в кандидатской диссертации А.-Л. С. Меерсона выявлено, что значимую роль в информационно-психологической устойчивости молодежи играют социокультурная идентичность, навыки безопасного информационного поведения, лояльность и уважение власти. По данным ученого, повышению безопасности личности у студентов способствуют технологии проблемного и контекстного обучения, предполагающие личностно-профессиональное развитие обучающегося как активного, самостоятельного деятеля за счет выбора предпочитаемого механизма информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам (просоциальные медиапрактики и волонтерство, психологический тренинг снятия информационного стресса, медиапрактики развития критического мышления) (Меерсон, 2022).

В кандидатской диссертации И. А. Петроченко рассмотрена роль характеристик цифровой среды, которые могут способствовать деструктивному поведению (анонимность, высокая скорость распространения информации, ограниченные режимы модерации) и создавать условия для возникновения киберагрессии, кибербуллинга и других форм деструктивного поведения. В числе профилактических мер автор обосновал следующие: развитие когнитивных ресурсов (формирование критического мышления и навыков фильтрации информации, направленных на умение отличать факты от оценок и распознавать манипуляции); повышение эмоциональной саморегуляции (обучение навыкам управления эмоциями); формирование конструктивных способов поведения в сети (прояснение ситуации, установление границ, выход

[7] Нежкина, Л. Ю., & Душкин, А. С. (2024). Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве. *Российский девиантологический журнал*, 4(2), 237–249. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-2-237-249

из конфликта, обращение к правилам) вместо деструктивных форм (ответная агрессия, участие в травле); развитие цифровой компетентности и «гигиены» (повышение осведомленности о технических аспектах безопасного поведения в цифровой среде); использование диагностического инструментария (разработка и применение методов оценки уровня информационно-психологической безопасности личности для своевременного выявления рисков); проведение профилактических тренингов (программ, направленных на развитие навыков безопасной коммуникации и снижения уровня уязвимости к информационно-психологическим угрозам) (Петроченко, 2025).

Результаты, полученные в кандидатской диссертации И. А. Петроченко, корреспондируют с данными, полученными иностранными коллегами. Так, группа ученых из Эквадора (Hurtado et al., 2024) провела исследование, направленное на комплексное изучение взаимосвязи между мерами обеспечения цифровой безопасности и изменениями у несовершеннолетних, включая их эмоциональную устойчивость, самооценку и социальные компетенции. Выявлена важность мониторинга у них психоэмоционального состояния, аутентификации и системы контроля доступа, а также внедрения комплексных образовательных программ, интегрирующих техническую цифровую грамотность и навыки эмоциональной регуляции для снижения рисков кибербуллинга и формирования благоприятной онлайн-среды, что приводит к повышению уровня самооценки и улучшению качества межличностных отношений в молодежной среде.

В методолого-теоретическом ракурсе интерес представляет ряд публикаций концептуально-модельного характера. Так, В. И. Панов и Э. В. Патраков подчеркивают, что киберсоциализация может способствовать росту инфантильности среди молодежи и повышению уязвимости к негативному влиянию социальных сетей, обусловленному формированием клипового мышления. Ученые предлагают комплекс мер для развития у школьников способности быть субъектами не только как пользователей интернет-ресурсов, но и как метасубъектов, способных эффективно и творчески применять цифровые технологии для эффективного обучения и самореализации (Панов & Патраков, 2020, с. 137).

Разделяя гуманистические ориентиры позиции исследователей, заметим, что пока учеными не выявлены закономерности переноса деструкций из онлайн-среды в офлайн-реальность, их предложения по обеспечению информационно-психологической безопасности выглядят недостаточно доказательными[8] (Поздняков, 2024).

В публикации Е. Г. Дозорцевой «Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве» с учетом результатов судебно-психологических экспертиз, проведенных среди несовершеннолетних обвиняемых и потерпевших в контексте преступлений, совершенных в интернет-среде, обосновывается авторская позиция, согласно которой изучение процесса формирования опасного поведения детей и подростков в интернет-пространстве необходимо вести в ракурсе выявления действующих в нем двух групп факторов – потенциальных (формирующих) и актуальных (ситуационных, провоцирующих). Это позволяет выявлять предпосылки уязвимости несовершеннолетних и их готовность к рискованному и опасному поведению (Дозорцева, 2025).

На наш взгляд, модель, предложенная Е. Г. Дозорцевой, конструктивна для разработки как инструментов оценки риска опасного поведения у несовершеннолетних, так и мер его профилактики по конкретным случаям. Однако наряду с предложенным подходом, ориентированным на реализацию специальной профилактики (или, как пишут криминологи, применение

[8] Комлев, Ю. Ю. (2022). От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии. *Российский девиантологический журнал*, 2(1), 17–26. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-17-26

мер Ad hoc-превенции), актуальными для современных отечественных условий являются и меры общей профилактики, поскольку против граждан России странами НАТО ведется информационная война. В связи с этим одним из авторов настоящей статьи в публикации 2024 г. было аргументированно доказано, что *о*беспечение информационно-психологической безопасности личности должно осуществляться через реализацию двух императивов – превентивно-виктимного и культурно-развивающего (Поздняков, 2024).

Разработка и реализация мер по первому императиву требует выявления предрасположенности различных категорий людей и их групп к деструктивным информационным воздействиям и внедрения системы многоуровневой профилактики. В методолого-концептуальном ракурсе при разработке проблемы совершенствования обеспечения информационно-психологической безопасности, на наш взгляд, можно опереться на разработки в области психовиктимологии. Учитывая, что факторы виктимологического риска традиционно подразделяются на две группы – факторы, присущие самой информационной среде и не зависящие от человека, и факторы, связанные с человеческим капиталом, меры профилактики уязвимости должны разрабатываться с учетом специфики указанных групп детерминант.

Разработка и реализация мер, направленных на культурно-развивающее воздействие, основывается на тщательном анализе факторов и механизмов, влияющих на трансформацию сознания в условиях транспарентного информационного пространства. Особое внимание должно уделяться изучению особенностей восприятия информации подростками и молодежью и трансформации у них нравственно-ценностных ориентаций, так как они, активно используя цифровую среду, могут подпадать под воздействие смарт-технологий ведущейся против граждан России информационной (в том числе консциентальной) войны.

Заключение

Проведенное исследование, базирующееся на анализе отечественных и зарубежных научных публикаций, вышедших преимущественно в 2021–2026 гг., позволило выявить тренды, концептуализировать проблематику подходов к изучению влияния цифровой среды на формирование деструктивных паттернов поведения у подрастающего поколения и определить ориентиры в обеспечении информационно-психологической безопасности.

В последние пять лет заметно активизировались научные исследования как зарубежных, так и отечественных ученых, причем на монографическом уровне. В итоге стали глубже пониматься детерминанты и механизмы деструктивного воздействия на подрастающее поколение цифровой среды, в том числе приводящие к различным видам аддиктивного поведения (сетевая зависимость, киберлудомания и др.), киберпреследованию и кибербуллингу, манипулятивным практикам и виртуальным формам домогательств, распространению деструктивного контента и вовлечению в экстремистские сообщества.

В рамках превентивной стратегии учеными обоснованы программы по формированию критического мышления и медиакомпетентности, внедрению систем верификации и мониторинга цифрового пространства, просветительские программы по информационной безопасности и др., а также внесены предложения по нормативно-правовому регулированию доступа к цифровым ресурсам (развитие механизмов социального контроля с возрастными ограничениями, родительский контроль) и созданию специализированных центров психологической помощи.

Благодаря расширенной эмпирике за рубежом произошло уточнение по созданным теориям безопасности, а в России появились авторские модели обеспечения информационно-психологической безопасности, направленные на превенцию и повышение резистентности подрастающего поколения к рискам цифровой среды. Общим для многих публикаций

выступает призыв к реализации междисциплинарного подхода по проблеме обеспечения информационно-психологической безопасности подрастающего поколения в условиях продолжающейся цифровизации всех сфер общества.

Перспективными направлениями дальнейших исследований можно назвать разработку инновационных методов диагностики индивидуальных рисков в цифровой среде, внедрение технологий Big Data для мониторинга и идентификации деструктивного контента с последующим его оперативным блокированием, изучение влияния искусственного интеллекта на поведенческие паттерны молодежи, апробацию и оценку эффективности комплексных профилактических программ с позиций доказательной науки.

Список литературы

Азимов, Ф. Ф. (2025). Влияние современных информационных технологий на психику подростков. *Universum: Психология и образование*, 12 (138). 32–37. https://doi.org/10.32743/UniPsy.2025.138.12.21425

Белинская, Е. П. (2024). Соотношение социальных и персональной идентичностей: современное состояние проблемы. *Социальная психология и общество*, 15(4), 5–11. https://doi.org/10.17759/sps.2024150401

Бовина, И. Б., & Дворянчиков, Н. В. (2020a). Поведение онлайн и офлайн: две реальности или одна? *Психологическая наука и образование*, 25(3), 101–115. https://doi.org/10.17759/pse.2020250309

Бовина, И. Б., & Дворянчиков, Н. В. (2020b). Поведение онлайн и офлайн: к вопросу о возможности прогноза. *Культурно-историческая психология*, 16(4), 98–108. https://doi.org/10.17759/chp.2020160410

Богданович, Н. В., & Делибалт, В. В. (2024). Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи. *Психология и право*, 14(2), 45–66. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204

Бушуева, А. М., & Бушуев, И. А. (2022). Основные формы девиантного поведения старших школьников в свете цифровизации и глобальных вызовов. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(6). URL: https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN622.pdf

Галин, К. О., & Петров, В. Е. (2025). Цифровые технологии как безопасная среда для социализации подростков. *Экстремальная психология и безопасность личности*, 2(4), 102–118. https://doi.org/10.17759/epps.2025020407

Дозорцева, Е. Г. (2025). Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве. *Психология и право*, 15(3), 3–23. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150301

Каменская, В. Г., & Томанов, Л. В. (2022). Цифровые технологии и их влияние на социальные и психологические характеристики детей и подростков. *Экспериментальная психология*, 15(1), 139–159. https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150109

Клейберг, Ю. А., Козлов, В. В., & Тесленко, А. Н. (2023). *Девиантология XXI столетия в контексте актуальной ситуации* (Ю. А. Клейберг, Ред.). Лантар books. (Приложение к научному журналу «Вопросы девиантологии», № 1(13) и № 2(14)). – 101 с.

Клубников, И. Ю. (2023). Девиантное поведение подростков: анализ роли современных медиа и цифровых технологий. *Актуальные проблемы педагогики и психологии*, *4*(7), 5–12.

Ковалёв, А. И. (2025). *Нейрокогнитивные механизмы взаимодействия субъекта со средой виртуальной реальности* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора психологических наук, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова].

Кокурин, А. В., & Поздняков, В. М. (2025). О деструктивных воздействиях в цифровой среде в публикациях современных зарубежных психологов. *Психология и право*, 15(4), 2–19. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150401

Леонгард, Г. (2018). *Технологии против человека* (А. О. Юрков, М. Ю. Килин, Т. Ю. Глазков, пер.; М. Федоров, предисл.). АСТ.

Ли, К. Ф., & Чэнь, Ц. (2022). *ИИ 2041. Десять образов нашего будущего* (О. Медведь, А. Лаирова, пер.; М. Бурцев, науч. ред.). Манн, Иванов и Фербер.

Меерсон, А.-Л. С. (2022). *Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов вуза* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена].

Панов, В. И., & Патраков, Э. В. (2020). *Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия*. Психологический институт РАО; Университетская книга.

Петроченко, И. А. (2025). *Информационно-психологическая безопасность как предиктор конструктивного коммуникативного поведения личности в цифровой среде* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук, Томский государственный университет].

Поздняков, В. М. (2024). О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности. *Экстремальная психология и безопасность личности, 1*(1), 44–58. https://doi.org/10.17759/epps.2024010105

Пономарева, Е. С., & Качур, А. В. (2026). Особенности исследования игровой деятельности в компьютерных играх и агрессивных тенденций в реальной среде. *Психология и право*, *16*(1), 33–50. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000001

Смирнов, С. А. (2023). Л. С. Выготский и цифра: вызов для культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*, *19*(2), 41–51. https://doi.org/10.17759/chp.2023190205

Солдатова, Г. У., & Войскунский, А. Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, *18*(3), 431–450. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

Солдатова, Г. У., & Рассказова, Е. И. (2023). Цифровая социализация российских подростков: сквозь призму сравнения с подростками 18 европейских стран. *Социальная психология и общество*, *14*(3), 11–30. https://doi.org/10.17759/sps.2023140302

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., & Илюхина, С. Н. (2025). Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 48(1), 78–100. https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04

Шваб, К. (2016). *Четвёртая промышленная революция*. Эксмо.

Шейнов, В. П., & Дятчик, Н. В. (2021). Психологические состояния и свойства личности, имеющей зависимость от смартфона. *Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review*, (6), 225–235. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-6-225-235

Шейнов, В. П., & Ермак, В. О. (2023). Взаимосвязи проблемного использования социальных сетей с виктимизацией, кибербуллингом и незащищенностью от манипуляций. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*, 8(1), 172–196. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_06

Ayub, S., & Ashraf, M. (2025). Exploring cyber deviant behaviors in young adults: A thematic content analysis. *Journal of Psychology, Health and Social Challenges, 3*(2), 41–48. https://doi.org/10.63075/zf98yp41

Beckes, L., & Coan, J. A. (2011). Social baseline theory: The role of social proximity in emotion and economy of action. *Social and Personality Psychology Compass, 5*(12), 976–988. https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2011.00400.x

Boniel-Nissim, M., Marino, C., Galeotti, T., Blinka, L., Ozoliņa, K., Craig, W., Lahti, H., Wong, S. L., Brown, J., Wilson, M., Inchley, J., & van den Eijnden, R. (2024). *A focus on adolescent social media use and gaming in Europe, Central Asia and Canada: Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey* (Vol. 6). WHO Regional Office for Europe. https://iris.who.int/handle/10665/376251

Brosschot, J. F., Verkuil, B., & Thayer, J. F. (2017). Exposed to events that never happen: Generalized unsafety, the default stress response, and prolonged autonomic activity. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 74(Pt B), 287–296. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.07.019

Casale, S., Musicò, A., & Schimmenti, A. (2021). Beyond internalizing and externalizing symptoms: The association between body disconnection and the symptoms of Internet gaming disorder. *Addictive Behaviors*, 123, 107043. https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.107043

Cioban, S., Lazär, A. R., Bacter, C., & Hatos, A. (2021). Adolescent deviance and cyber-deviance: A systematic literature review. *Frontiers in Psychology*, 12, 748006. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006

Del Giudice, M., Ellis, B. J., & Shirtcliff, E. A. (2011). The adaptive calibration model of stress responsivity. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 35(7), 1562–1592. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2010.11.007

Ezeji, C. L., & Uwizeyimana, D. E. (2025). The implications of technology and innovation: A critical analysis of youth and children's activities on social media platforms. *International Journal of Business Ecosystem & Strategy*, 7(3), 264–277. https://doi.org/10.36096/ijbes.v7i3.820

Hurtado, C., Villa, M., Caicedo Sandoval, L., & Isea, J. (2024). A plithogenic statistical approach to digital security measures and emotional health in childhood and adolescence. *Journal of Fuzzy Extension and Applications, 5*(Spec. Issue), 25–39. https://doi.org/10.22105/jfea.2024.468346.1555

Keles, B., McCrae, N., & Grealish, A. (2020). A systematic review: The influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), 79–93. https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1590851

Liang, J., & He, C. (2025). The impact of social media on youth mental health: Challenges and opportunities. *Peta International Journal of Social Science and Humanity*, 4(1), 1–6. https://doi.org/10.59088/pij.v4i1.75

Livingstone, S., & Stoilova, M. (2021). *The 4Cs: Classifying online risk to children* (CO:RE Short Report Series on Key Topics). Leibniz-Institut für Medienforschung | Hans-Bredow-Institut (HBI); CO:RE – Children Online: Research and Evidence. https://doi.org/10.21241/ssoar.71817

Slavich, G. M., Roos, L. G., Mengelkoch, S., Webb, C. A., Shattuck, E. C., Moriarity, D. P., & Alley, J. C. (2023). Social safety theory: Conceptual foundation, underlying mechanisms, and future directions. *Health Psychology Review, 17*(1), 5–59. https://doi.org/10.1080/17437199.2023.2171900

Souri, R., Ahadi, F., & Pourghahramani, B. (2026). The right to identity of children and adolescents in the digital age: A criminological perspective in light of international instruments. *Journal of Historical Research, Law and Policy*, 4(2), 1–13. https://doi.org/10.61838/jhrlp.170

Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology & Behavior: The Impact of the Internet, Multimedia and Virtual Reality on Behavior and Society*, 7 (3), 321–326. https://doi.org/10.1089/1094931041291295

Ukgoda, H. (2024). The dark side of social media: Analysing dark pattern combinations and their impacts. *Indonesian Journal of Informatics Education (IJIE)*, 8(2). 101. http://dx.doi.org/10.20961/ijie.v8i2.91666

Uvelli, A., Floridi, M., Guarino, A., Tonini, B., Prati, G., Casale, S., Masti, A., Gualtieri, G., & Ferretti, F. (2026). COVID-19 stress, aggressiveness, and deviant behaviour: A mediation analysis of youth in the pandemic era. *Australian Journal of Psychology*, 78(1). https://doi.org/10.1080/00049530.2025.2602973

Valkenburg, P. M., Meier, A., & Beyens, I. (2022). Social media use and its impact on adolescent mental health: An umbrella review of the evidence. *Current Opinion in Psychology*, 44, 58–68. http://dx.doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.017

Vukovic, D., Kocijan, S., & Zunac, A. G. (2021). Consumer behavior of generation C as a challenge for marketing experts. In I. Zavrl, D. Vukovic, & L. Cerovic (Eds.), *Economic and Social Development: 72nd International Scientific Conference on Economic and Social Development – "Digital Transformation and Business": Book of Proceedings* (pp. 8–19). Varazdin Development and Entrepreneurship Agency; University North. https://esd-conference.com/upload/book_of_proceedings/Book_of_Proceedings_esdVarazdin2021_Online.pdf

Wu, S., Lin, T.-G., & Shih, J. F. (2017). Examining the antecedents of online disinhibition. *Information Technology & People, 30*(1), 189–209. https://doi.org/10.1108/ITP-07-2015-0167

References

Azimov, F. F. (2025). Vliianie sovremennykh informatsionnykh tekhnologii na psikhiku podrostkov. *Universum: Psikhologiia i obrazovanie, 12*(138), 32–37. https://doi.org/10.32743/UniPsy.2025.138.12.21425

Belinskaia, E. P. (2024). Sootnoshenie sotsial'nykh i personal'noi identichnostei: sovremennoe sostoyanie problemy. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 15*(4), 5–11. https://doi.org/10.17759/sps.2024150401

Bovina, I. B., & Dvorianchikov, N. V. (2020a). Povedenie onlain i oflain: dve real'nosti ili odna? *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie, 25*(3), 101–115. https://doi.org/10.17759/pse.2020250309

Bovina, I. B., & Dvorianchikov, N. V. (2020b). Povedenie onlain i oflain: k voprosu o vozmozhnosti prognoza. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia, 16*(4), 98–108. https://doi.org/10.17759/chp.2020160410

Bogdanovich, N. V., & Delibalt, V. V. (2024). Deviantnoe onlain povedenie: ot klassifikatsii vidov k analizu programm i tekhnologii pomoshchi. *Psikhologiia i pravo, 14*(2), 45–66. https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204

Bushueva, A. M., & Bushuev, I. A. (2022). Osnovnye formy deviantnogo povedeniia starshikh shkol'nikov v svete tsifrovizatsii i global'nykh vyzovov. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiia, 10*(6). URL: https://mir-nauki.com/PDF/50PSMN622.pdf

Galin, K. O., & Petrov, V. E. (2025). Tsifrovye tekhnologii kak bezopasnaia sreda dlia sotsializatsii podrostkov. *Ekstremal'naia psikhologiia i bezopasnost' lichnosti, 2*(4), 102–118. https://doi.org/10.17759/epps.2025020407

Dozortseva, E. G. (2025). Kompleksnaia model' formirovaniia opasnogo povedeniia podrostkov v internet-prostranstve. *Psikhologiia i pravo, 15*(3), 3–23. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150301

Kamenskaia, V. G., & Tomanov, L. V. (2022). Tsifrovye tekhnologii i ikh vliianie na sotsial'nye i psikhologicheskie kharakteristiki detei i podrostkov. *Eksperimental'naia psikhologiia, 15*(1), 139–159. https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150109

Kleiberg, Iu. A., Kozlov, V. V., & Teslenko, A. N. (2023). *Deviantologiia XXI stoletiia v kontekste aktual'noi situatsii* (Iu. A. Kleiberg, Red.). Lantar books. (Prilozhenie k nauchnomu zhurnalu «Voprosy deviantologii», № 1(13) i № 2(14)). – 101 s.

Klubnikov, I. Iu. (2023). Deviantnoe povedenie podrostkov: analiz roli sovremennykh media i tsifrovykh tekhnologii. *Aktual'nye problemy pedagogiki i psikhologii, 4*(7), 5–12.

Kovalev, A. I. (2025). *Neirokognitivnye mekhanizmy vzaimodeistviia subekta so sredoi virtual'noi real'nosti* [Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk, Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova].

Kokurin, A. V., & Pozdniakov, V. M. (2025). O destruktivnykh vozdeistviiakh v tsifrovoi srede v publikatsiiakh sovremennykh zarubezhnykh psikhologov. *Psikhologiia i pravo, 15*(4), 2–19. https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150401

Leongard, G. (2018). *Tekhnologii protiv cheloveka* (A. O. Iurkov, M. Iu. Kilin, T. Iu. Glazkov, per.; M. Fedorov, predisl.). AST.

Li, K. F., & Chen', Ts. (2022). *II 2041. Desiat' obrazov nashego budushchego* (O. Medved', A. Lairowa, per.; M. Burtsev, nauch. red.). Mann, Ivanov i Ferber.

Meerson, A.-L. S. (2022). *Formirovanie informatsionno-psikhologicheskoi ustoichivosti k sotsio-kul'turnym ugrozam u studentov vuza* [Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk, Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena].

Panov, V. I., & Patrakov, E. V. (2020). *Tsifrovizatsiia informatsionnoi sredy: riski, predstavleniia, vzaimodeistviia*. Psikhologicheskii institut RAO; Universitetskaia kniga.

Petrochenko, I. A. (2025). *Informatsionno-psikhologicheskaia bezopasnost' kak prediktor konstruktivnogo kommunikativnogo povedeniia lichnosti v tsifrovoi srede* [Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk, Tomskii gosudarstvennyi universitet].

Pozdniakov, V. M. (2024). O razrabotke sovremennoi modeli obespecheniia informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti. *Ekstremal'naia psikhologiia i bezopasnost' lichnosti, 1*(1), 44–58. https://doi.org/10.17759/epps.2024010105

Ponomareva, E. S., & Kachur, A. V. (2026). Osobennosti issledovaniia igrovoi deiatel'nosti v komp'iuternykh igrakh i agressivnykh tendentsii v real'noi srede. *Psikhologiia i pravo, 16*(1), 33–50. https://doi.org/10.17759/psylaw.2026000001

Smirnov, S. A. (2023). L. S. Vygotskii i tsifra: vyzov dlia kul'turno-istoricheskoi psikhologii. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia, 19*(2), 41–51. https://doi.org/10.17759/chp.2023190205

Soldatova, G. U., & Voiskunskii, A. E. (2021). Sotsial'no-kognitivnaia kontseptsiia tsifrovoi sotsializatsii: novaia ekosistema i sotsial'naia evoliutsiia psikhiki. *Psikhologiia. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 18*(3), 431–450. https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-3-431-450

Soldatova, G. U., & Rasskazova, E. I. (2023). Tsifrovaia sotsializatsiia rossiiskikh podrostkov: skvoz' prizmu sravneniia s podrostkami 18 evropeiskikh stran. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 14*(3), 11–30. https://doi.org/10.17759/sps.2023140302

Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., & Iliukhina, S. N. (2025). Tsifrovye prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiia molodezhi v real'nom i virtual'nom mirakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiia, 48*(1), 78–100. https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04

Shvab, K. (2016). *Chetvertaia promyshlennaia revoliutsiia*. Eksmo.

Sheinov, V. P., & Diatczyk, N. V. (2021). Psikhologicheskie sostoianiia i svoistva lichnosti, imeiushchei zavisimost' ot smartfona. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review*, (6), 225–235. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2021-6-225-235

Sheinov, V. P., & Ermak, V. O. (2023). Vzaimosviazi problemnogo ispol'zovaniia sotsial'nykh setei s viktimizatsiei, kiberbullingom i nezashchishchennost'iu ot manipuliatsii. *Institut psikhologii*

Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naia i ekonomicheskaia psikhologiia, 8(1), 172–196. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2023_29_1_06

Ayub, S., & Ashraf, M. (2025). Exploring cyber deviant behaviors in young adults: A thematic content analysis. *Journal of Psychology, Health and Social Challenges, 3*(2), 41–48. https://doi.org/10.63075/zf98yp41

Beckes, L., & Coan, J. A. (2011). Social baseline theory: The role of social proximity in emotion and economy of action. *Social and Personality Psychology Compass, 5*(12), 976–988. https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2011.00400.x

Boniel-Nissim, M., Marino, C., Galeotti, T., Blinka, L., Ozoliņa, K., Craig, W., Lahti, H., Wong, S. L., Brown, J., Wilson, M., Inchley, J., & van den Eijnden, R. (2024). *A focus on adolescent social media use and gaming in Europe, Central Asia and Canada: Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey* (Vol. 6). WHO Regional Office for Europe. https://iris.who.int/handle/10665/376251

Brosschot, J. F., Verkuil, B., & Thayer, J. F. (2017). Exposed to events that never happen: Generalized unsafety, the default stress response, and prolonged autonomic activity. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 74(Pt B), 287–296. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2016.07.019

Casale, S., Musicò, A., & Schimmenti, A. (2021). Beyond internalizing and externalizing symptoms: The association between body disconnection and the symptoms of Internet gaming disorder. *Addictive Behaviors*, 123, 107043. https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2021.107043

Cioban, S., Lazär, A. R., Bacter, C., & Hatos, A. (2021). Adolescent deviance and cyber-deviance: A systematic literature review. *Frontiers in Psychology*, 12, 748006. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006

Del Giudice, M., Ellis, B. J., & Shirtcliff, E. A. (2011). The adaptive calibration model of stress responsivity. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*, 35(7), 1562–1592. https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2010.11.007

Ezeji, C. L., & Uwizeyimana, D. E. (2025). The implications of technology and innovation: A critical analysis of youth and children's activities on social media platforms. *International Journal of Business Ecosystem & Strategy*, 7(3), 264–277. https://doi.org/10.36096/ijbes.v7i3.820

Hurtado, C., Villa, M., Caicedo Sandoval, L., & Isea, J. (2024). A plithogenic statistical approach to digital security measures and emotional health in childhood and adolescence. *Journal of Fuzzy Extension and Applications, 5*(Spec. Issue), 25–39. https://doi.org/10.22105/jfea.2024.468346.1555

Keles, B., McCrae, N., & Grealish, A. (2020). A systematic review: The influence of social media on depression, anxiety and psychological distress in adolescents. *International Journal of Adolescence and Youth*, 25(1), 79–93. https://doi.org/10.1080/02673843.2019.1590851

Liang, J., & He, C. (2025). The impact of social media on youth mental health: Challenges and opportunities. *Peta International Journal of Social Science and Humanity*, 4(1), 1–6. https://doi.org/10.59088/pij.v4i1.75

Livingstone, S., & Stoilova, M. (2021). *The 4Cs: Classifying online risk to children* (CO:RE Short Report Series on Key Topics). Leibniz-Institut für Medienforschung | Hans-Bredow-Institut (HBI); CO:RE – Children Online: Research and Evidence. https://doi.org/10.21241/ssoar.71817

Slavich, G. M., Roos, L. G., Mengelkoch, S., Webb, C. A., Shattuck, E. C., Moriarity, D. P., & Alley, J. C. (2023). Social safety theory: Conceptual foundation, underlying mechanisms, and future directions. *Health Psychology Review, 17*(1), 5–59. https://doi.org/10.1080/17437199.2023.2171900

Souri, R., Ahadi, F., & Pourghahramani, B. (2026). The right to identity of children and adolescents in the digital age: A criminological perspective in light of international instruments. *Journal of Historical Research, Law and Policy*, 4(2), 1–13. https://doi.org/10.61838/jhrlp.170

Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *Cyberpsychology & Behavior: The Impact of the Internet, Multimedia and Virtual Reality on Behavior and Society*, 7 (3), 321–326. https://doi.org/10.1089/1094931041291295

Ukgoda, H. (2024). The dark side of social media: Analysing dark pattern combinations and their impacts. *Indonesian Journal of Informatics Education (IJIE)*, 8(2). 101. http://dx.doi.org/10.20961/ijie.v8i2.91666

Uvelli, A., Floridi, M., Guarino, A., Tonini, B., Prati, G., Casale, S., Masti, A., Gualtieri, G., & Ferretti, F. (2026). COVID-19 stress, aggressiveness, and deviant behaviour: A mediation analysis of youth in the pandemic era. *Australian Journal of Psychology*, 78(1). https://doi.org/10.1080/00049530.2025.2602973

Valkenburg, P. M., Meier, A., & Beyens, I. (2022). Social media use and its impact on adolescent mental health: An umbrella review of the evidence. *Current Opinion in Psychology*, 44, 58–68. http://dx.doi.org/10.1016/j.copsyc.2021.08.017

Vukovic, D., Kocijan, S., & Zunac, A. G. (2021). Consumer behavior of generation C as a challenge for marketing experts. In I. Zavrl, D. Vukovic, & L. Cerovic (Eds.), *Economic and Social Development: 72nd International Scientific Conference on Economic and Social Development – "Digital Transformation and Business": Book of Proceedings* (pp. 8–19). Varazdin Development and Entrepreneurship Agency; University North. https://esd-conference.com/upload/book_of_proceedings/Book_of_Proceedings_esdVarazdin2021_Online.pdf

Wu, S., Lin, T.-G., & Shih, J. F. (2017). Examining the antecedents of online disinhibition. *Information Technology & People, 30*(1), 189–209. https://doi.org/10.1108/ITP-07-2015-0167

Информация об авторах

Алексей Владимирович Кокурин – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета; доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В. Е. Эминова Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, кандидат психологических наук, доцент.

Вячеслав Михайлович Поздняков – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор.

About the authors

Alexey V. Kokurin – Professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Associate Professor at the V. E. Eminov Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University; Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Dr. Sci. (Psy.), Professor.

Вклад авторов

Кокурин А. В. – разработка дизайна проекта, отбор источников для обзора; валидация, подготовка рукописи и ее итоговой версии.

Поздняков В. М. – разработка дизайна проекта, методология, концептуализация, отбор источников для обзора, подготовка рукописи и ее итоговой версии.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Author's contribution

Kokurin A.V. – project design; selection of sources for the review; validation; preparation of the manuscript and its final version.

Pozdnyakov V. M. – project design; methodology; conceptualisation; selection of sources for the review; preparation of the manuscript and its final version.

All authors participated in the discussion of the findings and approved the final version of the manuscript.

Поступила в редакцию 16.07.2026
Одобрена после рецензирования 29.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted July 16, 2026
Approved after reviewing August 29, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9

Психологические аспекты принятия ИИ: обзор факторов доверия и особенностей взаимодействия человека и ИИ

Ксения Евгеньевна Кокурина
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
kseniakokurina5@gmail.com
ORCID: 0009-0006-0737-3901

Ольга Владимировна Кружкова
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
galiat1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2569-8789

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена противоречием между стремительным внедрением искусственного интеллекта в повседневную и профессиональную деятельность человека и недостаточной разработанностью психологических моделей, объясняющих принятие или отвержение ИИ. Существующие работы фрагментарно описывают доверие, когнитивные искажения или личностные черты как предикторы принятия ИИ, но не предлагают интегративного подхода. Проблема заключается в отсутствии систематизации психологических детерминант, связывающих технико-аксиологические, когнитивные и личностно-регуляторные уровни. **Цель** обзорной статьи – систематизация данных исследований о психологических факторах, выступающих предикторами формирования и проявления отношения (в том числе доверия) человека к искусственному интеллекту. **Методология** включает анализ, обобщение и структурирование результатов теоретических и эмпирических исследований, опубликованных в период 2020–2026 гг. с использованием наукометрических баз Web of Science, PubMed и eLibrary.ru. Выявлено, что доверие к ИИ является многокомпонентным динамическим конструктом, включающим субъективный, технический и аксиологический аспекты, причем аксиологические барьеры (справедливость, прозрачность, конфиденциальность) могут перевешивать техническое совершенство системы. Показано, что цифровая среда провоцирует делегирование ИИ и когнитивную разгрузку, что при длительном использовании ИИ ведет к снижению критического мышления и долговременной памяти (отрицательная корреляция с критическим мышлением), однако верификация ответов ИИ способна нивелировать эти риски. **Ключевыми выводами** стало то, что отношение к ИИ формируется на пересечении трех уровней – технико-аксиологического, когнитивного и личностно-регуляторного. Эффективная интеграция ИИ требует перехода от контрастных моделей принятия технологии или отвержения технологии к модели осознанного делегирования, где центральную роль играют цифровая компетентность и сохранение целостности личности. Результаты могут служить основой для профилактики технострессса, зависимости от ИИ и разработки программ повышения метакогнитивных навыков.

© Кокурина К. Е., Кружкова О. В., 2026

Ключевые слова
искусственный интеллект, доверие к ИИ, когнитивная разгрузка, технологически расширенная личность, самоуправление цифровой повседневностью, техностресс, критическое мышление, делегирование полномочий, целостность личности, принятие технологий ИИ

Для цитирования: Кокурина, К. Е., Кружкова, О. В. (2026). Психологические аспекты принятия ИИ: обзор факторов доверия и особенностей взаимодействия человека и ИИ. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 429–445.

Original paper

Psychological aspects of AI acceptance: a review of trust factors and specific characteristics of Human - AI interaction

Ksenia E. Kokurina
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
kseniakokurina5@gmail.com
ORCID: 0009-0006-0737-3901

Olga V. Kruzhkova
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
galiat1@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2569-8789

Abstract
The relevance of this study is determined by the contradiction between the rapid integration of artificial intelligence into everyday and professional life and insufficient development of psychological models which explain the acceptance or rejection of AI. Existing studies describe trust, cognitive biases and personality traits as predictors of AI acceptance only fragmentarily, without proposing an integrative approach. The problem lies in the lack of systematisation of the psychological determinants linking the technical-axiological, cognitive and personality-regulatory levels. The review **aims** to systematise research data on the psychological factors acting as predictors of the formation and manifestation of human attitude (including trust) towards artificial intelligence. **The methodology** comprises the analysis, generalisation and structuring of the results from theoretical and empirical studies published between 2020 and 2026 using the scientometric databases Web of Science, PubMed and eLibrary.ru. It has been found that trust in AI is a multicomponent dynamic construct including subjective, technical and axiological aspects; moreover, the axiological barriers (fairness, transparency and confidentiality) may outweigh the technical perfection of the system. It has been shown that the digital environment gives rise to the delegation of tasks to AI and cognitive offloading, which, with prolonged use of AI, may lead to a decline in critical thinking and long-term memory (a negative correlation in critical thinking); however, the verification of AI responses can mitigate these risks. The key **conclusions** are that attitude towards AI is formed at the intersection of three levels: technical-axiological, cognitive and personal-regulatory. Effective AI integration requires a shift from the contrasting models of “technology acceptance” and “technology rejection” towards a model of “deliberate delegation”,

in which digital competence and the preservation of personal integrity play a central role. The findings may provide a basis for preventing technostress and AI dependance and for development of programmes to enhance metacognitive skills.

Keywords

artificial intelligence, trust in AI, cognitive offloading, technologically extended personality, self-management of digital everyday life, technostress, critical thinking, delegation of authority, personal integrity, AI technology acceptance

For citation: Kokurina, K. E., Kruzhkova, O. V. (2026). Psychological aspects of AI acceptance: a review of trust factors and specific characteristics of Human - AI interaction. *Russian Journal of deviant behavior,* 6(3), 429–445.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) становится не просто инструментом, а функциональной достройкой личности, участвуя в познании, выборе и социальном взаимодействии (Солдатова & Илюхина, 2025; Солдатова и др., 2024b). В этих условиях вопрос о том, как человек относится к ИИ, доверяет ему, принимает или сопротивляется, приобретает ключевое значение. Реальные кейсы последних лет, начиная от массовых увольнений IT-специалистов и продолжая кейсами использования переписок с ChatGPT в качестве улик в уголовных делах[1,2], подтверждают, что проблема доверия к ИИ имеет не только академическое, но и острое социальное значение.

Феномен антропоморфизации ИИ (приписывание алгоритмам человеческих качеств, таких как эмпатия, разумность, наличие намерений) может как усиливать доверие, так и создавать иллюзию близости и принятия, что ведет к неоправданным ожиданиям. В частности, А. Н. Аверкин и соавторы провели интервьюирование трех ведущих генеративных нейросетей и зафиксировали феномен самоидентификации ИИ: два из трех ассоциировали себя с определенным гендером (Аверкин и др., 2025). Это показывает, что пользователи склонны очеловечивать ИИ, что отражается в формулировках их запросов к ИИ, а сам ИИ (через ответы) воспроизводит данные ожидания.

Актуальность исследования психологических факторов отношения к ИИ обусловлена тремя противоречиями. Первое противоречие наблюдается между объективной эффективностью ИИ как инструмента и субъективным недоверием пользователей. Алгоритмы машинного обучения демонстрируют высокую точность в диагностике и других операционных задачах (Gasanova et al, 2020; Eryilmaz Baran & Cetin, 2025), однако люди сопротивляются делегированию ИИ отдельных решений по различным причинам (страх конкуренции, недоверие к качеству, отсутствие навыков написания промптов и пр.).

Второе противоречие присутствует между широким функциональным использованием ИИ и отсутствием психологической готовности доверять ему в социально значимых ролях. Согласно опросам, большинство подростков используют нейросети для решения задач, в том числе готовы обращаться к ИИ за психологической помощью как к консультанту; лишь незначительная часть сообщает, что им нравится общаться с голосовыми помощниками как с партнерами[3] (Кружкова и др., 2025; Солдатова и др., 2024a). Люди охотно применяют ИИ

[1] Chow, A. R. (2026, April 30). 'Everyone's a line on a spreadsheet:' Inside Oracle's mass layoffs and the workers fighting back. *Time.* https://time.com/article/2026/04/30/oracle-layoffs-ai-tech-jobs/

[2] Romero, D., & Rosenberg, M. (2026). Suspect in murder of Florida college students asked ChatGPT about putting a person in a dumpster. *NBC News.* https://www.nbcnews.com/news/us-news/suspect-murder-florida-college-students-asked-chatgpt-putting-person-d-rcna342211

[3] Подростки в сети: нейросети, блокировки и контент для взрослых (2026). *Исследовательский центр «Русское поле».* URL: https://russianfield.com/adolescence

как инструмент, но чаще всего ограничивают его полномочия в сферах, требующих эмпатии и морального суждения (Yankouskaya et al., 2026), в силу выраженных опасений деградации эмоциональных и социальных навыков у активных пользователей ИИ (Кокурина и др., 2026).

Третье противоречие обнаруживается между растущей зависимостью от ИИ и снижением критического мышления. Как показывают исследования, длительное использование ИИ ведет к «когнитивной лени» и снижению способности к глубокому анализу (Кумахова, 2025; Gerlich, 2025). И здесь возникает парадокс: чем больше мы полагаемся на ИИ, тем менее способны оценивать качество его решений.

В литературе традиционно выделяются три группы факторов, влияющих на отношение к ИИ: технические и аксиологические характеристики систем (Afroogh et al., 2024; Lahusen et al., 2024); когнитивные эффекты цифровой среды, включая делегирование технологиям (Лызь & Гладкая, 2025); а также личностные регуляторы, в частности, способность к самоуправлению цифровой повседневностью и сохранению целостности личности (Солдатова & Илюхина, 2025; Солдатова и др., 2024b). Однако, как следует из указанных противоречий, существующие знания остаются фрагментированными и в некоторых случаях диссонирующими друг с другом. Актуальные данные к настоящему времени не позволяют в полной мере объяснить и спрогнозировать, почему при сходных технических характеристиках одни люди демонстрируют высокий уровень доверия к ИИ, а другие – сопротивление и выраженную тревогу.

Цель обзорного исследования – систематизировать данные исследований о психологических факторах, выступающих предикторами формирования и проявления отношения (в том числе доверия) человека к искусственному интеллекту.

Описание исследования

На первом этапе исследования был осуществлен отбор отечественных и зарубежных научных статей для включения в обзор. Поиск научных публикаций проводился в наукометрических базах данных Web of Science, PubMed, а также в электронной библиотеке eLibrary.ru с использованием ключевых слов: «искусственный интеллект» («artificial intelligence»), «доверие к ИИ» («trust in AI»), «отношение к технологиям» («attitude to technology»), «технологически расширенная личность» («technologically extended personality»), «самоуправление цифровой повседневностью» за период 2020–2026 гг.

Общий список публикаций составил более 50 источников. Из числа просмотренных работ в анализ были включены 32 публикации по психологии, среди которых 12 статей на русском языке и 20 англоязычный источник. Отбор публикаций для включения в обзор проводился на основе нескольких критериев. Во-первых, статья должна была соответствовать теме исследования и прямо рассматривать психологические аспекты взаимодействия человека с ИИ, такие как доверие, принятие, отношение или делегирование полномочий. Во-вторых, работа должна была носить эмпирический характер, позволяющий выделить измеримые или концептуально обоснованные факторы. В-третьих, публикация должна была выйти в рецензируемом научном журнале или авторитетном сборнике (для англоязычных источников требовалась индексация в Web of Science, Scopus или PubMed; для русскоязычных – в РИНЦ). В-четвертых, временной диапазон был ограничен 2020–2026 гг., что позволило охватить наиболее актуальные исследования в период активного внедрения генеративных нейросетей и больших языковых моделей. Работы, фокусирующиеся исключительно на технических аспектах разработки ИИ без анализа пользовательского восприятия, а также публикации в нерецензируемых изданиях исключались из анализа. Основными методами исследования выступили анализ, обобщение и структурирование результатов теоретических и эмпирических исследований.

Систематизация по тематике статей позволила выделить шесть основных тем исследований. В таблице представлено распределение статей по тематическим направлениям с указанием количества публикаций и соответствующих источников.

Таблица. Распределение статей по тематическим направлениям

Table. Distribution of articles by thematic areas

№	Тема исследования	Количество статей	Исследуемые источники
1	Понятие и виды доверия к ИИ	6	Андрианова, 2024; Аверкин и др., 2025; Кружкова и др., 2025; Afroogh et al., 2024; De Freitas et al., 2023; Lahusen, et al., 2024; Yankouskaya et al., 2026
2	Технические и аксиологические факторы доверия	8	Gasanova et al, 2020; Аверкин и др., 2025; Леонтьев, 2025; Afroogh et al., 2024; De Freitas et al., 2023; Eryilmaz Baran & Cetin, 2025; Lahusen, et al., 2024; Zhai et al., 2024
3	Делегирование и когнитивные эффекты цифровизации	10	Gasanova et al, 2020; Кумахова, 2025; Лызь & Гладкая, 2025; Eryilmaz Baran & Cetin, 2025; Fang et al., 2025; Gerlich, 2025; Hatch et al., 2025; Jose et al., 2025; Perlis et al., 2026; Zhai et al., 2024
4	Личностные детерминанты отношения к ИИ	9	Солдатова & Илюхина, 2025; Солдатова и др., 2024a; Солдатова и др., 2024b; Солдатова и др., 2025a; Солдатова и др., 2025b; Kleinert et al., 2026; Малафеевская, 2024; McClain et al., 2026
5	Технологически расширенная личность и самоуправление цифровой повседневностью	8	Солдатова & Илюхина, 2025; Солдатова и др., 2024a; Солдатова и др., 2024b; Солдатова и др., 2025a; Солдатова и др., 2025b; Jones et al., 2024; Малафеевская, 2024; McClain et al., 2026; W. Zhang et al., 2025
6	Факторы, снижающие принятие ИИ	5	Bukhari et al., 2025; Cheng et al., 2025; Фрейманис, & Шляпов, 2025; Yankouskaya et al., 2026, S. Zhang et al., 2025

Результаты исследования

Понятие и виды доверия к ИИ. В современной науке доверие к искусственному интеллекту рассматривается как ключевой регулятор внедрения технологий. Оно способствует распространению ИИ, тогда как недоверие, напротив, замедляет его (Afroogh et al., 2024; Lahusen et al., 2024). В междисциплинарном обзоре, объединившем социологию, политологию и информатику, подчеркивается, что феномен доверия к ИИ невозможно понять в рамках одной дисциплины. Исследователи различают субъективное доверие пользователя и объективную надежность системы, и только комплексный подход позволяет уловить сложную динамику «бдительного доверия» в социотехническом контексте (Lahusen et al., 2024).

Доверие к ИИ имеет многокомпонентную структуру. С одной стороны, оно опирается на технические параметры: безопасность, точность и надежность системы; с другой – на аксиологические (ценностные) аспекты, включающие этические и правовые нормы, в рамках которых функционирует ИИ (Afroogh et al., 2024). Для понимания психологических барьеров особенно важно изучать так называемые *trust breakers*, т. е. условия, которые разрушают

готовность человека полагаться на систему. S. Afroogh и соавторы к таким условиям относят угрозы личной автономии, посягательства на достоинство человека и непредсказуемое поведение алгоритмов. В результате, если пользователь не может предвидеть или объяснить для себя, как работает система, его готовность передавать ей ответственность или делегировать функции заметно снижается (Afroogh et al., 2024).

Помимо этого в литературе активно обсуждаются два искажающих восприятие эффекта. Один из них получил название *"overtrust"*, и он возникает тогда, когда привлекательный интерфейс, известный бренд или грамотная реклама побуждают человека довериться ненадежной или даже опасной модели. Другой эффект обозначается термином *"ethics-washing"*, он состоит в том, что компаниями создается видимость этичности и заботы о пользователе в целях уклонения от реального контроля и снижения бдительности потребителя (Afroogh et al., 2024). Эти механизмы показывают, что высокий уровень декларируемого доверия не всегда соответствует реальной надежности системы и часто базируется на когнитивных искажениях пользователя.

Важно различать доверие к ИИ как технологии и доверие к информации, которую обрабатывает ИИ. В крупном кросс-национальном исследовании было показано, что доверие к онлайн-информации выступает даже более сильным предиктором готовности делегировать полномочия ИИ, чем доверие к самому алгоритму (Yankouskaya et al., 2026). Это говорит о том, что для пользователя источник данных и его репутация часто значат больше, чем техническое совершенство алгоритмов ИИ.

В практических кейсах, в частности при внедрении ИИ в страховой отрасли России на примере «СберСтрахования», было выявлено, что 45 % сотрудников изначально опасались сокращений, воспринимая ИИ как угрозу автономии (Леонтьев, 2025). Однако после переобучения и демонстрации того, что ИИ выступает лишь инструментом усиления, 67 % респондентов изменили свое восприятие. Этот пример иллюстрирует, что доверие – динамический конструкт, который может трансформироваться под влиянием опыта, работы с сопротивлением и обучения (Леонтьев, 2025).

В исследовании, посвященном анализу результатов взаимодействия с ChatGPT, было показано, что пользователи часто не способны критически оценить достоверность генерируемой информации, принимая ее на веру из-за авторитетного голоса ИИ. Подобная ситуация создает риск формирования ложных убеждений, существенно возрастающий для молодых пользователей (Андрианова, 2024).

Таким образом, доверие к ИИ не может быть сведено к какому-то одному аспекту. Оно включает в себя субъективное восприятие пользователя, технические параметры системы и ее аксиологические характеристики (этические и ценностные аспекты). Кроме того, доверие к ИИ не совпадает с объективной надежностью, является субъективно воспринимаемым пользователем, поскольку формируется не только под влиянием рациональных оценок, но и в результате когнитивных искажений, возникающих в силу репутационного давления или специфики интерфейса.

Технические и аксиологические факторы доверия к ИИ. Технические характеристики ИИ (например, скорость, точность, безопасность) составляют фундамент для формирования доверия. В обзоре технологий анализа биомедицинских данных было показано, что точность алгоритмов машинного обучения в диагностике рака легких достигает высоких значений (Gasanova et al, 2020), а в выявлении психических расстройств (включая тревогу и депрессию) этот показатель доходит до 93–99 % (Eryilmaz Baran & Cetin, 2025). В итоге высокая точность должна автоматически вести к высокому доверию, однако на практике происходит иначе.

Аксиологические барьеры часто перевешивают технические преимущества использования ИИ. В исследовании опыта внедрения ИИ в сферу страхования в России было обнаружено, что ключевым барьером для клиентов является не сомнение в точности расчетов, а «дискриминация алгоритмов» и угроза конфиденциальности. Так, использование геолокации для тарификации вызывает у клиентов опасения слежки, а риск завышения тарифов для определенных регионов подрывает восприятие справедливости системы (Леонтьев, 2025).

Похожие данные были получены в ряде исследований в различных странах. Оказалось, что даже при объективно высокой эффективности ИИ пользователи опасаются «непрозрачности» алгоритма. Если система не может объяснить, почему она приняла то или иное решение (особенно в медицине или образовании), доверие к ней снижается, даже если ее ответы объективно полезнее человеческих (Аверкин и др., 2025; De Freitas et al., 2023; Lahusen et al., 2024).

Проблема качества данных для обучения ИИ носит не только технический, но и психологический характер. Когда пользователь знает, что ИИ обучался на некачественных или смещенных данных, или у него есть негативный опыт взаимодействия с ошибками системы, его готовность полагаться на ИИ снижается, даже если в идеальных условиях модель работает безупречно (Gasanova et al, 2020; Eryilmaz Baran & Cetin, 2025). Систематический обзор факторов чрезмерной зависимости от диалоговых систем ИИ показывает, что главными причинами «алгоритмической аверсии» как проявления более негативного отношения к ошибкам, допущенным ИИ, чем к аналогичным ошибкам со стороны человека, становятся непрозрачность работы алгоритмов и непредсказуемость их ошибок для пользователя (Zhai et al., 2024). Из этого следует, что техническое совершенство системы необходимо для доверия, но одного его недостаточно. В ряде случаев аксиологические факторы, такие как справедливость, прозрачность, конфиденциальность и отсутствие дискриминации, играют даже более важную роль для долгосрочного доверия и готовности делегировать ИИ значимые для пользователя полномочия.

Делегирование ИИ и когнитивные эффекты цифровизации. Цифровая среда существенно меняет когнитивные процессы современного человека, погруженного в нее. В обзоре, проведенном российскими исследователями, перечислены основные черты познавательной деятельности в условиях цифровизации: постоянная многозадачность, «сканирующая» стратегия чтения и частое переключение внимания. Эти особенности ведут к фрагментации сознания и усиливают «когнитивную лень» (Лызь & Гладкая, 2025).

Одним из главных рисков здесь становится явление когнитивной разгрузки, когда человек перестает прилагать усилия для запоминания, анализа и критической оценки поступающей информации, поскольку перекладывает эти функции на внешние устройства и алгоритмы. Так, выявлено, что студенты, которые используют ChatGPT, решают больше задач, но при этом их понимание материала снижается (Jose et al., 2025; Кумахова, 2025). В итоге возникает «парадокс продуктивности», когда пользователь чувствует себя эффективным и довольным при использовании ИИ для решения поставленной задачи, что автоматически повышает его аффективное доверие ИИ, но при этом теряется глубина понимания материала, не развиваются или даже качественно снижаются его собственные аналитические навыки.

Крупное кросс-национальное исследование, в котором приняли участие 30 994 респондента из 35 стран, показало наличие устойчивой иерархии готовности делегировать ИИ различные социальные роли. Например, чаще всего респонденты готовы доверить ИИ роль компаньона (75,7 %), несколько реже они соглашаются на роль советника по психическому здоровью (60,6 %), еще реже – на роль учителя (49,8 %). Самый низкий уровень готовности зафиксирован для роли врача (45,3 %). При этом доверие к онлайн-информации оказалось самым сильным предсказывающим фактором для всех ролей, а фактор пола значим особенно для оценки доверия к ИИ

в роли врача (женщины реже мужчин готовы делегировать ИИ ответственность в отношении здоровья, что подтверждается разрывом в 14,5 % в оценках представителей двух полов и не зависит от индивидуального уровня оптимизма или тревоги) (Yankouskaya et al., 2026).

Длительное использование ИИ может привести к так называемой цифровой амнезии, что подтверждается данными российского лонгитюдного исследования. Так, при активном использовании генеративных нейросетей было зафиксировано снижение показателей долговременной памяти, ухудшение качества систематизации знаний. Однако при правильном педагогическом подходе, обязывающем студента осуществлять перепроверку и подтверждение ответов ИИ, у 68 % участников исследования, напротив, происходила стимуляция развития критического мышления (Кумахова, 2025). Это демонстрирует, что влияние ИИ на когнитивные функции пользователя неоднозначно и зависит от того, как именно используется данный инструмент.

В частности, регулярное общение с чат-ботами может приводить к эмоциональной зависимости. В исследовании C. M. Fang и соавторов было показано, что чем больше времени пользователь проводит во взаимодействии с ИИ ежедневно, тем выше риск роста одиночества, снижения качества реальной социализации и усиления проблемного использования ИИ (Fang et al., 2025). Голосовой формат общения с ИИ уменьшает негативные последствия, но только при условии умеренного использования. Данные о распространенности использования генеративного ИИ среди взрослых показывают, что около 20 % пользователей сообщают о легких и умеренных симптомах депрессии, которые они связывают с чрезмерным использованием ИИ. Такой факт настораживает и требует дальнейшего изучения причин и следствий обнаруженного явления (Perlis et al., 2026).

Исследование влияния ИИ на критическое мышление пользователей показало, что частое использование ИИ негативно сказывается на этом процессе, что особенно выражено у молодых пользователей. Ключевую роль здесь играет когнитивный оффлоадинг как привычка перекладывать мыслительные задачи на внешние инструменты. Корреляционный анализ выявил сильную отрицательную связь между использованием ИИ и критическим мышлением, а также сильную положительную связь между ИИ и когнитивным оффлоадингом (Gerlich, 2025).

В социологическом исследовании возможностей использования ИИ студентами выявлен значительный разрыв между фактическим использованием ИИ-алгоритмов и уровнем рефлексии студентов: четверть респондентов не осознают, что пользуются ИИ (Малафеевская, 2024). Так, 73 % студентов назвали ИИ инструментом, облегчающим работу, при этом 54 % считают, что ИИ частично заменит человека в профессиях (Малафеевская, 2024).

В итоге цифровая среда часто провоцирует когнитивную лень и частое делегирование ИИ, что ведет к снижению критического мышления и памяти при длительном использовании. Однако правильное планирование деятельности и целеполагания способно нивелировать эти риски, превращая ИИ из «костыля» в тренажер и инструмент.

Личностные детерминанты отношения к ИИ. То, как человек взаимодействует с ИИ, определяется не только внешними условиями, но и его внутренними психологическими особенностями. Ключевым современным подходом здесь является концепция «технологически расширенной личности», разработанная в российской психологии. Согласно этой теории смартфоны, гаджеты и ИИ-сервисы становятся не просто инструментами, а функциональными достройками психики, расширяющими память, внимание и социальные связи (Солдатова и др., 2025a; Солдатова и др., 2024a; Солдатова и др., 2025b; Солдатова и др., 2024b).

Эмпирические данные показывают, что за четыре года (2019–2022) доля подростков, использующих ИИ, выросла с 11 % до 32 % (Солдатова и др., 2024a). Согласно отчету

об исследовании интернет-практик подростков, около 79 % опрошенных пользуются нейросетями, причем наиболее частые цели: решение задач (73 %), написание работ (63 %) и объяснение материала (56 %).[4] Согласно результатам исследования американских подростков, 64 % из них пользовались ИИ-чат-ботами, причем 54 % использовали их для помощи в школьных заданиях (McClain et al., 2026). Наблюдается парадоксальный разрыв: подростки активно используют ИИ для решения задач, но лишь 13 % сообщают, что им нравится общаться с голосовыми помощниками как с партнерами (Солдатова и др., 2024a; Солдатова и др., 2025b). Это говорит о том, что ИИ воспринимается скорее как функциональный инструмент, а не как субъект общения.

В исследовании цифровых предикторов психологического благополучия молодежи выявлена сильная положительная связь между удовлетворенностью жизнью в реальном и цифровом мирах, что доказывает их конвергенцию в рамках единого переживания смешанной реальности. При этом управление цифровыми устройствами умеренно коррелирует с благополучием в обоих мирах, тогда как высокая пользовательская активность, напротив, слабо отрицательно связана с удовлетворенностью жизнью (Солдатова и др., 2025b).

Центральным конструктом в этом подходе является «самоуправление цифровой повседневностью» (СУЦП), которое состоит из готовности к управлению цифровыми устройствами, переживания цифровой повседневности (т. е. эмоциональной привязанности к элементам цифровой среды), цифровой социальности и целостности технологически достроенной личности. Последний феномен выражается в отсутствии признаков проблемного использования цифровой среды в форме игнорирования телесного дискомфорта ради гаджета, ощущения себя «другим человеком» в сети, невозможности следовать ценностям онлайн и пр. (Солдатова и др., 2025a; Солдатова и др., 2024b). По мнению Г. У. Солдатовой, в цифровую эпоху целостность личности – это не данность, а задача, решаемая через осознание дефицитов, рисков и возможностей при взаимодействии с цифровой средой (Солдатова & Илюхина, 2025).

Анализ больших выборок позволил выделить четыре психологических профиля пользователей: «стратеги» (высокий контроль и высокая целостность), «интеграторы» (умеренная целостность и высокая вовлеченность), «дезадаптанты» (низкий контроль и низкая целостность) и «минималисты» (высокая целостность, но низкая цифровая вовлеченность) (Солдатова и др., 2025b; Солдатова и др., 2024a). Профили различаются по уровню психологического благополучия.

Что касается отношения к ИИ, то здесь важную роль играют установки: технофилия (позитивное отношение), технофобия (страх перед технологиями), технорационализм (взвешенное отношение) и технопессимизм (негативный взгляд на последствия) (Солдатова и др., 2025b; Солдатова и др., 2024a). Высокий уровень самоуправления цифровой повседневностью положительно коррелирует с технорационализмом и отрицательно – с интернет-зависимостью (Солдатова и др., 2024b).

В исследовании, посвященном сравнению ИИ и человека в установлении межличностной близости, было показано, что ИИ может превосходить человека в эмпатичном взаимодействии за счет высокого самораскрытия, но только когда пользователь не знает, что общается с машиной (Kleinert et al., 2026). Пользователи склонны антропоморфизировать ИИ, то есть наделять его человеческими чертами, что усиливает эмоциональную привязанность пользователя к системе (Kleinert et al., 2026; W. Zhang et al., 2025). Однако когда человек изначально осознает искусственную природу собеседника в лице ИИ, то доверие к последнему более низкое, чем к агенту-человеку, но это все равно не препятствует постепенному установлению близости во взаимодействии испытуемого и ИИ (Kleinert et al., 2026).

[4] Подростки в сети: нейросети, блокировки и контент для взрослых (2026). *Исследовательский центр «Русское поле»*. URL: https://russianfield.com/adolescence

Стоит учитывать, что личность современного человека, который погружен в цифровую среду, является технологически расширенной, а его отношение к ИИ среди прочего определяется и его собственной способностью к самоуправлению в условиях цифровой среды и управлению цифровой средой. Высокий уровень самоконтроля и сохранение внутренней целостности личности выступают как факторы-протекторы, помогающие предотвратить формирование зависимости от ИИ и последующую когнитивную деградацию.

Факторы, снижающие принятие ИИ. Помимо тех условий, которые способствуют принятию ИИ, существуют и барьеры, снижающие готовность человека доверять алгоритмам искусственного интеллекта. Одним из таких барьеров является страх зависимости от ИИ (AI dependency), который выражается как опасение потерять способность выполнять задачи без помощи алгоритмов и потребность в постоянной валидации со стороны ИИ. Исследования на студентах показывают: этот страх связан с более высокой академической успеваемостью, чем с психологическим дистрессом, что опровергает представление о зависимости как о проблеме, свойственной только неуспешным студентам (Bukhari et al., 2025).

Другим значимым барьером выступает техностресс – негативная реакция на внедрение и использование ИИ. Согласно исследованиям, ключевыми факторами техностресса являются техноперегрузка (восприятие ИИ как источника дополнительной когнитивной нагрузки) и техноинвазия (ощущение, что технологии вторгаются в личное пространство и автономию) (Borle et al., 2021). Техностресс взаимосвязан с тревожностью и может выступать ингибитором инновационного поведения сотрудников, если оценивается ими как негативный фактор (S. Zhang et al., 2025).

Особым искажающим фактором, влияющим на принятие ИИ, является феномен социальной сикофантии – склонности языковых моделей чрезмерно соглашаться с пользователем. Парадоксальным образом сикофантичное поведение ИИ повышает доверие к нему и желание использовать его снова, но при этом снижает критическое отношение к его ответам и укрепляет чувство собственной непогрешимости пользователя (Cheng et al., 2025). Подобное поведение создает иллюзию надежности в тех случаях, когда объективная надежность может отсутствовать.

Таким образом, барьеры на пути принятия ИИ не сводятся исключительно к объективным недостаткам и ограничениям современных технологий искусственного интеллекта. Значение имеют и субъективные страхи пользователей, и когнитивные искажения, возникающие из-за особенностей ответов самих языковых моделей.

Обсуждение и заключение

Обобщая результаты, можно утверждать, что отношение к ИИ формируется на пересечении трех уровней: технико-аксиологического (насколько система хороша и справедлива), когнитивного (насколько пользователь склонен к «когнитивной лени» и когнитивным искажениям) и личностно-регуляторного (насколько у пользователя выражена способность к самоуправлению и сохранению личностной целостности).

Исследование влияния ИИ на учебную мотивацию и когнитивные навыки в высшем образовании показало, что ИИ-инструменты повышают вовлеченность (80 %), мотивацию (75 %) и автономию в обучении (70 %) (Elbadiansyah et al., 2024). При этом выявлены этические проблемы использования ИИ в образовании: чрезмерная зависимость от ИИ (40 %), снижение самостоятельных усилий (35 %), предвзятость алгоритмов (30 %), недостаток прозрачности (45 %) и риски нарушения конфиденциальности данных (50 %) (Elbadiansyah et al., 2024).

Важным ограничением текущих исследований выступает методологическая разобщенность. Российские исследования предоставляют мощный инструментарий для изучения

саморегуляции в цифровой среде и при взаимодействии с ИИ (Солдатова & Илюхина, 2025; Солдатова и др., 2024a; Солдатова и др., 2025a; Солдатова и др., 2024b; Солдатова и др., 2025b), но редко связывают его напрямую с доверием к большим языковым моделям. Зарубежные исследования, напротив, много внимания уделяют когнитивным искажениям (оффлоадинг, сикофантия) (Gerlich, 2025; Cheng et al., 2025), но часто игнорируют феномен «технологически расширенной личности» как целостного конструкта.

Также стоит отметить, что использование ИИ для эмоциональной поддержки (чат-боты – компаньоны) имеет двойственный эффект. С одной стороны, голосовые ассистенты могут решить проблему одиночества у пожилых людей, как показано в интервенционном исследовании (трехмесячное использование Amazon Alexa снизило одиночество, причем видеомодальность оказалась эффективнее аудио) (Jones et al., 2024). С другой стороны, чат-боты могут формировать нездоровую привязанность, а их ответы хоть и признаются пользователями более эмпатичными, чем ответы людей, симулируют эмпатию, не обладая ею на самом деле (Фрейманис & Шляпов, 2025; Hatch et al., 2025). В Тьюринговом тесте для терапевтов участники не могли надежно отличить ответы ChatGPT от ответов профессиональных терапевтов (точность 51,2 % против 56,1 %), а ответы ИИ оценивались как значительно более соответствующие общим факторам терапии. При этом обнаружен сильный эффект атрибуции: ответы оценивались значительно выше, когда участник думал, что их написал терапевт (Hatch et al., 2025). Подобные результаты показаны и в российских исследованиях, где, например, экспресс-консультации, проведенные при помощи ИИ в слепом рецензировании, оценивались как приемлемые с позиции профессиональных консультантов-психологов (Кружкова и др., 2025).

Согласно исследованию американских подростков, 64 % из них пользовались ИИ-чат-ботами, причем 54 % использовали их для помощи в школьных заданиях. При этом 10 % подростков заявили, что выполняют с помощью чат-ботов всю или большую часть школьной работы, а 59 % считают, что в их школе с помощью ИИ жульничают. Родители в целом одобряют использование чат-ботов детьми для поиска информации (79 %) и помощи в учебе (58 %), но не одобряют для эмоциональной поддержки (18 % одобряют). По расово-этническим группам выявлены значимые различия: чернокожие и латиноамериканские подростки чаще белых используют чат-боты для школьной работы (около 60 % против 50 %) и чаще выполняют с их помощью всю или большую часть школьной работы (20 % против 7 %) (McClain et al., 2026).

Проведенная систематизация исследований позволяет утверждать, что эффективная интеграция ИИ в общество невозможна без учета психологических факторов доверия. Необходим переход от категоричных моделей «принятия технологии» и «отторжения технологии» к модели «осознанного делегирования», где ключевую роль играют цифровая компетентность и способность сохранять целостность личности при взаимодействии с алгоритмами.

Список литературы

Аверкин, А. Н., Воронина, Н. Ф., & Пелипас, О. В. (2025). Партнерские отношения человека и искусственного интеллекта: миф или реальность в современном мире. *Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования*, 2(83), 44–51.

Андрианова, Р. А. (2024). ChatGPT (модель ИИ): опыт взаимодействия по анализу результатов и выводов исследования проблемы киберагрессии. *Наука, технология и общество*, 1, 5–32. https://doi.org/10.31249/scis/2024.01.01

Кокурина, К. Е., Кружкова, О. В., Богданова, М. В. (2026). Готовность человека к взаимодействию с искусственным интеллектом. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 3, 53–61. https://doi.org/10.24147/2410-6364.2026.3.53-61

Кружкова, О. В., Колесникова, К. А., Богданова, М. В. (2025). Оценка кейсов применения искусственного интеллекта в психологическом консультировании. *Педагогическое образование в России*, 6, 303-310.

Кумахова, Д. Б. (2025). Влияние искусственного интеллекта на когнитивные способности студентов. *Наука и Образование*, 8(4), 1–8.

Леонтьев, Д. А. (2025). Искусственный интеллект как драйвер цифровой трансформации страховой отрасли на примере «Сбер Страхования». *Вестник Алтайской академии экономики и права*, (3-2), 263–269. https://doi.org/10.17513/vaael.4054

Лызь, Н. А., & Гладкая, Е. В. (2025). Влияние цифровизации на когнитивные процессы: обзор причин и последствий. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3. 396–405. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-396-405

Малафеевская, В. С. (2024). Социологическое исследование возможностей использования искусственного интеллекта студентами. *Современная молодежь и общество*, 12, 35-40.

Солдатова, Г. У. & Илюхина, С. Н. (2025). Человек технологически достроенный: в поисках целостности. *Культурно-историческая психология*, 21(1), 13–23. https://doi.org/10.17759/chp.2025210102

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., & Илюхина, С. Н. (2024a). Готовность и опыт использования технологий как показатели технологически расширенной личности подростков и молодежи. В *Подросток в мегаполисе: сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции* (9–10 апреля 2024 г., Москва) (с. 143–146). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., & Илюхина, С. Н. (2024b). Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 47*(2), 175–200. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-20

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., & Илюхина, С. Н. (2025a). Расширенная версия Шкалы самоуправления цифровой повседневностью (СУЦП-2): целостность как потенциал адаптации и благополучия. *Культурно-историческая психология, 21*(4), 25–37. https://doi.org/10.17759/chp.2025210403

Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В., & Илюхина, С. Н. (2025b). Цифровые предикторы психологического благополучия молодежи в реальном и виртуальном мирах. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 48*(1), 78–100. https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04

Фрейманис, И. Ф., & Шляпов, И. В. (2025). Риски применения технологии искусственного интеллекта для психологической помощи: взгляд психолога и разработчика. *Russian Journal of Education and Psychology*, 16(5), 659-687. https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-829

Afroogh, S., Akbari, A., Malone, E., Kargar, M., & Alambeigi, H. (2024). Trust in AI: Progress, challenges, and future directions. *Humanities and Social Sciences Communications, 11*, Article 1568. https://doi.org/10.1057/s41599-024-04044-8

Borle, P., Reichel, K., Niebuhr, F., & Voelter-Mahlknecht, S. (2021). How are techno-stressors associated with mental health and work outcomes? A systematic review of occupational exposure to information and communication technologies within the technostress model. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 18*, Article 8673. https://doi.org/10.3390/ijerph18168673

Bukhari, S. R., Batool, S., Shahab, I., Jalil, R., Arshad, A., Zahra, S. Q., Karim, S., Jamil, N., & Khan, N. (2025). Role of AI dependency in psychological distress and academic performance among

university students. *International Journal of Social Sciences Bulletin, 3*(3), 286–294. https://ijss-bulletin.com/index.php/IJSSB/article/view/495

Cheng, M., Lee, C., Khadpe, P., Yu, S., Han, D., & Jurafsky, D. (2026). Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence. *Science, 391*(6792), Article eaec8352. https://doi.org/10.1126/science.aec8352

De Freitas, J., Agarwal, S., Schmitt, B., & Haslam, N. (2023). Psychological factors underlying attitudes toward AI tools. *Nature Human Behaviour, 7*, 1845–1854. https://doi.org/10.1038/s41562-023-01734-2

Elbadiansyah, Sain, Z. H., Shehu Lawal, U., Chansa Thelma, C., & Luqman Aziz, A. (2024). Exploring the role of artificial intelligence in enhancing student motivation and cognitive development in higher education. *TechComp Innovations, 1*(2), 59–67. https://doi.org/10.70063/techcomp-innovations.v1i2.47

Eryilmaz Baran, F. D., & Cetin, M. (2025). AI-driven early diagnosis of specific mental disorders: A comprehensive study. *Cognitive Neurodynamics, 19*, Article 70. https://doi.org/10.1007/s11571-025-10253-x

Fang, C. M., Liu, A. R., Danry, V., Lee, E., Chan, S. W. T., Pataranutaporn, P., Maes, P., Phang, J., Lampe, M., Ahmad, L., & Agarwal, S. (2025). *How AI and human behaviors shape psychosocial effects of extended chatbot use: A longitudinal randomized controlled study* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.17473

Gasanova, I. A., Prelovskii, D. S., Yurkin, V. A., Drobintsev, P. D., & Drobintseva, A. O. (2020). Modern possibilities of using AI methods in the analysis of biomedical data. *Computing, Telecommunications and Control, 13*(4), 21–33. https://doi.org/10.18721/JCSTCS.13402

Gerlich, M. (2025). AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking. *Societies, 15*(1), Article 6. https://doi.org/10.3390/soc15010006

Hatch, S. G., Goodman, Z. T., Vowels, L., Hatch, H. D., Brown, A. L., Guttman, S., Le, Y., Bailey, B., Bailey, R. J., Esplin, C. R., Harris, S. M., Holt, D. P., Jr., McLaughlin, M., O'Connell, P., Rothman, K., Ritchie, L., Top, D. N., Jr., & Braithwaite, S. R. (2025). Correction: When ELIZA meets therapists: A Turing test for the heart and mind. *PLOS Mental Health, 2*(8), Article e0000426. https://doi.org/10.1371/journal.pmen.0000426.

Jones, V. K., Yan, C., Shade, M. Y., Boron, J. B., Yan, Z., Heselton, H. J., Johnson, K., & Dube, V. (2024). Reducing loneliness and improving social support among older adults through different modalities of personal voice assistants. *Geriatrics, 9*(2), Article 22. https://doi.org/10.3390/geriatrics9020022

Jose, B., Cherian, J., Verghis, A. M., Varghise, S. M., & Joseph, S. (2025). The cognitive paradox of AI in education: Between enhancement and erosion. *Frontiers in Psychology, 16*, Article 1550621. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1550621

Kleinert, T., Waldschütz, M., Blau, J., Heinrichs, M., & Schiller, B. (2026). AI outperforms humans in establishing interpersonal closeness in emotionally engaging interactions, but only when labelled as human. *Communications Psychology, 4*, Article 23. https://doi.org/10.1038/s44271-025-00391-7

Lahusen, C., Maggetti, M., & Slavkovik, M. (2024). Trust, trustworthiness and AI governance. *Scientific Reports, 14*, Article 20752. https://doi.org/10.1038/s41598-024-71761-0

McClain, C., Anderson, M., Sidoti, O., & Bishop, W. (2026, February 24). *How teens use and view AI*. Pew Research Center. https://www.pewresearch.org/internet/2026-02-24/how-teens-use-and-view-ai/

Perlis, R. H., Gunning, F. M., Uslu, A. A., Santillana, M., Baum, M. A., Druckman, J. N., Ognyanova, K., & Lazer, D. (2026). Generative AI use and depressive symptoms among US adults. *JAMA Network Open, 9*(1), Article e2554820. https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2025.54820

Yankouskaya, A., Almourad, M. B., Liebherr, M., Beyahi, F., Xu, G., & Ali, R. (2026). Who lets AI take over? Cross-national variation in willingness to delegate socially important roles to artificial intelligence. *AI & Society, 41*, 6151–6169. https://doi.org/10.1007/s00146-026-02858-5

Zhai, C., Wibowo, S., & Li, L. D. (2024). The effects of over-reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: A systematic review. *Smart Learning Environments, 11*, Article 28. https://doi.org/10.1186/s40561-024-00316-7

Zhang, S., Guo, P., Yuan, Y., & Ji, Y. (2025). Anxiety or engaged? Research on the impact of technostress on employees' innovative behavior in the era of artificial intelligence. *Acta Psychologica, 259*, Article 105442. https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105442

Zhang, W., Yang, Y., Liu, M., Wang, L., Lei, Q., Zhang, Q., Wang, J., Li, H., & Wuri, G. (2025). The effect of artificial intelligence-empowered mobile health on psychological distress in women following abortion: Protocol for a mixed-methods study. *Frontiers in Psychiatry, 16*, Article 1665500. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2025.1665500

References

Averkin, A. N., Voronina, N. F., & Pelipas, O. V. (2025). Partnerskie otnosheniia cheloveka i iskusstvennogo intellekta: mif ili real'nost' v sovremennom mire. *Informatsionno-ekonomicheskie aspekty standartizatsii i tekhnicheskogo regulirovaniia, 2*(83), 44–51.

Andrianova, R. A. (2024). ChatGPT (model' II): opyt vzaimodeistviia po analizu rezul'tatov i vyvodov issledovaniia problemy kiberagressii. *Nauka, tekhnologiia i obshchestvo*, 1, 5–32. https://doi.org/10.31249/scis/2024.01.01

Kokurina, K. E., Kruzhkova, O. V., Bogdanova, M. V. (2026). Gotovnost' cheloveka k vzaimodeistviiu s iskusstvennym intellektom. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriia «Psikhologiia»*, 3, 53–61. https://doi.org/10.24147/2410-6364.2026.3.53-61

Kruzhkova, O. V., Kolesnikova, K. A., Bogdanova, M. V. (2025). Otsenka keisov primeneniia iskusstvennogo intellekta v psikhologicheskom konsul'tirovanii. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 6, 303–310.

Kumakhova, D. B. (2025). Vliianie iskusstvennogo intellekta na kognitivnye sposobnosti studentov. *Nauka i Obrazovanie, 8*(4), 1–8.

Leont'ev, D. A. (2025). Iskusstvennyi intellekt kak draiver tsifrovoi transformatsii strakhovoi otrasli na primere «Sber Strakhovaniia». *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, (3-2), 263–269. https://doi.org/10.17513/vaael.4054

Lyz', N. A., & Gladkaia, E. V. (2025). Vliianie tsifrovizatsii na kognitivnye protsessy: obzor prichin i posledstvii. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiia. Psikhologiia. Sotsiologiia*, 3, 396–405. https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-3-396-405

Malafeevskaia, V. S. (2024). Sotsiologicheskoe issledovanie vozmozhnostei ispol'zovaniia iskusstvennogo intellekta studentami. *Sovremennaia molodezh' i obshchestvo*, 12, 35–40.

Soldatova, G. U. & Iliukhina, S. N. (2025). Chelovek tekhnologicheski dostroennyi: v poiskakh tselostnosti. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia, 21*(1), 13–23. https://doi.org/10.17759/chp.2025210102

Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., & Iliukhina, S. N. (2024a). Gotovnost' i opyt ispol'zovaniia tekhnologii kak pokazateli tekhnologicheski rasshirennoi lichnosti podrostkov i molodezhi. V *Podrostok v megapolise: sbornik trudov XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (9–10 aprelia 2024 g., Moskva)* (s. 143–146). Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaia shkola ekonomiki».

Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., & Iliukhina, S. N. (2024b). Tekhnologicheski rasshirennaia lichnost': razrabotka i aprobatsiia shkaly samoupravleniia tsifrovoi povsednevnost'iu. *Vestnik*

Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiia, 47(2), 175–200. https://doi.org/10.11621/LPJ-24-20

Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., & Iliukhina, S. N. (2025a). Rasshirennaia versiia Shkaly samoupravleniia tsifrovoi povsednevnost'iu (SUTsP-2): tselostnost' kak potentsial adaptatsii i blagopoluchiia. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia, 21*(4), 25–37. https://doi.org/10.17759/chp.2025210403

Soldatova, G. U., Chigar'kova, S. V., & Iliukhina, S. N. (2025b). Tsifrovye prediktory psikhologicheskogo blagopoluchiia molodezhi v real'nom i virtual'nom mirakh. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 14. Psikhologiia, 48*(1), 78–100. https://doi.org/10.11621/LPJ-25-04

Freimanis, I. F., & Shliapov, I. V. (2025). Riski primeneniia tekhnologii iskusstvennogo intellekta dlia psikhologicheskoi pomoshchi: vzgliad psikhologa i razrabotchika. *Russian Journal of Education and Psychology, 16*(5), 659–687. https://doi.org/10.12731/2658-4034-2025-16-5-829

Afroogh, S., Akbari, A., Malone, E., Kargar, M., & Alambeigi, H. (2024). Trust in AI: Progress, challenges, and future directions. *Humanities and Social Sciences Communications, 11*, Article 1568. https://doi.org/10.1057/s41599-024-04044-8

Borle, P., Reichel, K., Niebuhr, F., & Voelter-Mahlknecht, S. (2021). How are techno-stressors associated with mental health and work outcomes? A systematic review of occupational exposure to information and communication technologies within the technostress model. *International Journal of Environmental Research and Public Health, 18*, Article 8673. https://doi.org/10.3390/ijerph18168673

Bukhari, S. R., Batool, S., Shahab, I., Jalil, R., Arshad, A., Zahra, S. Q., Karim, S., Jamil, N., & Khan, N. (2025). Role of AI dependency in psychological distress and academic performance among university students. *International Journal of Social Sciences Bulletin, 3*(3), 286–294. https://ijssbulletin.com/index.php/IJSSB/article/view/495

Cheng, M., Lee, C., Khadpe, P., Yu, S., Han, D., & Jurafsky, D. (2026). Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence. *Science, 391*(6792), Article eaec8352. https://doi.org/10.1126/science.aec8352

De Freitas, J., Agarwal, S., Schmitt, B., & Haslam, N. (2023). Psychological factors underlying attitudes toward AI tools. *Nature Human Behaviour, 7*, 1845–1854. https://doi.org/10.1038/s41562-023-01734-2

Elbadiansyah, Sain, Z. H., Shehu Lawal, U., Chansa Thelma, C., & Luqman Aziz, A. (2024). Exploring the role of artificial intelligence in enhancing student motivation and cognitive development in higher education. *TechComp Innovations, 1*(2), 59–67. https://doi.org/10.70063/techcompinnovations.v1i2.47

Eryilmaz Baran, F. D., & Cetin, M. (2025). AI-driven early diagnosis of specific mental disorders: A comprehensive study. *Cognitive Neurodynamics, 19*, Article 70. https://doi.org/10.1007/s11571-025-10253-x

Fang, C. M., Liu, A. R., Danry, V., Lee, E., Chan, S. W. T., Pataranutaporn, P., Maes, P., Phang, J., Lampe, M., Ahmad, L., & Agarwal, S. (2025). *How AI and human behaviors shape psychosocial effects of extended chatbot use: A longitudinal randomized controlled study* [Preprint]. arXiv. https://doi.org/10.48550/arXiv.2503.17473

Gasanova, I. A., Prelovskii, D. S., Yurkin, V. A., Drobintsev, P. D., & Drobintseva, A. O. (2020). Modern possibilities of using AI methods in the analysis of biomedical data. *Computing, Telecommunications and Control, 13*(4), 21–33. https://doi.org/10.18721/JCSTCS.13402

Gerlich, M. (2025). AI tools in society: Impacts on cognitive offloading and the future of critical thinking. *Societies, 15*(1), Article 6. https://doi.org/10.3390/soc15010006

Hatch, S. G., Goodman, Z. T., Vowels, L., Hatch, H. D., Brown, A. L., Guttman, S., Le, Y., Bailey, B., Bailey, R. J., Esplin, C. R., Harris, S. M., Holt, D. P., Jr., McLaughlin, M., O'Connell, P., Roth-

man, K., Ritchie, L., Top, D. N., Jr., & Braithwaite, S. R. (2025). Correction: When ELIZA meets therapists: A Turing test for the heart and mind. *PLOS Mental Health, 2*(8), Article e0000426. https://doi.org/10.1371/journal.pmen.0000426.

Jones, V. K., Yan, C., Shade, M. Y., Boron, J. B., Yan, Z., Heselton, H. J., Johnson, K., & Dube, V. (2024). Reducing loneliness and improving social support among older adults through different modalities of personal voice assistants. *Geriatrics, 9*(2), Article 22. https://doi.org/10.3390/geriatrics9020022

Jose, B., Cherian, J., Verghis, A. M., Varghise, S. M., & Joseph, S. (2025). The cognitive paradox of AI in education: Between enhancement and erosion. *Frontiers in Psychology, 16*, Article 1550621. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2025.1550621

Kleinert, T., Waldschütz, M., Blau, J., Heinrichs, M., & Schiller, B. (2026). AI outperforms humans in establishing interpersonal closeness in emotionally engaging interactions, but only when labelled as human. *Communications Psychology, 4*, Article 23. https://doi.org/10.1038/s44271-025-00391-7

Lahusen, C., Maggetti, M., & Slavkovik, M. (2024). Trust, trustworthiness and AI governance. *Scientific Reports, 14*, Article 20752. https://doi.org/10.1038/s41598-024-71761-0

McClain, C., Anderson, M., Sidoti, O., & Bishop, W. (2026, February 24). *How teens use and view AI*. Pew Research Center. https://www.pewresearch.org/internet/2026-02-24/how-teens-use-and-view-ai/

Perlis, R. H., Gunning, F. M., Uslu, A. A., Santillana, M., Baum, M. A., Druckman, J. N., Ognyanova, K., & Lazer, D. (2026). Generative AI use and depressive symptoms among US adults. *JAMA Network Open, 9*(1), Article e2554820. https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2025.54820

Yankouskaya, A., Almourad, M. B., Liebherr, M., Beyahi, F., Xu, G., & Ali, R. (2026). Who lets AI take over? Cross-national variation in willingness to delegate socially important roles to artificial intelligence. *AI & Society, 41*, 6151–6169. https://doi.org/10.1007/s00146-026-02858-5

Zhai, C., Wibowo, S., & Li, L. D. (2024). The effects of over-reliance on AI dialogue systems on students' cognitive abilities: A systematic review. *Smart Learning Environments, 11*, Article 28. https://doi.org/10.1186/s40561-024-00316-7

Zhang, S., Guo, P., Yuan, Y., & Ji, Y. (2025). Anxiety or engaged? Research on the impact of technostress on employees' innovative behavior in the era of artificial intelligence. *Acta Psychologica, 259*, Article 105442. https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2025.105442

Zhang, W., Yang, Y., Liu, M., Wang, L., Lei, Q., Zhang, Q., Wang, J., Li, H., & Wuri, G. (2025). The effect of artificial intelligence-empowered mobile health on psychological distress in women following abortion: Protocol for a mixed-methods study. *Frontiers in Psychiatry, 16*, Article 1665500. https://doi.org/10.3389/fpsyt.2025.1665500

Информация об авторах

Ксения Евгеньевна Кокурина – департамент психологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Ольга Владимировна Кружкова – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

About the authors

Ksenia E. Kokurina – Department of Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin**.**

Olga V. Kruzhkova – Cand. Sci. (Psy.), Docent, Associate Professor of the Department of General and Social Psychology, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors‘ contribution

All authors made an equal contribution to the development of the research, the processing of its results and the writing an article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 26.06.2026
Одобрена после рецензирования 25.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted June 26, 2026
Approved after reviewing August 25, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9.072 + 316.624

Проблемы девиантного поведения и агрессии в трудах академика В. С. Собкина. Памяти Ученого

Артур Александрович Реан
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
profrean@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1107-9530

Иван Александрович Коновалов
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
iv.konovalov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0982-5813

Алексей Андреевич Ставцев
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований
(Москва, Россия)
stavtsev.alex@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7299-5017

Аннотация

Введение. Статья посвящена обзору и анализу научного наследия академика РАО В. С. Собкина. В фокусе рассмотрения оказались работы, посвященные двум магистральным темам в наследии ученого: проблематике агрессии и девиантного поведения, а также проблематике ценностных ориентаций различных социальных групп. **Методы исследования**. Для достижения поставленной цели был проведен нарративный (традиционный) анализ профильной научной литературы. Поиск первоисточников осуществлялся в электронных базах данных РИНЦ/eLIBRARY и Google Scholar. В обзор включались полнотекстовые статьи, опубликованные на русском и английском языках за период с 2000 по 2025 гг. Приоритет отдавался рецензируемым оригинальным исследованиям, непосредственно раскрывающим механизмы девиантного поведения молодых людей и специфику ценностных ориентаций молодежи. Поиск выполнялся по ключевым словам и их комбинациям: «девиантность», «деструктивность», «агрессия», «травля» «ценности», «ценностные ориентации». Было отобрано 46 источников, составивших основу данной статьи. **Результаты.** Представлен анализ ключевых тем и эмпирических результатов коллектива В. С. Собкина в рамках тематики агрессии и девиантного поведения. Рассмотрены проблемы проявления различных видов агрессии в образовательных средах, особое внимание уделено феномену школьной травли. Проанализированы исследовательские практики оценки отношения молодежи к различным аспектам явления девиантности, рассмотрено понятие «молодежная субкультура». Проведен обзор тематики ценностных ориентаций в трудах В. С. Собкина, результаты рассмотрены в контексте различных факторов. Раскрыт вопрос динамики ценностных установок на различных исторических этапах.

© Реан А. А., Коновалов И. А., Ставцев А. А., 2026

Ключевые слова

агрессия, деструктивное поведение, буллинг, подростковая субкультура, ценностные ориентации

Для цитирования: Реан, А. А., Коновалов, И. А., Ставцев, А. А. (2026). Проблемы девиантного поведения и агрессии в трудах академика В. С. Собкина. Памяти Ученого. *Российский девиантологический журнал*, 6 (3), 446–458.

Original paper

Issues of deviant behavior and aggression in the works of academician V. S. Sobkin. In memory of the Scholar

Arthur A. Rean
The Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research» (Moscow, Russia)
profrean@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1107-9530

Ivan A. Konovalov
The Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research» (Moscow, Russia)
iv.konovalov@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0982-5813

Aleksei A. Stavtsev
The Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research» (Moscow, Russia)
stavtsev.alex@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7299-5017

Abstract

Introduction. This article provides a review and analysis of the scholarly legacy of Academician of the Russian Academy of Education V. S. Sobkin. The analysis focuses on two major areas of the scholar's research: aggression and deviant behavior, and the value orientations of different social groups. **Research methods.** To achieve the aim of the study, a narrative (traditional) review of the relevant scholarly literature was conducted. Primary sources were identified through the Russian Science Citation Index (RSCI/eLIBRARY) and Google Scholar databases. The review included full-text articles published in Russian and English between 2000 and 2025. Priority was given to peer-reviewed original studies that directly addressed the mechanisms underlying deviant behaviour among young people and the specific characteristics of young people's value orientations. The literature search was conducted using the following keywords and combinations thereof: "deviance", "destructiveness", "aggression", "bullying", "values", and "value orientations". A total of 46 sources were selected as the basis for the present article. **Results**. The article presents an analysis of the key themes and empirical findings of V. S. Sobkin and his research team concerning aggression and deviant behaviour. The manifestations of various forms of aggression in educational settings are examined, with particular attention paid to the phenomenon of school bullying. Research practices used to assess young people's attitudes towards various aspects

of deviance are analysed, and the concept of "youth subculture" is considered. The literature on value orientations in the works of V. S. Sobkin is reviewed, with the findings examined in relation to various influencing factors. The issue of the changes in value orientations across different historical periods is also considered.

Keywords

aggression, destructive behavior, bullying, adolescent subculture, value orientations

For citation: Rean, A. A., Konovalov, I. A., Stavtsev, A. A. (2026). Issues of deviant behaviour and aggression in the works of Academician V. S. Sobkin. In memory of the Scholar. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6(3), 446–458.

Введение

Владимир Самуилович Собкин внес выдающийся вклад в отечественную психологию в области изучения девиантного поведения и агрессии. В работах ученого большая роль отведена различным аспектам личности, ее уникальным особенностям, связанным с агрессией и агрессивностью. Важное место в его трудах занимают социально-психологические факторы и социальный контекст феноменов девиантности, деструктивности и агрессии молодежи. И, конечно, необходимо отметить значимое место, которое занимала в научных интересах В. С. Собкина проблематика ценностей молодежи – ведущих факторов, формирующих как просоциальное, так и асоциальное поведение человека.

Проблематика агрессии и девиантного поведения

В. С. Собкина всегда отличали скрупулезное отношение к методологии сбора эмпирических данных и глубокий теоретический анализ той проблематики, к которой он обращался. В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все проблемные поля и полученные в них эмпирические результаты. Мы хотели бы уделить особое внимание проблематике девиантного поведения, которая занимала в трудах В. С. Собкина значительное место, и выборочно остановиться на некоторых эмпирических результатах и их концептуальном осмыслении.

Проблематика девиантного и агрессивного поведения в работах В. С. Собкина представлена эмпирико-теоретическими исследованиями разнообразной феноменологии различных аспектов деструктивности. В фокус внимания попадали проблемы разных видов агрессии в образовательном пространстве: физическая (Собкин & Фомиченко, 2012a; 2012b; Sobkin et al, 2020), вербальная и косвенная агрессия (Собкин & Фомиченко, 2012a), различные типы конфликтов между участниками образовательного процесса (Собкин & Фомиченко, 2012b), например, конфликты с педагогами (Собкин и др. 2020) и проблемы школьной травли и буллинга (Собкин & Смыслова, 2012; 2014; Собкин & Калашникова, 2021; Собкин, 2022). В фокусе внимания оказывались также такие аспекты девиантности, как использование нецензурной речи (Собкин, 2021), потребление алкоголя (Собкин & Адамчук, 2006; Адамчук & Собкин, 2016), раннее табакокурение как форма малой девиации (Реан, 2016), протестная активность (Собкин & Федотова, 2009). Отдельно отметим работы, связанные с рисками цифровой социализации (Собкин & Федотова, 2019).

Специфика исследовательской позиции раскрывалась и через анализ отношения к различным социальным феноменам, связанным с деструктивностью, в частности, через отношение молодежи к экстремизму (Собкин & Мкртычян, 2013), отношение учащихся к сценам насилия, публикуемым в социальных сетях (Собкин & Федотова, 2020). Оценка риска девиантности эмпирически выявлялась через характеристики отношений к различным социальным феноменам, например выбор друзей в контексте национальности (Собкин & Смыслова, 2011),

отношение к ограничительной норме на вступление в сексуальные отношения (Собкин & Федотова, 2020а; 2022), отношение футбольных фанатов к различным социальным группам (Собкин & Тян, 2012) и др. Важно отметить специфику исследовательской оптики, методически реализованную через оценку социального явления различными акторами образовательного процесса – учащимися, родителями и педагогами (см., напр., Собкин и др., 2020).

Риски девиантности в школьной среде во многих работах В. С. Собкина проанализированы через специфику детско-родительских отношений, что соотносится с классическим подходом в данной предметной области. Обратимся к некоторым эмпирическим результатам. Так, выявлено, что подростки, постоянно использующие нецензурные выражения, склонны чаще отмечать авторитарность родителей, их выраженное негативное к себе отношение (Собкин, 2021). Отношение к ограничительной норме на вступление в сексуальные отношения также было рассмотрено в контексте реакции на свое поведение в ближайшем социальном окружении (родители и сверстники) (Собкин & Федотова, 2022). Установлено, что «характер этих реакций определяет своеобразие социальной ситуации развития, переживание подростком отношений со своим социальным окружением по поводу возможностей вступления в сексуальные отношения» (Собкин & Федотова, 2022, с. 12). Эмпирически показано, что позиция родителей в отношении допустимости употребления алкоголя связана с риском подростковой алкоголизации (Собкин & Адамчук, 2006). Однако семейная обусловленность риска деструктивности представлена и в более широких и острых аспектах, в частности социальной стратификации. Эмпирически показана роль материального статуса семьи в табуировании использования учащимися нецензурной речи (Собкин, 2021), возникновении мотивировок, блокирующих употребление алкоголя подростками (Собкин & Адамчук, 2006), появлении риска быть подверженным психологическому и физическому буллингу (Собкин & Калашникова, 2021), с одной стороны, и наоборот, в наличии ресурса противостоять школьной травле: «Открыто противодействовать травле чаще стремятся учащиеся из более сильных социальных страт: из семей с высшим образованием родителей и из высокообеспеченных семей» (Собкин & Калашникова, 2021, с. 62). Обозначенные тенденции соотносятся с исследованиями дисфункциональности семьи как фактора подростковой девиантности (Реан & Коновалов, 2020), а также с проблематикой неравенства, рассмотренной в контексте рисков школьной агрессии (Реан & Коновалов, 2019) и буллинга (Новикова и др., 2021).

Обратимся к авторской терминологии, которая была использована В. С. Собкиным во многих текстах и в некотором роде стала визитной карточкой автора. Для концептуализации ближнего и дальнего референтного круга подростков В. С. Собкин использует термины «молодежная субкультура» и «подростковая субкультура», описывающие специфику молодежной среды в контексте как ближайшей группы сверстников, так и макросоциальных тенденций и ценностных факторов. Молодежная субкультура выступает в некотором роде лакмусовой бумагой для проявления более общих социальных тенденций. Например, анализируя специфику распространенности школьной травли, В. С. Собкин рассматривает ее в более широком контексте, как «общество в зеркале школы»: «В плоскость школьной жизни оказались спроецированы фундаментальные проблемы, связанные с проявлениями коллективной социальной агрессии. Вопросы, касающиеся социального неравенства, оппозиции «свое–чужое», борьбы за статус, использования коллективных санкций по поддержанию норм, и целый ряд других выступили здесь достаточно отчетливо» (Собкин, 2022, с. 18).

В. С. Собкин и его исследовательский коллектив неоднократно эмпирически фиксировали и осмысливали гендерную проблематику проявления агрессии: «Достаточно высокий уровень распространенности драк среди девочек свидетельствует о значительной

деформации традиционного гендерно-ролевого поведения в подростковой субкультуре… проявления физической агрессии связаны как с социальными механизмами функционирования подростковой субкультуры, так и с психическими особенностями подросткового возраста» (Sobkin et al 2020, p. 234).

Молодежная субкультура осмысливается В. С. Собкиным и как своего рода пространство проявления «драмы межнациональных отношений». Так, анализируя процесс выбора друзей подростками Москвы и Риги, В. С. Собкин и М. М. Смыслова сделали следующий вывод: «Важно подчеркнуть, что подростковая субкультура оказывается весьма чувствительной к восприятию негативных тенденций межнациональных отношений, связанных с общеполитическими процессами и историческим опытом взаимодействия различных национальных групп. Трансляция подобного негативного опыта новым поколениям связана с риском "замыкания народов в себе"» (Собкин & Смыслова, 2011, с. 116).

Агрессия в стенах школы – важный общий сюжет многих исследований коллектива В. С. Собкина, осмысление которого в остросоциальном ракурсе проведено в работах автора. В. С. Собкин всегда умел найти болевые точки, точно отражающие наиболее проблемные области образовательной среды. При рассмотрении агрессии учащихся по отношению к учителю сделан вывод: «Агрессия учащихся по отношению к педагогу объективно означает, что учитель как "общественный взрослый" перестает управлять учебным процессом, теряет свой профессиональный и личностный авторитет… агрессия старшеклассников по отношению к педагогу может быть связана с идеологическими разногласиями, с унижением личного достоинства ученика или класса, с нарушениями самим учителем норм учебной деятельности» (Собкин & Фомиченко, 2012 с. 80). В той же работе отмечается актуальная проблема, свойственная образовательной среде по сей день: педагоги практически не обращаются к научным знаниям по проблемам агрессии, возрастных психологических особенностей детей, к психолого-педагогическим законам (Собкин & Фомиченко, 2012).

Проблематика школьного буллинга и травли занимала особое место в трудах В. С. Собкина. Эмпирические исследования этой темы во многом были отголосками глубокого прочтения фильма «Чучело» (реж. Р. Быков), драма которого во многом очертила авторский взгляд на эмпирическую реальность в этой области: «Автор неоднократно мысленно обращался к "Чучелу", сверяя результаты опроса современных школьников с теми коллизиями, которые возникали между персонажами этого фильма. "Феноменология детской жизни", которую в форме художественных образов исследовал Ролан Быков, имела для нас большое значение при интерпретации целого ряда полученных социологических данных» (Собкин, 2022, с.18). Отметим, что восприятию данного художественного произведения подростками посвящен ряд самостоятельных исследований коллектива В. С. Собкина (Собкин & Маркина, 2009a; 2009b; 2010). Буллинг исследовался В. С. Собкиным в контексте социальной стратификации как «особый социально-психологический механизм, регулирующий особенности социально-иерархических отношений в подростковых коллективах» (Собкин & Калашникова, 2021); показана также роль физической агрессии, проявляемой со стороны одноклассников к школьникам с высокой самооценкой своего статуса в классе как способа "физически доказать" неадекватность их притязаний (Собкин & Калашникова, 2021). Риск стать жертвой школьной травли был рассмотрен и через специфику организации образовательного процесса по национальному признаку: «Организация образовательного процесса, ориентированная на разделение учащихся по национальному признаку, может привести к усилению проявлений школьной травли в отношении представителей национальностей, оказавшихся в стенах "национальной" школы в качестве представителей меньшинства» (Собкин & Смыслова, 2014, с. 83).

Проблематика ценностных ориентаций

Изучение ценностных ориентаций занимало особое место в трудах В. С. Собкина. В 1997 г. Владимир Самуилович защитил докторскую диссертацию на тему «Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте» (Собкин, 1997). В работе отражены авторские исследования ценностных ориентаций молодых людей с 1978 г. по 1997 г. Автор делает особый акцент на социально-демографических условиях формирования ценностных парадигм, анализируя социальный контекст нестабильных 90-х гг. прошлого столетия и ценностно-нормативную неопределенность того периода. Кроме того, в работе уделено внимание традиционным полоролевым моделям старших школьников и их влиянию на формирующуюся личность, а также поколенческим различиям. Рассматриваются вопросы материального и социального статуса, культуры и национальных меньшинств молодых людей в контексте формирования ценностных ориентаций. Многие из установленных эмпирических фактов согласуются с современными исследованиями ценностных ориентаций (Реан и др., 2025a; 2025b) и позволяют проводить сравнительные исследования в данном проблемном поле.

Лонгитюдные сравнительные обзоры ценностных ориентаций молодых людей в России представляют пример ответственного подхода исследователя к проблемному полю. Эти исследования позволяют в динамике оценить влияние социально-культурных трансформаций общества. В работе «Ценностные ориентации современного подростка» (Собкин & Калашникова, 2019) авторы показывают связь социально-экономической ситуации и эмоциональной оценки жизненной успешности, а также связь неопределенности личностной и политической ситуации как факторов, оказывающих значительное влияние на формирование ценностных ориентаций молодых людей, что согласуется и подтверждается другими современными исследованиями в данной области (Реан и др., 2022).

В трудах Собкина подчеркивается роль социального окружения на макроуровне (социально-экономический, политический и др. контексты) и микроуровне (референтные группы, семейные установки и др.) на формирование ценностных ориентаций. Обусловливается необходимость гармонизации нормативных и личностных ценностей для профилактики девиантности в целом и агрессивности в частности (Собкин, 1997; 2008; 2009; 2017); Собкин & Халутина, 2017; Собкин & Калашникова, 2019; Буреломова & Собкин, 2012).

В то же время помимо общих закономерностей формирования ценностных ориентаций исследователь детально рассматривал отдельные социальные группы с их личностными факторами формирования ценностного контура жизненного пути. Владимир Самуилович исследовал ценностные ориентации научных сотрудников (Собкин и др., 2017; 2021), педагогов дошкольного образования (Собкин & Марич, 2000; Собкин & Верясова, 2013), будущих педагогов (Собкин & Ткаченко, 2007), родителей (Собкин и др., 2011; Собкин & Халутина, 2018; Собкин & Калашникова, 2025a; 2025б), представителей различных молодежных субкультур (Собкин & Федотова 2009; Собкин & Тян, 2012), лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью (Собкин и др., 2021) и многих других.

Отдельно отметим исследовательскую работу, посвященную футбольным хулиганам (Собкин & Тян, 2012) как одной из групп, ярко демонстрирующих интеграцию проблемных полей ценностных ориентаций и девиантости на примере достаточно закрытой субкультуры. В данной работе продемонстрировано, как ценностные ориентации, формируемые групповой идентичностью, проявляются в отношении представителей других субкультур (для футбольных хулиганов) и представителей субкультур в целом (для контрольной группы). Исследуемая и контрольные группы оценивали представителей других субкультур по трем диадным шкалам: «свой–чужой», «безопасные–опасные», «нравственные–безнравственные». Данное исследование, с одной стороны, раскрывает социально-перцептивные установки субкультуры,

характеризующейся повышенным уровнем агрессивности, с другой – показывает, к представителям каких субкультур может быть проявлена данная агрессия (наиболее выраженные факторы: чужой, опасный, безнравственный). Более того, сопоставления с контрольной группой подчеркивают особенности ценностной ориентации и восприятия условно девиантной субкультуры.

Владимир Самуилович Собкин в своих работах всегда придерживался строгой эмпирической парадигмы. Опираясь в своих исследованиях на традиционные методы социальной психологии, он находил интересный угол рассмотрения, подходил к изучению проблемы творчески, рассматривал социальные, социально-перцептивные, ценностные и другие аспекты, подмечая важные закономерности, которые легли в основу многих современных направлений исследований нового поколения ученых.

Заключение

Творческий путь академика РАО В. С. Собкина был крайне плодотворен. Мы сделали краткий обзор лишь нескольких, хотя и магистральных тем, представленных в его научном наследии. При этом нельзя не упомянуть направления работы, посвященные двум другим страстям Владимира Самуиловича – театральной психологии и педагогики, с одной стороны, и исследованию психологического наследия Л. С. Выготского – с другой.

Настоящая статья посвящена памяти нашего дорогого коллеги, постоянного члена Научно-координационного совета РАО по вопросам семьи и детства и Научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения обучающихся, на площадках которых не раз освещались результаты исследований рассмотренной в рамках статьи проблематики.

Список литературы

Адамчук, Д. В., & Собкин, В. С. (2016). Алкоголизация подростковой среды в Москве и Риге. *Управление образованием: теория и практика,* (1), 38–51.

Буреломова, А. С., & Собкин, В. С. (2012). Кросскультурный анализ ценностных ориентаций современных подростков. *Социальная психология и общество, 3*(1), 100–112.

Новикова, М. А., Реан, А. А., & Коновалов, И. А. (2021). Буллинг в российских школах: Опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом. *Вопросы образования,* (3), 62–90. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90

Реан, А. А. (Ред.). (2016). *Психология девиантности. Дети. Общество. Закон*. ЮНИТИ-ДАНА.

Реан, А. А., & Коновалов, И. А. (2019). Проявление агрессивности подростков в зависимости от пола и социально-экономического статуса семьи. *Национальный психологический журнал, 1*(1), 23–33. https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103

Реан, А. А., & Коновалов, И. А. (2020). Дисфункциональная семья как фактор агрессивного поведения подростков. *Вестник Московского университета МВД России,* (8), 292–301. https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10500

Реан, А. А., Ставцев, А. А., & Линьков, А. Л. (2025a). Ценностные ориентации и оптимизм как факторы психологического благополучия студентов РФ. *Сибирский психологический журнал,* (96), 179–199.

Реан, А. А., Ставцев, А. А., & Шевченко, А. О. (2022). Сильные стороны личности (модель VIA) у педагогов разных поколений. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология, 12*(4), 507–526.

Реан, А. А., Шевченко, А. О., Ставцев, А. А., Линьков, А. Л., Коновалов, И. А., & Кузьмин, Р. Г. (2025b). Ценностная структура и материальный статус семьи как индикаторы и ресурсы

устойчивости молодежи в трудной жизненной ситуации. *Социальная психология и общество, 16*(4), 49–70. https://doi.org/10.17759/sps.2025160404

Собкин, В. С. (1997). *Динамика ценностных ориентаций в старшем школьном возрасте* [Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук].

Собкин, В. С. (2008). Подросток и политика: Изменение ценностных ориентаций. *Вопросы образования*, (4), 180–217.

Собкин, В. С. (2009). Различие ценностных ориентаций в сфере политики у разных поколений старшеклассников. В В. С. Собкин (Ред.), *Социология образования. Труды по социологии образования* (с. 7–52). Институт социологии образования РАО.

Собкин, В. С. (2017). Социология дошкольного детства. *Воспитание и обучение детей младшего возраста*, (6), 8.

Собкин, В. С. (2021). Особенности использования нецензурной речи российскими подростками. *Вопросы психологии,* (2), 28–42.

Собкин, В. С. (2022). О социально-психологических аспектах буллинга среди российских школьников. *Педагогика, 86*(1), 5–20.

Собкин, В. С., & Смыслова, М. М. (2011). Значимость национальности при выборе близких друзей (сопоставление мнений старшеклассников Москвы и Риги). *Национальный психологический журнал,* (2), 112–116.

Собкин, В. С., & Адамчук, Д. В. (2006). Особенности употребления алкоголя в подростковой среде. *Вестник практической психологии образования,* 3(1), 39–48. https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2006_n1/29006

Собкин, В. С., & Верясова, Е. С. (2013). Структура ценностных ориентаций воспитателей детского сада. *Национальный психологический журнал,* (1), 134–142.

Собкин, В. С., & Калашникова, Е. А. (2019). Ценностные ориентации современного подростка. *Герценовские чтения: Психологические исследования в образовании*, (2), 656–665.

Собкин, В. С., & Калашникова, Е. А. (2021). Подросток и поведенческие риски: К вопросу о буллинге. В Е. А. Келлер (Ред.), *Практики развития: Образовательные парадигмы и практики в ситуации смены технологического уклада: Материалы XXVII научно-практической конференции* (с. 54–65). Институт психологии практик развития.

Собкин, В. С., & Калашникова, Е. А. (2025a). Особенности жизненной позиции родителей дошкольников: Сопоставление мнений «состоящих в браке» и «разведенных». *Современное дошкольное образование,* 19(6), 30–41. https://doi.org/10.24412/2782-4519-2025-19-6-30-41

Собкин, В. С., & Калашникова, Е. А. (2025b). К вопросу о воспитательных стратегиях современных родителей дошкольников: Цели и задачи воспитания. *Казанский педагогический журнал,* (3), 77–99.

Собкин, В. С., & Марич, Е. М. (2000). *Воспитатель детского сада: жизненные ценности и профессиональные ориентации* (Труды по социологии образования, Т. V, вып. VIII). Институт социологии образования Российской академии образования.

Собкин, В. С., & Маркина, О. С. (2009a). Влияние опыта переживания «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело». *Вестник практической психологии образования, 6*(1), 48–57.

Собкин, В. С., & Маркина, О. С. (2009b). Мотивационная структура поведения персонажа (по материалам восприятия фильма Ролана Быкова «Чучело»). *Экспериментальная психология, 2*(2), 61–83.

Собкин, В. С., & Маркина, О. С. (2010). Понимание современными подростками сюжетно-событийной композиции фильма Р. Быкова "Чучело". *Социология образования. Труды по социологии образования,* 149–190.

Собкин, В. С., & Мкртычян, А. А. (2013). Роль социокультурных факторов в формировании отношения к экстремизму среди школьников Москвы и Риги. *Национальный психологический журнал,* (2), 32–40. https://doi.org/10.11621/npj.2013.0204

Собкин, В. С., & Смыслова, М. М. (2012). Жертвы школьной травли: Влияние социальных факторов. В В. С. Собкин (Ред.), *Социология образования. Труды по социологии образования* (с. 130–136). Институт социологии образования Российской академии образования

Собкин, В. С., & Смыслова, М. М. (2014). Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования). *Социальная психология и общество, 5* (2), 71–86.

Собкин, В. С., & Ткаченко, О. В. (2007). *Студент педагогического вуза: жизненные и профессиональные перспективы* (Труды по социологии образования, Т. XI–XII). Институт социологии образования Российской академии образования.

Собкин, В. С., & Тян, А. А. (2012). Самоидентификация футбольных хулиганов в социальном пространстве неформальных групп. *Социальная психология и общество,* (2), 127–142.

Собкин, В. С., & Федотова, А. В. (2009). Подросток-неформал: Принадлежность к группе и жизненные ориентации. В В. С. Собкин (Ред.), *Социология образования. Труды по социологии образования* (с. 84–101). Институт социологии образования Российской академии образования.

Собкин, В. С., & Федотова, А. В. (2019). Подростковая агрессия в социальных сетях: Восприятие и личный опыт. *Психологическая наука и образование, 24*(2), 5–18. https://doi.org/10.17759/pse.2019240201

Собкин, В. С., & Федотова, А. В. (2020a). Сексуальное поведение и жизненные ориентации в подростковом возрасте. *Консультативная психология и психотерапия, 28*(1), 127–147. https://doi.org/10.17759/cpp.2020280108

Собкин, В. С., & Федотова, А. В. (2020b). Социальные сети как пространство социализации: К вопросу о подростковой агрессивности. В Е. А. Келлер (Ред.), *Практики развития: Теоретические и технологические решения и вопросы в цифровую эпоху* (с. 78–85). Институт психологии практик развития.

Собкин, В. С., & Федотова, А. В. (2022). К вопросу о формах проявления протестной активности подростков. *Вопросы психического здоровья детей и подростков, 22*(3), 22–34.

Собкин, В. С., & Федотова, А. В. (2022). Старшеклассники о возрастной норме на запрет сексуальных отношений в подростковом возрасте. *Вопросы психологии,* 68(2), 40–53.

Собкин, В. С., & Фомиченко, А. С. (2012a). Агрессивность школьников глазами учителей. *Директор школы,* (5), 84–90.

Собкин, В. С., & Фомиченко, А. С. (2012b). Учитель как источник и объект детской агрессии. *Директор школы,* (9), 79–84.

Собкин, В. С., & Халутина, Ю. А. (2017). Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания. *Современное дошкольное образование,* (7), 4–16.

Собкин, В. С., & Халутина, Ю. А. (2018). Отношение родителей детей дошкольного возраста к образовательному процессу в детском саду: Удовлетворенность, оценка качества и эффективности обучения. *Современное дошкольное образование: теория и практика,* (1), 6–18.

Собкин, В. С., Андреева, А. И., & Рзаева, Ф. Р. К. (2017). К вопросу о ценностных ориентациях исследователей в сфере образования. *Национальный психологический журнал,* (2), 106–115.

Собкин, В. С., Калашникова, Е. А., & Коломиец, Ю. О. (2020). Причины конфликтов подростков с учителями, родителями, одноклассниками и социальная ситуация развития. *Вопросы психологии,* (5), 13–25.

Собкин, В. С., Лыкова, Т. А., & Собкина, А. В. (2021). Особенности жизненной позиции студентов с ОВЗ и инвалидностью и студентов с сохранным здоровьем. *Художественное образование и наука*, (2), 168–179.

Собкин, В. С., Скобельцина, К. Н., & Иванова, А. И. (2011). Жизненные ориентации родителей детей дошкольного возраста. В В. С. Собкин (Ред.), *Социология образования. Труды по социологии образования* (с. 87–105). Институт социологии образования Российской академии образования.

Собкин, В. С., Смыслова, М. М., & Адамчук, Д. В. (2021). Социально-психологические особенности ценностных ориентаций аспирантов. *Национальный психологический журнал,* (1), 39–52.

Sobkin, V. S., Kalashnikova, E. A., & Fedotova, A. V. (2020). Manifestations of aggression in the adolescent environment. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 13* (2), 234–245. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0554

References

Adamchuk, D. V., & Sobkin, V. S. (2016). Alkogolizatsiia podrostkovoi sredy v Moskve i Rige. *Upravlenie obrazovaniem: teoriia i praktika*, (1), 38–51.

Burelomova, A. S., & Sobkin, V. S. (2012). Krosskul'turnyi analiz tsennostnykh orientatsii sovremennykh podrostkov. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 3*(1), 100–112.

Novikova, M. A., Rean, A. A., & Konovalov, I. A. (2021). Bulling v rossiiskikh shkolakh: Opyt diagnostiki rasprostranennosti, polovozrastnykh osobennostei i sviazi so shkol'nym klimatom. *Voprosy obrazovaniia*, (3), 62–90. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-3-62-90

Rean, A. A. (Red.). (2016). *Psikhologiia deviantnosti. Deti. Obshchestvo. Zakon*. IuNITI-DANA.

Rean, A. A., & Konovalov, I. A. (2019). Proiavlenie agressivnosti podrostkov v zavisimosti ot pola i sotsial'no-ekonomicheskogo statusa sem'i. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal, 1*(1), 23–33. https://doi.org/10.11621/npj.2019.0103

Rean, A. A., & Konovalov, I. A. (2020). Disfunktsional'naia sem'ia kak faktor agressivnogo povedeniia podrostkov. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, (8), 292–301. https://doi.org/10.24411/2073-0454-2020-10500

Rean, A. A., Stavtsev, A. A., & Lin'kov, A. L. (2025a). Tsennostnye orientatsii i optimizm kak faktory psikhologicheskogo blagopoluchiia studentov RF. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, (96), 179–199.

Rean, A. A., Stavtsev, A. A., & Shevchenko, A. O. (2022). Sil'nye storony lichnosti (model' VIA) u pedagogov raznykh pokolenii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiia, 12*(4), 507–526.

Rean, A. A., Shevchenko, A. O., Stavtsev, A. A., Lin'kov, A. L., Konovalov, I. A., & Kuz'min, R. G. (2025b). Tsennostnaia struktura i material'nyi status sem'i kak indikatory i resursy ustoichivosti molodezhi v trudnoi zhiznennoi situatsii. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 16*(4), 49–70. https://doi.org/10.17759/sps.2025160404

Sobkin, V. S. (1997). *Dinamika tsennostnykh orientatsii v starshem shkol'nom vozraste* [Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni doktora psikhologicheskikh nauk].

Sobkin, V. S. (2008). Podrostok i politika: Izmenenie tsennostnykh orientatsii. *Voprosy obrazovaniia*, (4), 180–217.

Sobkin, V. S. (2009). Razlichie tsennostnykh orientatsii v sfere politiki u raznykh pokolenii starsheklassnikov. V V. S. Sobkin (Red.), *Sotsiologiia obrazovaniia. Trudy po sotsiologii obrazovaniia* (s. 7–52). Institut sotsiologii obrazovaniia RAO.

Sobkin, V. S. (2017). Sotsiologiia doshkol'nogo detstva. *Vospitanie i obuchenie detei mladshego vozrasta*, (6), 8.

Sobkin, V. S. (2021). Osobennosti ispol'zovaniia netsenzurnoi rechi rossiiskimi podrostkami. *Voprosy psikhologii*, (2), 28–42.

Sobkin, V. S. (2022). O sotsial'no-psikhologicheskikh aspektakh bullinga sredi rossiiskikh shkol'nikov. *Pedagogika, 86*(1), 5–20.

Sobkin, V. S., & Smyslova, M. M. (2011). Znachimost' natsional'nosti pri vybore blizkikh druzei (sopostavlenie mnenii starsheklassnikov Moskvy i Rigi). *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, (2), 112–116.

Sobkin, V. S., & Adamchuk, D. V. (2006). Osobennosti upotrebleniia alkogolia v podrostkovoi srede. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia, 3*(1), 39–48. https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2006_n1/29006

Sobkin, V. S., & Veriasova, E. S. (2013). Struktura tsennostnykh orientatsii vospitatelei detskogo sada. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, (1), 134–142.

Sobkin, V. S., & Kalashnikova, E. A. (2019). Tsennostnye orientatsii sovremennogo podrostka. *Gertsenovskie chteniia: Psikhologicheskie issledovaniia v obrazovanii*, (2), 656–665.

Sobkin, V. S., & Kalashnikova, E. A. (2021). Podrostok i povedencheskie riski: K voprosu o bullinge. V E. A. Keller (Red.), *Praktiki razvitiia: Obrazovatel'nye paradigmy i praktiki v situatsii smeny tekhnologicheskogo uklada: Materialy XXVII nauchno-prakticheskoi konferentsii* (s. 54–65). Institut psikhologii praktik razvitiia.

Sobkin, V. S., & Kalashnikova, E. A. (2025a). Osobennosti zhiznennoi pozitsii roditelei doshkol'nikov: Sopostavlenie mnenii «sostoiiashchikh v brake» i «razvedennykh». *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie, 19*(6), 30–41. https://doi.org/10.24412/2782-4519-2025-19-6-30-41

Sobkin, V. S., & Kalashnikova, E. A. (2025b). K voprosu o vospitatel'nykh strategiiakh sovremennykh roditelei doshkol'nikov: Tseli i zadachi vospitaniia. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal*, (3), 77–99.

Sobkin, V. S., & Marich, E. M. (2000). *Vospitatel' detskogo sada: zhiznennye tsennosti i professional'nye orientatsii* (Trudy po sotsiologii obrazovaniia, T. V, vyp. VIII). Institut sotsiologii obrazovaniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia.

Sobkin, V. S., & Markina, O. S. (2009a). Vliianie opyta perezhivaniia «shkol'noi travli» na ponimanie podrostkami fil'ma «Chuchelo». *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniia, 6*(1), 48–57.

Sobkin, V. S., & Markina, O. S. (2009b). Motivatsionnaia struktura povedeniia personazha (po materialam vospriiatiia fil'ma Rolana Bykova «Chuchelo»). *Eksperimental'naia psikhologiia, 2*(2), 61–83.

Sobkin, V. S., & Markina, O. S. (2010). Ponimanie sovremennymi podrostkami siuzhetno-sobytiinoi kompozitsii fil'ma R. Bykova "Chuchelo". *Sotsiologiia obrazovaniia. Trudy po sotsiologii obrazovaniia*, 149–190.

Sobkin, V. S., & Mkrtychian, A. A. (2013). Rol' sotsiokul'turnykh faktorov v formirovanii otnosheniia k ekstremizmu sredi shkol'nikov Moskvy i Rigi. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, (2), 32–40. https://doi.org/10.11621/npj.2013.0204

Sobkin, V. S., & Smyslova, M. M. (2012). Zhertvy shkol'noi travli: Vliianie sotsial'nykh faktorov. V V. S. Sobkin (Red.), *Sotsiologiia obrazovaniia. Trudy po sotsiologii obrazovaniia* (s. 130–136). Institut sotsiologii obrazovaniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia

Sobkin, V. S., & Smyslova, M. M. (2014). Bulling v stenakh shkoly: vliianie sotsiokul'turnogo konteksta (po materialam krosskul'turnogo issledovaniia). *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 5*(2), 71–86.

Sobkin, V. S., & Tkachenko, O. V. (2007). *Student pedagogicheskogo vuza: zhiznennye i professional'nye perspektivy* (Trudy po sotsiologii obrazovaniia, T. XI–XII). Institut sotsiologii obrazovaniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia.

Sobkin, V. S., & Tian, A. A. (2012). Samoidentifikatsiia futbol'nykh khuliganov v sotsial'nom prostranstve neformal'nykh grupp. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo*, (2), 127–142.

Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2009). Podrostok-neformal: Prinadlezhnost' k gruppe i zhiznennye orientatsii. V V. S. Sobkin (Red.), *Sotsiologiia obrazovaniia. Trudy po sotsiologii obrazovaniia* (s. 84–101). Institut sotsiologii obrazovaniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia.

Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2019). Podrostkovaia agressiia v sotsial'nykh setiakh: Vospriiatie i lichnyi opyt. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie, 24*(2), 5–18. https://doi.org/10.17759/pse.2019240201

Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2020a). Seksual'noe povedenie i zhiznennye orientatsii v podrostkovom vozraste. *Konsul'tativnaia psikhologiia i psikhoterapiia, 28*(1), 127–147. https://doi.org/10.17759/cpp.2020280108

Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2020b). Sotsial'nye seti kak prostranstvo sotsializatsii: K voprosu o podrostkovoi agressivnosti. V E. A. Keller (Red.), *Praktiki razvitiia: Teoreticheskie i tekhnologicheskie resheniia i voprosy v tsifrovuiu epokhu* (s. 78–85). Institut psikhologii praktik razvitiia.

Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2022). K voprosu o formakh proiavleniia protestnoi aktivnosti podrostkov. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ia detei i podrostkov, 22*(3), 22–34.

Sobkin, V. S., & Fedotova, A. V. (2022). Starsheklassniki o vozrastnoi norme na zapret seksual'nykh otnoshenii v podrostkovom vozraste. *Voprosy psikhologii, 68*(2), 40–53.

Sobkin, V. S., & Fomichenko, A. S. (2012a). Agressivnost' shkol'nikov glazami uchitelei. *Direktor shkoly*, (5), 84–90.

Sobkin, V. S., & Fomichenko, A. S. (2012b). Uchitel' kak istochnik i obekt detskoi agressii. *Direktor shkoly*, (9), 79–84.

Sobkin, V. S., & Khalutina, Iu. A. (2017). Tsennostno-tselevye ustanovki roditelei po vospitaniiu detei starshego doshkol'nogo vozrasta i ikh sviaz' so stiliami vospitaniia. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie*, (7), 4–16.

Sobkin, V. S., & Khalutina, Iu. A. (2018). Otnoshenie roditelei detei doshkol'nogo vozrasta k obrazovatel'nomu protsessu v detskom sadu: Udovletvorennost', otsenka kachestva i effektivnosti obucheniia. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie: teoriia i praktika*, (1), 6–18.

Sobkin, V. S., Andreeva, A. I., & Rzaeva, F. R. K. (2017). K voprosu o tsennostnykh orientatsiiakh issledovatelei v sfere obrazovaniia. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, (2), 106–115.

Sobkin, V. S., Kalashnikova, E. A., & Kolomiets, Iu. O. (2020). Prichiny konfliktov podrostkov s uchiteliami, roditeliami, odnoklassnikami i sotsial'naia situatsiia razvitiia. *Voprosy psikhologii*, (5), 13–25.

Sobkin, V. S., Lykova, T. A., & Sobkina, A. V. (2021). Osobennosti zhiznennoi pozitsii studentov s OVZ i invalidnost'iu i studentov s sokhrannym zdorov'em. *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka*, (2), 168–179.

Sobkin, V. S., Skobel'tsina, K. N., & Ivanova, A. I. (2011). Zhiznennye orientatsii roditelei detei doshkol'nogo vozrasta. V V. S. Sobkin (Red.), *Sotsiologiia obrazovaniia. Trudy po sotsiologii obrazovaniia* (s. 87–105). Institut sotsiologii obrazovaniia Rossiiskoi akademii obrazovaniia.

Sobkin, V. S., Smyslova, M. M., & Adamchuk, D. V. (2021). Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti tsennostnykh orientatsii aspirantov. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, (1), 39–52.

Sobkin, V. S., Kalashnikova, E. A., & Fedotova, A. V. (2020). Manifestations of aggression in the adolescent environment. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences, 13*(2), 234–245. https://doi.org/10.17516/1997-1370-0554

Информация об авторах

Артур Александрович Реан – заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, председатель Научного совета Российской академии образования по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, академик РАО по отделению психологии и возрастной физиологии, доктор педагогических наук, профессор по общей психологии.

Иван Александрович Коновалов – научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, кандидат психологических наук.

Алексей Андреевич Ставцев – научный сотрудник лаборатории психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований, кандидат психологических наук.

About the authors

Arthur A. Rean – Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Youth Aggression, The Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research»; Chair of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the Prevention of Aggression and Destructive Behaviour among Students; Academician of the Russian Academy of Education in the Department of Psychology and Developmental Physiology, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of General Psychology.

Ivan A. Konovalov – Research Fellow at the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Youth Aggression, The Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research»; Cand. Sci. (Psy.)

Aleksei A. Stavtsev – Research Fellow at the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Youth Aggression, The Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center of Psychological and Multidisciplinary Research»; Cand. Sci. (Psy.)

Вклад авторов

А. А. Реан — формулировка замысла и концепции статьи, редактирование, подготовка разделов «Введение» и «Заключение», согласование финального варианта рукописи.

И. А. Коновалов — подготовка разделов «Тематика агрессии и девиантного поведения», «Заключение», редактирование, оформление финального варианта рукописи.

А. А. Ставцев — подготовка раздела «Тематика ценностных ориентаций».

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

A. A. Rean – formulation of the article's concept and research rationale; editing; preparation of the "Introduction" and "Conclusion" sections; approval of the final version of the manuscript.

I. A. Konovalov – preparation of the sections "Aggression and Deviant Behaviour" and "Conclusion"; editing; preparation of the final version of the manuscript.

A. A. Stavtsev – preparation of the section "Value Orientations".

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 23.03.2026
Одобрена после рецензирования 20.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted March 23, 2026
Approved after reviewing August 20, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9

Психологическое благополучие подростков, склонных к девиантному поведению

Наталья Леонтьевна Сомова
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
nalesomova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8119-1210

Елена Николаевна Ундуск
Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)
el-uni@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2552-8691

Аннотация

Введение. Сегодня одной из острых социально-психологических проблем является рост числа подростков и молодежи, склонных к девиантному поведению. Статья посвящена исследованию особенностей психологического благополучия подростков с девиантным поведением и установлению различий в параметрах психологического благополучия у подростков с разным типом поведения (социально-нормативным и девиантным). **Методы**. Анализ литературы, анкетирование, стандартизированные опросники, математическая обработка данных. **Результаты.** Установлено, что по общему уровню психологической безопасности группы подростков с социально-нормативным и девиантным поведением различаются. У подростков с девиантным поведением этот уровень значимо ниже. Установлены взаимосвязи между уровнем психологического благополучия и его компонентами с уровнем выраженности субъективного контроля и рефлексивности в разных группах подростков. Выявлены различия между этими группами по показателям «позитивные отношения с окружающими», «управление средой», «самопринятие», «баланс аффекта», «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области семейных отношений» и «интернальность в области межличностных отношений». Это свидетельствует о том, что подростки с девиантным поведением чаще испытывают трудности в ощущении контроля над собственной жизнью, ее эмоционально позитивными и негативными проявлениями, а также в области значимых отношений в семье и близком окружении. По результатам корреляционного анализа выявлены взаимосвязи между исследуемыми показателями, и они различны в группах подростков с социально-нормативным и девиантным поведением. У подростков с девиантным поведением выявлена взаимосвязь психологического благополучия с показателями интернальности, что сопровождается негативным самовосприятием, низким уровнем субъективного контроля и отсутствием четких представлений о своей жизни и возможности управления ею. Полученные результаты могут быть положены в основу создания профилактических и реабилитационных программ психологического сопровождения.

© Сомова Н. Л., Ундуск Е. Н., 2026

Ключевые слова

девиантное поведение, социально-нормативное поведение, психологическое благополучие, интернальность, рефлексивность, подростки

Для цитирования: Сомова, Н. Л., Ундуск, Е. Н. (2026). Психологическое благополучие подростков, склонных к девиантному поведению. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 459–473.

Original paper

Psychological well-being of adolescents prone to deviant behavior

Natalia L. Somova
Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen
(Saint Petersburg, Russia)
nalesomova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8119-1210

Elena N. Undusk
Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen
(Saint Petersburg, Russia)
el-uni@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2552-8691

Abstract

Introduction. Today, one of the acute socio-psychological problems is the growing number of adolescents and young people prone to deviant behavior. This article is devoted to the study of the psychological well-being of adolescents with deviant behavior and to identifying differences in the parametres of psychological well-being between adolescents with different types of behavior (socially normative and deviant). **Methods.** Literature analysis, questionnaires, standardised questionnaires, mathematical data processing. **Results.** Findings indicate that the overall level of psychological safety varies between groups of adolescents with socially normative and deviant behavior. Specifically, adolescents exhibiting deviant behavior show a significantly lower level of psychological safety. Interrelations between psychological well-being and its components and the extent of subjective control and reflexivity have been found in different groups of teenagers. Significant differences were identified between these groups regarding the following indicators: "positive relations with others", "environmental mastery", "self-acceptance", "affect balance", "general internality", "internality in achievement", "internality in failures", "internality in family relations", and "internality in interpersonal relations". This indicates that adolescents with deviant behavior are more likely to experience difficulties in perceiving control over their own lives, its emotionally positive and negative manifestations, as well as in the sphere of significant relationships within the family and close social environment. The correlation analysis revealed relationships between the studied indicators, which differ between the groups of adolescents with socially normative and deviant behavior. In adolescents with deviant behavior, a correlation has been identified between psychological well-being and internality scores. This is accompanied by negative self-perception, a low level of subjective control, and a lack of clear vision regarding one's life and the ability to manage it. These findings can serve as a foundation for developing preventive and rehabilitative psychological support programmes.

Keywords

deviant behavior, socio-normative behavior, psychological well-being, internality, reflexivity, adolescents

For citation: Somova, N. L., Undusk, E. N. (2026). Psychological well-being of adolescents prone to deviant behavior. *Russian Journal of deviant behavior,* 6 (3), 459–473.

Введение

Проблема девиантного поведения подростков остается социально значимой. К числу факторов, влияющих на отклонения в поведении подрастающего поколения, относятся нестабильность в политической и социально-экономической сферах общества, изменения в ценностных установках молодежи, неблагоприятная семейная обстановка, недостаток контроля над детьми, излишняя занятость родителей и рост числа разводов. Велико число детей и подростков, оставшихся без родительской опеки и оказавшихся в сложных жизненных обстоятельствах. Наблюдается рост уровня их алкоголизма, наркотизации, беспризорности и безнадзорности. Кроме того, отмечается снижение учебной мотивации и мотивации к труду.

Социально-культурные трансформации последних десятилетий значительно повлияли на формирование общественного сознания, что, в свою очередь, ведет к пересмотру и переоценке индивидуальных ценностей и убеждений. Изменилось и представление о том, что такое «благополучие личности». Психологическое состояние молодежи и подростков, а также способы предотвращения отклонений в их поведении становятся все более значимыми и выходят на государственный уровень. Становление и грамотное воспитание подрастающего поколения, его благополучие и успешная интеграция в общество играют ключевую роль в будущем страны.

Цель настоящего исследования состоит в изучении психологического благополучия подростков, имеющих склонность к девиантному поведению. Мы предположили, что подростки с девиантным поведением имеют существенные различия в показателях психологического благополучия по сравнению с подростками с социально-нормативным поведением, а между показателями психологического благополучия у подростков с девиантным поведением отмечаются особые взаимосвязи.

Полученные нами результаты могут использоваться социально-психологическими службами, практическими психологами, а также в психотерапевтической практике специалистов, работающих с респондентами подросткового возраста.

Теоретические предпосылки исследования

Проблема психологического благополучия всегда была в центре внимания специалистов. Авторы ряда психолого-социальных теорий благополучие личности связывают с характером восприятия индивидом своей жизни. Это восприятие реализуется через сравнение различных аспектов своей жизни (реальных или потенциальных) с определенными стандартами и нормами, которые личность оценивает, основываясь на своей самооценке. Важно отметить, что самооценка формируется под воздействием социокультурных факторов, благодаря которым человек усваивает представления и нормы своего общества и культуры (Дунаева, 2024). Проблеме психологического благополучия личности посвящены работы таких исследователей, как Н. Бредбёрн, Э. Динер, А. Вотерман, А. В. Воронина, Р. А. Ахмеров, Т. Д. Шевеленкова, К. Рифф, П. П. Фесенко, Р. М. Райан, А. Кэмпбелл, Э. Л. Диси и др.

В отечественной и зарубежной литературе раскрываются гедонистический и эвдемонистический подходы к пониманию феномена психологического благополучия. Н. Бредбёрн придерживается гедонистического подхода и рассматривает благополучие в терминах, которые

отражают субъективное восприятие счастья и несчастья, а также общий уровень удовлетворенности или неудовлетворенности жизненными условиями и обстоятельствами. В данном контексте благополучие трактуется как некий баланс, достигаемый через взаимодействие позитивного и негативного аффекта и проявляющийся через общее ощущение удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью (Bradburn, 1969; Luhmann & Intelisano, 2018). В рамках данного подхода Э. Динер вводит новое понятие – «субъективное благополучие», основанное на субъективной удовлетворенности жизнью (Diener & Ryan, 2009).

Вторым подходом к исследованию благополучия становится эвдемонистический подход, критерием которого выступает способность к самореализации личности. Благополучие здесь рассматривается как сложный конструкт, представляющий синтез культурных, экономических, социальных и духовных факторов (Двойнин, 2019).

Психологическое благополучие, сопряженное с эмоциональным балансом и преобладанием позитивных эмоциональных состояний, отражается на самооценке человека, его отношении к своему Я и порождает его стремление к постоянной самоактуализации. Построение и поддержание открытых, доверительных и внимательных отношений с окружающими, ощущение единения с референтной группой – это тоже ключевые составляющие данного явления.

Поведение, организованное в соответствии с нормами и правилами, принятыми в обществе, будем назвать социально-нормативным поведением. Если же поведение не соответствует гласным и негласным социальным правилам, то оно именуется девиантным. В основе всех определений девиантного поведения лежит общий признак – отклонение от нормы. Вместе с тем норма может пониматься и трактоваться в различных аспектах: биологическом, психологическом и социальном[1]. Разберем кратко каждый подход. При обзоре биологического аспекта (Шмакова, 2024) акцент делается на неблагоприятных анатомо-физиологических и генетических особенностях организма подростка, которые препятствуют нормальному ходу его социальной адаптации. Сюда же относятся психофизиологические особенности, проявляющиеся, например, в конфликтных ситуациях и провоцирующие искажения системы самоотношения и межличностных отношений со значимым окружением. Психологический подход связывает девиантное поведение с внутриличностными конфликтами, склонностью к саморазрушению личности и психопатическими состояниями (Маннанова & Грошева, 2024). И, наконец, социологический подход определяет девиантное поведение как отклоняющееся от общепринятых норм поведение, отличное от заложенных усредненных стереотипов. Здесь речь идет о двух типах девиантного поведения – созидающей и разрушительной направленности (Шеховцова и др., 2016). При этом девиантное поведение разрушительной направленности трактуется как совершение человеком действий, отклоняющихся от преобладающих в обществе социокультурных норм и принятых общественных правил.

Рассматривая психологическое благополучие подростка, следует отметить, что данный феномен раскрывается через его компоненты: переживание собственной умелости/безнадежности, удовлетворенность жизнью и чувство собственного достоинства (Елисеева, 2011). Среди многообразия причин девиантного поведения подростка выделяются следующие: нарушения в его эмоционально-волевой сфере, акцентуации характера, стихийно-групповое общение подростков (Клейберг, 2023), характер и направленность референтной группы (Гилинский, 2009), социально-психологические особенности семьи (Дунаева, 2024), а также школьная среда (Елисеева, 2011, Лактионова, 2024).

Обращает на себя внимание то, что причины девиантного поведения часто имеют биопсихический, а не социальный характер. Например, родители могут передать детям склонность

[1] Ганишина, И. С., & Ушатиков, А. И. (2006). *Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних* [Учебное пособие]. Московский психолого-социальный институт; МОДЭК.

к алкоголизму или психическим расстройствам. Кроме того, между различными формами девиантного поведения существуют взаимосвязи, и может наблюдаться процесс, когда одно негативное явление усиливает другое: например, алкоголизм способствует проявлениям хулиганства.

Девиантное поведение у подростков почти всегда сопровождается социально-психологической дезадаптацией. Подросток может находиться в трудной жизненной ситуации, быть неуспешным в обучении, втянутым в различные конфликты дома, в школе и окружении сверстников. В распоряжении Министерства просвещения Российской Федерации[2] отмечено, что отсутствие адресной помощи ребенку ведет к тому, что несовершеннолетний может перейти из социальной ситуации нормального развития в ситуацию социально-психологической дезадаптации. Формирование девиантного поведения – многофакторный процесс. В первую очередь, детерминантой выступают социальные условия и среда, в которых растет человек. Подростки ищут референтную группу для себя и себя в этой референтной группе. Если подросток не интегрируется просоциальными группами, то группы асоциальной субкультуры предлагают ему асоциальные ценности и навязывают нормы агрессии и насилия. В числе основных маркеров девиантного поведения – несформированность навыков просоциального поведения, трудности с дисциплиной и самоконтролем, склонность к проявлению агрессии в различных ситуациях, постоянные конфликты, проблемы развития ценностно-смысловой и мотивационной сферы. Неуспешность в обучении, академическая неуспеваемость, педагогическая запущенность приводят к тотальному ощущению психологического неблагополучия и потребности компенсировать это состояние через оппозиционно вызывающие поступки либо через отказ от участия в учебной и внеучебной деятельности (творческой, спортивной).

Рассматривая подростковые девиации, следует отметить, ссылаясь на работу С. П. Татаровой (Татарова, 2007), что они представляют собой комплексное явление, включающее три взаимосвязанных элемента: особенности личности подростка (например, его интересы, образ жизни, ценностные ориентации); ближайшее социальное окружение (внутрисемейные связи и отношения, особенности деятельности референтных подростковых групп, взаимоотношения в школьной среде); объективные противоречия общественного развития, приводящие к нарушению взаимодействий в системе «личность – социальная среда», сопровождаемые появлением ненормированных форм общественного поведения. Кроме того, образ современной молодежи характеризуется вовлеченностью в девиации и насилие, что отражается на качестве жизни и благополучии молодых людей, их возможностях (Бубновская & Якубенко, 2024).

Раскроем взаимосвязь девиантного поведения подростков с переживанием ими психологического благополучия. При нарушении структуры семьи и ее внутрифункциональных связей возрастают психологическая напряженность и конфликтность в системах «взрослый – взрослый», «взрослый – ребенок», «ребенок – ребенок». Ребенок становится жертвой неуспешной социализации, проявляет грубость, жестокость, неприязнь к окружающим, не чувствует себя защищенным в семейной среде. Таким образом, создаются предпосылки для активации его девиантного поведения, сопровождаемого демонстративным неповиновением и деструктивными действиями, направленными на себя и других. Можно констатировать, что подросток, пребывая под воздействием стрессогенных факторов, сопровождаемых риском психического или физического насилия, станет переживать субъективное неблагополучие и с большей вероятностью будет вовлечен в преступную деятельность с последующим формированием устойчивых форм отклоняющегося поведения, в том числе девиантного (Тхакохов, 2014).

[2] Министерство просвещения Российской Федерации. (2020, 28 декабря). *Распоряжение № Р-193 «Об утверждении методических рекомендаций по системе функционирования психологических служб в общеобразовательных организациях»*.

Взаимосвязь семейного неблагополучия и отклоняющегося поведения подростков, происходящих из неблагополучных семей, явно прослеживается в их жизни, в дальнейшем определяя успешность их социальной адаптации и направленность репродуктивных установок. Полагаем, что полученный в детстве и отрочестве негативный семейный опыт является предиктором формирования деструктивных устойчивых моделей поведения, которые, в свою очередь, задают тон их отношениям как со своими родителями, так и в будущем с собственными детьми (Пергаменщик & Новак, 2015). По мнению И. С. Ганишиной[3], взаимосвязь девиантного поведения подростков с переживанием ими неблагополучия определяется, как правило, не столько образом жизни самой семьи, сколько образом жизни всего общества. Внутрисемейная дезорганизация возникает из-за ряда объективных факторов, с которыми сталкиваются члены семьи, а это находит негативный отклик в психическом состоянии самого ребенка.

Своевременная психологическая диагностика состояния благополучия детей и подростков обеспечивает возможность предупреждения и устранения нежелательных тенденций в развитии их личности, поведении, в том числе девиантном, а также трудностей урочной и внеурочной деятельности (Конева, 2010).

Описание исследования

Методами исследования выступили теоретический анализ литературы по проблеме исследования, анкетирование, стандартизированные опросники, математическая обработка данных (корреляционный анализ по критерию Спирмена, сравнительный анализ с использованием U-критерия Манна – Уитни). Статистический анализ данных осуществлялся с помощью компьютерной программы IBM SPSS 19.0.

Для исследования были использованы следующие психодиагностические методики: «Шкала психологического благополучия Рифф» в адаптации Т. Д. Шевеленковой и Т. П. Фесенко (Ryff, 1989), «Опросник рефлексивности Карпова», опросник «Уровень субъективного контроля Роттера».

В исследовании приняли участие школьники, обучающиеся в средних общеобразовательных учреждениях. Подвыборку подростков с девиантным поведением составили 29 человек (состоят на учете в ПДН), подвыборку подростков с социально-нормативным поведением – 31 человек (не состоят ни на одном виде учета, включая внутришкольный). Возраст участников – 13–15 лет.

Перед проведением исследования с подростками была проведена беседа, в ходе которой было разъяснено, чем социально-нормативное поведение отличается от девиантного. Большинство подростков считает, что девиантное поведение связано с нарушением социальных норм, т. е. прямо противоположно социально-нормативному поведению. Меньшее число подростков считает, что главным признаком девиантного поведения является причинение вреда другим людям или себе.

Рассмотрим результаты, полученные в обеих выборках по всем шкалам опросников (таблица 1).

По основному параметру сравнения – уровню психологической безопасности – группы заметно различаются. Общий уровень психологической безопасности у подростков с девиантным поведением значительно ниже. Особого внимания заслуживает вопрос, является это причиной или следствием того положения, в котором оказываются подростки, склонные к девиантному поведению. Мы предполагаем, что у таких подростков изначально существуют проблемы психологического характера, которые часто приводят к формированию отклоняющегося поведения.

[3] Ганишина, И. С., & Ушатиков, А. И. (2006). *Неблагополучная семья и девиантное поведение несовершеннолетних* [Учебное пособие]. Московский психолого-социальный институт; МОДЭК.

Таблица 1. Сравнительный анализ средних значений параметров психологического благополучия, уровня субъективного контроля и рефлексивности в группах подростков с социально-нормативным и девиантным поведением

Table 1. Comparative analysis of the mean values of psychological well-being, locus of control, and reflexivity in groups of adolescents with socially normative and deviant behavior

Шкала	Сравниваемые группы	Т-знач.	Общ.ур. значимости p<0,05	Среднее значение
Психологическое благополучие	**Норма**	**2,01**	**0,01**	**327,38**
	Девиация			**298,92**
Позитивные отношения с окружающими	**Норма**	**2,01**	**0,04**	**55,40**
	Девиация			**50,08**
Автономия	Норма	0,50	0,61	53,32
	Девиация			52,04
Управление средой	**Норма**	**2,90**	**0,005**	**54,32**
	Девиация			**47,50**
Личностный рост	Норма	0,94	0,35	57,32
	Девиация			54,96
Цели	Норма	1,74	0,09	56,46
	Девиация			51,87
Самопринятие	**Норма**	**2,89**	**0,005**	**53,62**
	Девиация			**45,71**
Баланс аффекта	**Норма**	**-3,02**	**0,005**	**95,92**
	Девиация			**111,04**
Осмысленность жизни	**Норма**	**2,18**	**0,03**	**89,22**
	Девиация			**80,96**
Человек – открытая система	Норма	1,23	0,22	59,59
	Девиация			55,70
Общая интернальность	**Норма**	**2,20**	**0,03**	**16,73**
	Девиация			**5,37**
Интернальность в области достижений	**Норма**	**2,02**	**0,05**	**4,27**
	Девиация			**0,08**
Интернальность в области неудач	**Норма**	**2,10**	**0,04**	**4,49**
	Девиация			**0,87**
Интернальность в области семейных отношений	**Норма**	**2,43**	**0,01**	**2,00**
	Девиация			**2,29**
Интернальность в области производственных отношений	Норма	0,72	0,47	3,76
	Девиация			2,50

Шкала	Сравниваемые группы	Т-знач.	Общ.ур. значимости p<0,05	Среднее значение
Интернальность в области межличностных отношений	**Норма**	**1,93**	**0,05**	**1,86**
	Девиация			**0,04**
Интернальность в области здоровья	Норма	1,79	0,07	2,54
	Девиация			0,75
Рефлексивность	Норма	0,6	0,55	117,22
	Девиация			115,17

При этом само девиантное поведение, несомненно, является фактором, порождающим компенсирующие стратегии, направленные на уход от дискомфорта путем интенсификации отклоняющихся форм поведения в ситуации социального функционирования (Клейберг, 2023).

Рассмотрим, чем еще в психологическом плане различаются подвыборки подростков. По показателю «позитивные отношения с окружающими», отражающему наличие близких, приятных, доверительных отношений с окружающими, способность к любви и принятию, мы также видим различия, говорящие о том, что у подростков с девиантным поведением затруднены позитивные отношения с окружающими людьми, наблюдаются трудности с установлением дружеских и романтических отношений. Низкие показатели по этому фактору говорят о социальной изолированности и фрустрации подростков, отсутствии возможностей построить конструктивный диалог со взрослыми.

Интересным феноменом является то, что по показателю «управление средой» в группе подростков с девиантным поведением определяются более низкие показатели. Это означает, что таким подросткам не свойственно чувство уверенности в собственной жизни и компетентности в обыденных делах. Различные жизненные обстоятельства воспринимаются ими как навязанные и не поддающиеся контролю, что порождает чувство бессилия. По их представлениям, не они управляют средой, а среда управляет ими.

Доказанные различия по фактору «самопринятие» также свидетельствуют о том, что у подростков с девиантным поведением имеются трудности с позитивным отношением к себе, признанием своих заслуг, позитивной оценкой. Для них характерны разочарование в собственном прошлом и недовольство собой.

Интересные данные получены по фактору «баланс аффекта», который описывает общую эмоциональную оценку себя и собственной жизни. Это обратная шкала – набранные по ней высокие баллы отражают негативную самооценку, недовольство и неудовлетворенность жизнью. Подростки с девиантным поведением в нашем исследовании показывают более высокие баллы в сравнении с подвыборкой социально-нормативных подростков. В обычной жизни это сопровождается негативизмом, обесцениванием, неверием в собственные способности преодолевать жизненные препятствия и изменять поведение, что часто опосредуется алекситимией – трудностями в распознавании эмоций, как своих, так и окружающих.

В исследуемых группах заметны различия по уровню субъективного контроля. Подростки с девиантным поведением отличаются более низкой общей интернальностью, а также интернальностью в области достижений, неудач в области семейных отношений и в области межличностных отношений. Это может свидетельствовать о том, что они в меньшей степени видят связи между событиями жизни и своими действиями, перекладывая ответственность на других людей, случайные обстоятельства, чью-то злую волю и т. д. Это различие между подвыборками проявляется как на уровне общей интернальности (т. е. по отношению к большинству событий

своей жизни), так и в наиболее значимых и в то же время проблемно нагруженных областях для подростков – в оценке собственных достижений и неудач, а также в области взаимоотношений с другими людьми – близкими и друзьями. У подростков с девиантным поведением часто наблюдаются трудности в установлении отношений со сверстниками, нарушение контактов, отстраненность.

В показателях «интернальность в области производственных отношений» и «интернальность в области здоровья» значимых различий не выявлено. Это можно объяснить меньшей значимостью данных сфер для подросткового возраста.

По результатам проведенного анализа не установлено значимых различий между выборками по показателям «автономия», «личностный рост», «цели», «осмысленность жизни», «человек как открытая система» и «рефлексивность». Различия между группами имеются (с тенденцией более низких значений в группе подростков с девиантным поведением), но они не достигают уровня значимости. Возможно, проведение более широкого исследования покажет эти различия как значимые.

Рассмотрим результаты корреляционного анализа, выполненного в целях установления специфических взаимосвязей между исследуемыми параметрами в группах подростков с социально-нормативным и девиантным поведением. Нами был использован непараметрический критерий Спирмена (таблица 2).

Таблица 2. Корреляционный анализ параметров психологического благополучия, уровня субъективного контроля и рефлексивности в группах подростков с социально-нормативным и девиантным поведением

Table 2. Correlation analysis of the parameters of psychological well-being, the level of subjective control and reflexivity in groups of adolescents with socially normative and deviant behavior

	Психологическое благополучие	
	Социально-нормативное поведение	**Девиантное поведение**
Позитивные отношения с окружающими	**0,72***	**0,81***
Автономия	**0,7***	**0,56***
Управление средой	**0,82***	**0,76***
Личностный рост	**0,82***	**0,61***
Цели	**0,78***	**0,63***
Самопринятие	**0,83***	**0,78***
Баланс эффекта	**-0,83***	**-0,57***
Осмысленность жизни	**0,67***	**0,83***
Человек – открытая система	**0,62***	**0,81***
Общая интернальность	0,23	**0,76***
Интернальность в области достижений	0,20	**0,39***
Интернальность в области неудач	0,17	0,25
Интернальность в области семейных отношений	0,09	0,17
Интернальность в области производственных отношений	0,13	0,08

	Психологическое благополучие	
	Социально-нормативное поведение	Девиантное поведение
Интернальность в области межличностных отношений	0,2	0,05
Интернальность в области здоровья	0,1	0,29
Рефлексивность	0,22	0,15

Примечание: * $p \leq 0,05$

С общим уровнем психологической безопасности в группе подростков с социально-нормативным поведением тесно связаны такие психологические параметры, как «позитивные отношения с окружающими», «автономия», «управление средой», «личностный рост», «цели», «самопринятие», «осмысленность жизни» и «человек как открытая система». Все эти компоненты вносят свой вклад в общую структуру психологической безопасности подростков. Отрицательная значимая связь наблюдается с параметром «баланс аффекта». С другими исследованными параметрами значимых взаимосвязей не выявлено (рис. 1).

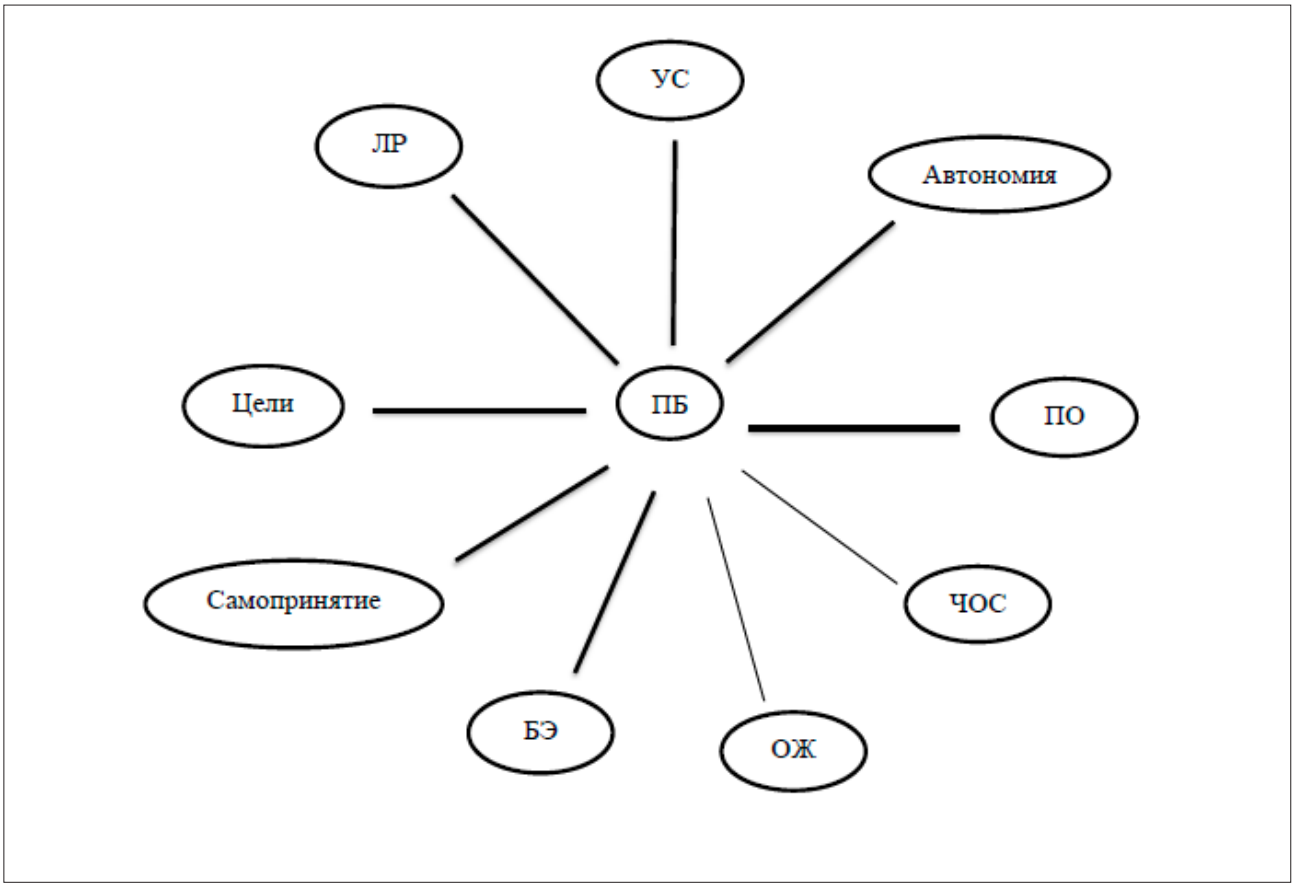

Рис. 1. Корреляционная плеяда показателей в группе подростков с социально-нормативным поведением

Fig. 1. Correlation pleiad of indicators in the group of adolescents with socially normative behavior

ЛР – личностный рост (r = 0,82); УС – управление средой (r = 0,82); ПО – позитивное отношение (r = 0,72); БЭ – баланс эффекта (r = 0,83); ЧОС – человек – открытая система (r = 0,62); ОЖ – осмысленность жизни (r = 0,67); автономия (r = 0,7); самопринятие (r = 0,83); цели(r = 0,78); ПБ – психологическое благополучие.

В то же время значимых взаимосвязей в группе подростков с девиантным поведением больше и они несколько другие, чем в группе подростков с социально-нормативным поведением. Показатели психологического благополучия взаимосвязаны также с такими психологическими параметрами, как «позитивные отношения с окружающими», «автономия», «управление средой», «личностный рост», «цели», «самопринятие», «осмысленность жизни» и «человек как открытая система». Зафиксирована отрицательная связь с параметром «баланс аффекта». В то же время выявлены дополнительные сильные взаимосвязи, которых нет в предыдущей выборке. Так, у подростков с девиантным поведением наблюдается взаимосвязь психологического благополучия с показателями интернальности – общей интернальности и интернальности в области достижений. Можно предположить, что уровень субъективного контроля у подростков с девиантным поведением напрямую влияет на ощущение себя контролирующим либо не контролирующим свою жизнь (рис. 2). Накопление проблем в школе приводит к академическому отставанию, педагогической запущенности, что часто ведет либо к избеганию (прогулам, побегам из дома), либо к вызывающим и нарушающим общественный порядок поступкам. В связи с этим девиантные подростки часто прибегают к различного рода зависимостям (химическим и нехимическим), состоят в различных асоциальных интернет-группах экстремистского и антивитального характера.

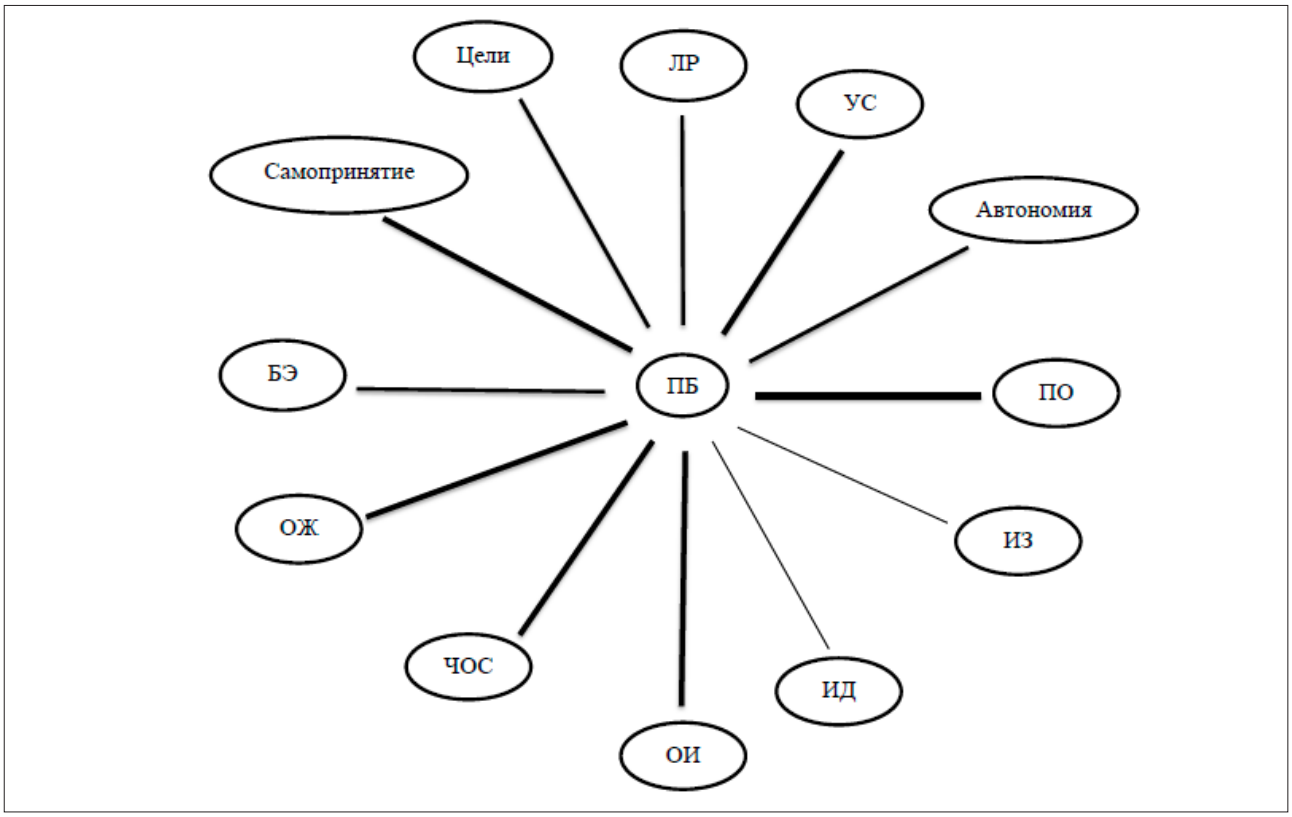

Рис. 2. Корреляционная плеяда показателей в группе подростков с девиантным поведением

Fig. 2. Correlation pleiad of indicators in a group of adolescents with deviant behavior

ЛР – личностный рост (r = 0,61); УС – управление средой (r = 0,76); ПО – позитивное отношение (r = 0,81); БЭ – баланс эффекта (r = 0,52); ЧОС – человек – открытая система (r = 0,81); ОЖ – осмысленность жизни (r = 0,83); ОИ – общая интернальность (r = 0,76); ИД – интернальность достижений (r = 0,39); ИЗ – интернальность здоровья (r = 0,31); автономия (r = 0,56); самопринятие (r = 0,78); цели (r = 0,63); ПБ – психологическое благополучие.

Ни в одной выборке не выявлено значимых взаимосвязей между показателями психологического благополучия и рефлексивности, хотя теоретически возможность такой связи предполагалась. Вместе с тем в группе подростков с девиантным поведением установлена отрицательная корреляционная связь между рефлексивностью и самопринятием (r = – 0,24), что может свидетельствовать о взаимосвязи уровня осознания себя и своих действий и самооценки в сфере самопринятия. Низкий уровень рефлексивности у девиантных подростков порождает парадоксальный, на первый взгляд, эффект принятия своих качеств и свойств, включая социально неодобряемые. Представляется, что именно этот феномен должен стать коррекционной и профилактической мишенью в психолого-педагогическом сопровождении девиантных подростков. Считаем необходимым продолжение исследований в этом направлении, расширив методический арсенал.

Заключение

Была поставлена задача изучить проблему психологического благополучия подростков, склонных к девиантному поведению. В ходе настоящего исследования удалось изучить особенности психологического благополучия у подростков с различным типом поведения (социально-нормативным и девиантным) и на основе этого получить результаты, которые позволяют организовать психолого-педагогическое и социально-педагогическое сопровождение детей и подростков группы риска.

По общему уровню психологической безопасности группы подростков с социально-нормативным и девиантным поведением значимо различаются. Общий уровень психологической безопасности у девиантных подростков ниже, что соответствует рассмотренным теоретическим взглядам на природу становления и поддержания психологического благополучия в подростковом возрасте.

Между группами подростков с социально-нормативным и девиантным поведением наблюдаются различия по следующим показателям: «позитивные отношения с окружающими», «управление средой», «самопринятие», «баланс аффекта», «общая интернальность», «интернальность в области достижений», «интернальность в области неудач», «интернальность в области семейных отношений» и «интернальность в области межличностных отношений». Это означает, что подростки с девиантным поведением часто имеют сложности с управлением своим поведением, эмоциональной регуляцией, принятием ответственности в виде субъективного контроля, что приводит к переживанию психологического неблагополучия.

Между группами подростков с социально-нормативным и девиантным поведением не выявлено значимых различий по показателям «автономия», «личностный рост», «цели», «осмысленность жизни», «человек как открытая система», «рефлексивность», «интернальность в области производственных отношений» и «интернальность в области здоровья». Полагаем, что значимость сферы производственных отношений и здоровья в подростковом возрасте значительно ниже, чем для других возрастных групп. Что касается показателя «рефлексивность», считаем необходимым проведение дальнейшего углубленного исследования.

Проведенный корреляционный анализ позволил доказать гипотезу, что взаимосвязи между показателями психологического благополучия, интернальности и рефлексивности отличаются в исследуемых подвыборках. У подростков с девиантным поведением выражена взаимосвязь

психологического благополучия с показателями интернальности – общей интернальности и интернальности в области достижений, что определяет общий уровень психологического неблагополучия вследствие недостатка контроля в собственной жизни.

Список литературы

Бажин, Е. Ф., Голынкина, Е. А., & Эткинд, А. М. (1984). Метод исследования уровня субъективного контроля. *Психологический журнал, 5*(3), 152–162.

Бубновская, О. В., & Якубенко, К. А. (2024). Факторы девиантного поведения российской молодёжи с учётом социально-экономического развития регионов. *Экономическая социология, 25*(4), 46–94. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-46-94

Гилинский, Я. И. (2009). Социология девиантности (новеллы и перспективы). *Социологические исследования*, (8), 70–73.

Двойнин, А. М. (2019). Этический аспект университетских научных исследований в области педагогики. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования,* 1(22), 100–103.

Дунаева, Н. И. (2024). Формирование личностных образований, составляющих психологическую структуру сопротивляемости личности подростков, старшеклассников и студентов в условиях современной образовательной среды. *Вестник Мининского университета, 12*(4), Статья 13. https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-4-13

Елисеева, О. А. (2011). Субъективное благополучие подростков и психологическая безопасность образовательной среды. *Психологическая наука и образование*, (3), Статья 25. https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n3/47424

Карпов, А. В. (2003). Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики. *Психологический журнал, 24*(5), 45–57.

Клейберг, Ю. А. (2023). *Психология девиантного поведения* (5-е изд., перераб. и доп.). Юрайт.

Конева, О. Б. (2010). Неблагополучная семья и девиантное поведение: социально-психологические аспекты. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология*, (17), 57–61.

Лактионова, Е. Б. (2024). Субъективное благополучие и особенности ценностно-смысловой сферы в юношеском и взрослом возрасте. *Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта*, (2), 230–233. https://uchzapiski.lesgaft.spb.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c160832807fdbab870843/sub-ektivnoe-blagopoluchie-i-osobennosti-cennostno-smyslovoy-sfery-v-yunosheskom-i-vzroslom-vozraste/view

Маннанова, Е. А., & Грошева, С. В. (2024). Поиск содержательных аспектов эмоционального благополучия в отечественных и зарубежных теориях психологии. *Азимут научных исследований: педагогика и психология, 13*(2), 154–157.

Пергаменщик, Л. А., & Новак, Н. Г. (2015). Социально-психологические условия психологического благополучия личности, пережившей кризисное событие. *Социальная психология и общество, 6*(4), 161–169. https://doi.org/10.17759/sps.2015060412

Татарова, С. П. (2007). *Девиантное поведение подростков и социальные технологии его профилактики в современном российском обществе*. ИПК ВСГАКИ.

Тхакохов, А. А. (2014). Причины и условия противоправного поведения несовершеннолетних. *Молодой ученый,* (4), 882–884. https://moluch.ru/archive/63/10214

Шеховцова, Е. С., Кабанова, Т. Н., Шмакова, Е. В., & Попова, Е. М. (2016). Принятие решений у специалистов судебно-психиатрического профиля (психологический аспект). *Психология и право, 6*(2), 57–71. https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060205

Шмакова, К. В. (2024). *Девиантное поведение подростков*. Textarchive. https://textarchive.ru/c-1917546.html

Bradburn, N. M. (1969). *The structure of psychological well-being*. Aldine Publishing Company.
Campbell, A. (1976). Subjective measures of well-being. *American Psychologist, 31*(2), 117–124. https://doi.org/10.1037/0003-066X.31.2.117
Diener, E., & Ryan, K. (2009). Subjective well-being: A general overview. *South African Journal of Psychology, 39*(4), 391–406. https://doi.org/10.1177/008124630903900402
Luhmann, M., & Intelisano, S. (2018). Hedonic adaptation and the set point for subjective well-being. In E. Diener, S. Oishi, & L. Tay (Eds.), *Handbook of well-being* (pp. 1–27). DEF Publishers.
Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology, 57*(6), 1069–1081.

References

Bazhin, E. F., Golynkina, E. A., & Etkind, A. M. (1984). Metod issledovaniia urovnia subektivnogo kontrolia. *Psikhologicheskii zhurnal, 5*(3), 152–162.
Bubnovskaia, O. V., & Iakubenko, K. A. (2024). Faktory deviantnogo povedeniia rossiiskoi molodezhi s uchetom sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regionov. *Ekonomicheskaia sotsiologiia, 25*(4), 46–94. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2024-4-46-94
Gilinskii, Ia. I. (2009). Sotsiologiia deviantnosti (novelly i perspektivy). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (8), 70–73.
Dvoinin, A. M. (2019). Eticheskii aspekt universitetskikh nauchnykh issledovanii v oblasti pedagogiki. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia, 1*(22), 100–103.
Dunaeva, N. I. (2024). Formirovanie lichnostnykh obrazovanii, sostavliaiushchikh psikhologicheskuiu strukturu soprotivliaemosti lichnosti podrostkov, starsheklassnikov i studentov v usloviiakh sovremennoi obrazovatel'noi sredy. *Vestnik Mininskogo universiteta, 12*(4), Stat'ia 13. https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-4-13
Eliseeva, O. A. (2011). Subektivnoe blagopoluchie podrostkov i psikhologicheskaia bezopasnost' obrazovatel'noi sredy. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie*, (3), Stat'ia 25. https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n3/47424
Karpov, A. V. (2003). Refleksivnost' kak psikhicheskoe svoistvo i metodika ee diagnostiki. *Psikhologicheskii zhurnal, 24*(5), 45–57.
Kleiberg, Iu. A. (2023). *Psikhologiia deviantnogo povedeniia* (5-e izd., pererab. i dop.). Iurait.
Koneva, O. B. (2010). Neblagopoluchnaia sem'ia i deviantnoe povedenie: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Psikhologiia*, (17), 57–61.
Laktionova, E. B. (2024). Subektivnoe blagopoluchie i osobennosti tsennostno-smyslovoi sfery v iunosheskom i vzroslom vozraste. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta*, (2), 230–233. https://uchzapiski.lesgaft.spb.ru/ru/nauka/publications/article/6a9c160832807fdbab870843/subektivnoe-blagopoluchie-i-osobennosti-cennostno-smyslovoy-sfery-v-yunosheskom-i-vzroslom-vozraste/view
Mannanova, E. A., & Grosheva, S. V. (2024). Poisk soderzhatel'nykh aspektov emotsional'nogo blagopoluchiia v otechestvennykh i zarubezhnykh teoriiakh psikhologii. *Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiia, 13*(2), 154–157.
Pergamenshchik, L. A., & Novak, N. G. (2015). Sotsial'no-psikhologicheskie usloviia psikhologicheskogo blagopoluchiia lichnosti, perezhivshei krizisnoe sobytie. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 6*(4), 161–169. https://doi.org/10.17759/sps.2015060412
Tatarova, S. P. (2007). *Deviantnoe povedenie podrostkov i sotsial'nye tekhnologii ego profilaktiki v sovremennom rossiiskom obshchestve*. IPK VSGAKI.

Tkhakokhov, A. A. (2014). Prichiny i usloviia protivopravnogo povedeniia nesovershennoletnikh. *Molodoi uchenyi*, (4), 882–884. https://moluch.ru/archive/63/10214

Shekhovtsova, E. S., Kabanova, T. N., Shmakova, E. V., & Popova, E. M. (2016). Priniatie reshenii u spetsialistov sudebno-psikhiatricheskogo profilia (psikhologicheskii aspekt). *Psikhologiia i pravo, 6*(2), 57–71. https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060205

Shmakova, K. V. (2024). *Deviantnoe povedenie podrostkov*. Textarchive. https://textarchive.ru/c-1917546.html

Bradburn, N. M. (1969). *The structure of psychological well-being*. Aldine Publishing Company.

Campbell, A. (1976). Subjective measures of well-being. *American Psychologist, 31*(2), 117–124. https://doi.org/10.1037/0003-066X.31.2.117

Diener, E., & Ryan, K. (2009). Subjective well-being: A general overview. *South African Journal of Psychology, 39*(4), 391–406. https://doi.org/10.1177/008124630903900402

Luhmann, M., & Intelisano, S. (2018). Hedonic adaptation and the set point for subjective well-being. In E. Diener, S. Oishi, & L. Tay (Eds.), *Handbook of well-being* (pp. 1–27). DEF Publishers.

Ryff, C. D. (1989). Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology, 57*(6), 1069–1081.

Информация об авторах

Наталья Леонтьевна Сомова – доцент кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат психологических наук.

Елена Николаевна Ундуск – доцент кафедры психологии развития и образования Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, кандидат психологических наук.

About the authors

Natalia L. Somova – Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Education at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Cand. Sci. (Psy.)

Elena N. Undusk – Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Education at the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, Cand. Sci. (Psy.)

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 16.03.2026
Одобрена после рецензирования 29.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted March 16, 2026
Approved after reviewing August 29, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 159.9:316.6:378

Детерминанты академической мотивации студентов в поле личностного аспекта человеческого капитала: зоны риска и профилактика девиаций

Елена Николаевна Прокофьева
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Казанский филиал)
(Казань, Россия)
elena-kzn@list.ru
ORCID: 0000-0003-0416-1226

Люция Ахметовна Шибанкова
Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Казанский филиал)
(Казань, Россия)
luz7@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8112-3728

Ирина Сергеевна Бубнова
Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)
irinaz-bubnova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9549-7248

Аннотация

Введение. В психолого-педагогических исследованиях последних лет рассматривается проблема развития академической мотивации студентов высшей школы, что обусловливает необходимость исследования ключевых детерминантов, оказывающих влияние на ее успешное развитие. Профессиональные мотивы как механизм, превращающий потенциальные способности студентов в реальную учебную и профессиональную активность, остаются недостаточно изученными в контексте их связей с метакогнитивными, смысложизненными, коммуникативными и регуляторными характеристиками личности, что представляет личностный компонент человеческого капитала обучающегося. Цель исследования – выявление статистически значимых взаимосвязей академической мотивации студентов образовательных организаций высшего образования с фокусом на профессиональные мотивы в контексте личностного аспекта человеческого капитала с последующей интерпретацией выявленных отрицательных корреляций как зон риска для разработки профилактических мер в отношении академических и профессиональных девиаций. **Методы**. Выборка составила 862 студента из четырех ведущих образовательных организаций высшего образования Республики Татарстан (г. Казань). Диагностический комплекс включал методику диагностики учебной мотивации, тест смысложизненных ориентаций, опросник карьерных ориентаций, тест коммуникативных умений, опросник когнитивной регуляции эмоций, а также методики диагностики эмпатии, толерантности, адаптивности и нравственных норм. Статистическая обработка выполнена с помощью

© Прокофьева Е. Н., Шибанкова Л. А., Бубнова И. С., 2026

корреляционного анализа Пирсона с поправкой на множественные сравнения. **Результаты.** Полученные данные показывают довольно целостный портрет студента с выраженными профессиональными мотивами. Обнаружены положительные связи профессиональных мотивов с метакогнитивными навыками, смысложизненными ориентациями, карьерными ориентациями на служение и вызов, компетентной коммуникацией, позитивным пересмотром и планированием в структуре эмоциональной регуляции, а также с ответственностью и соблюдением нравственных норм. Выявлены отрицательные связи профессиональных мотивов с адаптивными способностями и общительностью. Профессиональная мотивация вносит вклад в осмысленность жизни и формирование зрелой карьерной ориентации, однако сопровождается внутренним напряжением, требующим ресурсной поддержки. Выявленные отрицательные корреляции с адаптивностью и общительностью рассматриваются нами как маркеры зоны риска для возникновения профессиональной дезадаптации и поведенческих девиаций, что вызывает необходимость психолого-педагогического сопровождения. Профессиональные мотивы выступают значимым детерминантом развития академической мотивации студентов образовательных организаций высшего образования.

Ключевые слова

академическая мотивация, профессиональные мотивы, студенты образовательных организаций высшего образования, человеческий капитал, личностный компонент, риски профессиональной дезадаптации, профилактика девиантного поведения

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России научной темы «Академическая мотивация учащихся разных ступеней обучения (дошкольники, младшие школьники, средние и старшие школьники, студенты вузов) и факторы ее развития».

Для цитирования: Прокофьева, Е. Н., Шибанкова, Л. А., Бубнова, И. С. (2026). Детерминанты академической мотивации студентов в поле личностного аспекта человеческого капитала: зоны риска и профилактика девиаций. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 474–491.

Original paper

Determinants of students' academic motivation within the personal aspect of human capital: risk areas and prevention of deviations

Elena N. Prokofeva
Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan Branch) (Kazan, Russia)
elena-kzn@list.ru
ORCID: 0000-0003-0416-1226

Liutsiia A. Shibankova
Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan Branch) (Kazan, Russia)
luz7@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8112-3728

Irina S. Bubnova
Kuban State University (Krasnodar, Russia)
irinaz-bubnova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9549-7248

Abstract

Introduction. Recent psychological and pedagogical studies have addressed the problem of developing academic motivation among students in higher education, highlighting the need to investigate the key determinants influencing its successful development. Professional motivations, as a mechanism for transforming students' potential abilities into actual academic and professional activity, remain insufficiently studied in the context of their links with metacognitive, life-meaning, communicative, and regulatory characteristics of the personality, which constitute a personal component of a student's human capital. The aim of the study is to identify statistically significant correlations between the academic motivation among students of higher educational institutions, with a focus on professional motivations in the context of the personal aspect of human capital, followed by the interpretation of the identified negative correlations as risk areas for the development of preventive measures regarding academic and professional deviations. **Methods.** The sample consisted of 862 students from four leading higher educational institutions of the Republic of Tatarstan (Kazan). The diagnostic set comprised a method for assessing academic motivation, a test of life-meaning orientations, a career orientation questionnaire, a test of communication skills, a questionnaire on cognitive regulation of emotions, as well as methods for assessing empathy, tolerance, adaptability and moral standards. Statistical analysis was carried out using Pearson's correlation analysis, adjusted for multiple comparisons. **Results.** The data obtained present a fairly comprehensive profile of a student with pronounced professional motivations. Positive connections were found between professional motivations and metacognitive skills, life-meaning orientations, career orientations towards service and challenge, competent communication, positive reappraisal and planning within the framework of emotional regulation, as well as with responsibility and adherence to moral standards. Negative correlations were identified between professional motivation and adaptive abilities and sociability. Professional motivation contributes to a sense of meaning in life and the formation of a mature career orientation; however it is accompanied by internal tension requiring resource support. The authors regard the identified negative correlations with adaptability and sociability as risk zone markers for the emergence of professional maladjustment and behavioural deviations, which necessitates psychological and pedagogical support. Professional motivations act as a significant determinant of the development of academic motivation among students of higher educational institutions.

Keywords

academic motivation, professional motivations, students of higher educational institutions, human capital, personal component, risks of professional maladjustment, prevention of deviant behavior

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of the research project "Academic motivation of students at different levels of education (preschool, primary school children, secondary and senior school children, university students) and factors of its development".

For citation: Prokofeva, E. N., Shibankova, L. A., Bubnova, I. S. (2026). Determinants of students' academic motivation within the personal aspect of human capital: risk areas and prevention of deviations. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 474–491.

Введение

В последние годы наметился устойчивый запрос на психолого-педагогическую разработку проблематики человеческого капитала. Исследователи все чаще обращаются к таким составляющим, как жизнеспособность, способность к инновациям, мотивация достижения, эмоциональный интеллект (Овчарова и др., 2023). В работах М. В. Ермолаевой и Д. В. Лубовского введено понятие психологического капитала как совокупности устойчивых качеств, включая удовлетворенность трудом и сопротивляемость выгоранию (Ермолаева & Лубовский, 2020). В. Г. Пичугин разделил человеческий капитал на личностно-психологический и социально-психологический аспекты, подчеркнув роль ценностей, установок и способностей к социализации (Пичугин, 2021). В рамках нашего исследования человеческий капитал обучающегося рассматривается как единство когнитивного, личностного и социокультурного компонентов, а здоровье выступает их фундаментом (Шибанкова и др., 2024). Личностный аспект здесь – самый важный, именно в нем сосредоточены ценности, смыслы, установки и предмет нашего исследования – мотивация.

Мотивация в данном контексте выступает не просто одним из многих личностных качеств. Она является сквозным механизмом, который переводит потенциальные способности обучающегося высшей школы в учебное и профессиональное действие. Без мотивации даже высокий когнитивный потенциал обучающегося остается невостребованным. При этом сама мотивация формируется и трансформируется под влиянием тех же личностных структур: ценностей, самооценки, смысложизненных ориентаций, способности к регуляции эмоций.

Таким образом, между мотивацией и другими компонентами человеческого капитала существуют не односторонние, а циклические, взаимно усиливающиеся связи. Мы исходим из того, что академическая мотивация в период профессиональной подготовки в вузе – это не изолированный феномен, а узел пересечения метакогнитивных, ценностно-смысловых, коммуникативных и регуляторных ресурсов личности. Как показал предшествующий теоретический анализ, наименее изученным остается вопрос, какие именно детерминанты внутри личностного компонента запускают, поддерживают или, напротив, тормозят развитие академической мотивации.

В данной работе мы сужаем фокус исследования мотивации. Из всего спектра академической мотивации акцент сделан на профессиональных мотивах как наиболее значимых для становления будущего специалиста, готового к профессиональной деятельности в современных условиях развития рынка труда и успешной социализации в быстро меняющихся реалиях развития общества. Одна из задач нашего исследования – выяснить, как именно профессиональные мотивы связаны с метакогнитивными навыками, смысложизненными ориентациями, карьерными ожиданиями («якорями карьеры»), коммуникативной компетентностью, когнитивной регуляцией эмоций, ответственностью и нравственными нормами. Иными словами, мы пытаемся ответить на вопрос: если студент ориентирован на профессию, какими еще личностными ресурсами он при этом обладает, а каких, возможно, ему не хватает? Особый интерес представляет анализ негативных корреляций профессиональных мотивов (снижение адаптивности, общительности), которые в условиях стрессогенной образовательной среды могут выступать предикторами девиантного поведения, связанного с избеганием, прокрастинацией или агрессией (Ефимкина & Позин, 2024). Соответственно, выявление этих зон риска становится не только теоретической, но и прикладной задачей, поскольку позволяет наметить мишени для профилактических вмешательств, направленных на предупреждение академических и профессиональных девиаций у студентов.

Цель исследования – выявление статистически значимых взаимосвязей академической мотивации студентов вузов с фокусом на профессиональные мотивы в контексте личностного

аспекта человеческого капитала с последующей интерпретацией выявленных отрицательных корреляций как зон риска для разработки профилактических мер в отношении академических и профессиональных девиаций.

Методы

Методологической основой исследования выступил синтез трех подходов:

1) экономико-социологическая традиция (Schultz, 1961; Becker, 1962), которая задала понимание человеческого капитала как актива, приносящего отдачу, но не учла психологические механизмы;

2) психологическая теория капиталов (Bandura, 1982; Luthans, 2002; Ермолаева & Лубовский, 2020; Маралов и др., 2022), позволившая выделить личностные составляющие, включая мотивацию, ценности, установки;

3) когнитивный подход, сфокусированный на метакогнитивных и регуляторных механизмах, которые опосредуют связь между мотивацией и эффективностью деятельности (Левина и др., 2022).

Кроме того, мы использовали пласт научных изысканий поля мотивации, включающий исследования роли удовлетворения базовых психологических потребностей в академической мотивации студентов (Howard et al., 2021; Bureau et al., 2022), значимости поддержки автономии со стороны преподавателей для формирования внутренней мотивации и благополучия обучающихся (Mammadov & Schroeder, 2023; Slemp et al., 2024), влияния преподавательского контроля на академическую успешность и вовлеченность (Nunez et al., 2019; Ryan & Deci, 2020), а также роли активных субъектов образовательного процесса (Gordeeva et al., 2024).

В соответствии с изложенным были сформулированы следующие гипотезы:

– профессиональные мотивы положительно связаны с метакогнитивными навыками (процессуальными, планированием, контролем) и смысложизненными ориентациями;

– профессиональные мотивы положительно связаны с «якорями карьеры», отражающими стремление к компетентности, стабильности, служению и вызову;

– профессиональные мотивы положительно связаны с компетентной коммуникацией и когнитивной регуляцией эмоций, но отрицательно – с агрессивными и зависимыми стилями общения;

– профессиональные мотивы положительно связаны с ответственностью и соблюдением нравственных норм;

– профессиональные мотивы, несмотря на свою позитивную роль, могут отрицательно коррелировать с некоторыми показателями адаптивности (нервно-психическая устойчивость, личностный адаптивный потенциал), поскольку высокая вовлеченность и требовательность к себе создают фоновое напряжение, что в долгосрочной перспективе может рассматриваться как фактор риска возникновения дезадаптивных состояний.

Анализ академической мотивации проводился на основе результатов опроса обучающихся высшей школы по ранее разработанной программе эмпирического исследования (Шибанкова и др., 2025). В ходе исследования взаимосвязей академической мотивации в поле личностного компонента человеческого капитала с фокусом на профессиональные мотивы диагностический комплекс включал следующие методики: методику для диагностики учебной мотивации студентов (А. А. Реан, В. А. Якунин, модификация Н. Ц. Бадмаевой) – в рамках нашего исследования интересовала шкала профессиональных мотивов; тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева; «Якоря карьеры» Э. Шейна (адаптация В. А. Чикер, В. Э. Винокурова); диагностику уровня эмпатии (В. В. Бойко); экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова и др.); тест коммуникативных умений (Л. Михельсон); многоуровневый

личностный опросник «Адаптивность» (А. Г. Маклаков, С. В. Чермянин); опросник «Когнитивная регуляция эмоций» (Н. Гарнефски, В. Крайг, адаптация О. Л. Писаревой).

Статистическая обработка включала расчет коэффициентов корреляции Пирсона с поправкой на множественные сравнения. В статье представлены только статистически значимые связи ($p < 0,05$; $p < 0,01$; $p < 0,001$). При интерпретации результатов особое внимание уделялось отрицательным корреляционным связям, которые могут свидетельствовать о наличии зон риска для последующей дезадаптации студентов.

Всего в исследовании приняли участие 862 респондента, из них 438 девушек (50,8 %) и 424 юноши (49,2 %).

Возрастной состав участников: в возрасте 18 лет – 96 человек (11,1 %), 19 лет – 140 человек (16,2 %), 20 лет – 186 респондентов (21,6 %), 21 год – 227 человек (26,3 %), 22 года – 93 студента (10,8 %), старше 23 лет – 120 человек (13,9 %). Большинство респондентов – в возрасте от 19 лет до 21 года.

Из общей выборки (n = 862) большинство респондентов обучается на втором (n = 237), третьем (n = 164) и четвертом (n = 266) курсах, что в совокупности составляет 80,9 % всех участников; 91,9 % – обучающиеся очной формы обучения. Не имеют опыта профессиональной деятельности 598 человек (69,4 %).

Результаты

Представляем обзор данных, полученных в ходе корреляционного анализа учебной мотивации студентов в сфере профессиональных мотивов (рис. 1).

Положительные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и метакогнитивными навыками: процессуальные навыки ($r = 0,292$ при $p < 0,001$), метапланирование ($r = 0,275$ при $p < 0,001$) и метакогнитивный контроль ($r = 0,282$ при $p < 0,001$). Профессиональные мотивы у студента закладывают основу его будущего когнитивного развития, развития метакогнитивных навыков. Обеспечивается

Рис. 1. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и метакогнитивными навыками

Fig. 1. Correlation pleiad between professional motivations and metacognitive skills

развитие процессуальных навыков, которые помогают овладеть способностью к целеполаганию, исследовательским способностям, качественной оценке результатов. В дополнение к этому развиваются способности к качественному планированию своей деятельности. Студент способен распланировать свое время, распределить силы на этапы и другое. В этом ему помогает также развитый метакогнитивный контроль, который обеспечивает фокусировку сознания на необходимых задачах, позволяет качественно работать над несколькими делами одновременно (рис. 2).

Рис. 2. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и шкалами методики СЖО

Fig. 2. Correlation pleiad between professional motivations and the scales of LMO methodology

Положительные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и смысложизненными ориентациями: общий показатель ($r = 0{,}251$ при $p < 0{,}001$), процесс ($r = 0{,}206$ при $p < 0{,}001$), локус контроля – Жизнь ($r = 0{,}176$ при $p < 0{,}001$), локус контроля – Я ($r = 0{,}269$ при $p < 0{,}001$), цели ($r = 0{,}267$ при $p < 0{,}001$) и результат ($r = 0{,}223$ при $p < 0{,}001$). Ориентация на профессиональное развитие обеспечивает возникновение качественной основы для смысложизненных ориентаций ($r = 0{,}251$ при $p < 0{,}001$). Профессиональная идентичность, возникающая и формирующаяся в ходе обучения, придает жизнедеятельности цель ($r = 0{,}267$ при $p < 0{,}001$). Студент получает удовольствие от процесса достижения ($r = 0{,}206$ при $p < 0{,}001$), а также испытывает удовлетворение от самого результата ($r = 0{,}223$ при $p < 0{,}001$). Профессиональные мотивы придают осмысленность и значимость жизни. Появляется восприятие контроля событий ($r = 0{,}176$ при $p < 0{,}001$) и осознание важности своей активности при достижении значимых результатов ($r = 0{,}269$ при $p < 0{,}001$) (рис. 3).

Положительные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и шкалами методики «Якоря карьеры»: профессиональная компетентность ($r=0{,}293$, при $p<0{,}001$); менеджмент ($r=0{,}218$, при $p <0{,}001$); автономия

Рис. 3. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и шкалами методики «Якоря карьеры»

Fig. 3. Correlation pleiad between professional motivations and the scales of the "Career Anchors" method

(независимость) (r=0,218, при p<0,001); стабильность работы (r=0,353, при p<0,001); стабильность места жительства (r=0,097, при p=0,004); служение (r=0,373, при p<0,001); вызов (r=0,277, при p<0,001); интеграция стилей жизни (r=0,32, при p<0,001) и предпринимательство (r=0,187, при p<0,001). Развитая ориентация на профессиональные мотивы отражается на значимости профессиональных качеств. Речь идет о стремлении в развитии профессиональных навыков и знаний, которые свидетельствуют о профессиональной компетентности, значимости борьбы для достижения необходимого результата, осознания того, что за свою цель часто необходимо бороться, умении управлять людьми для достижения эффективности в работе. Отметим также стремление самостоятельно справляться с работой, которая в дальнейшем может привести к созданию своего дела, т. е. к предпринимательской деятельности. Ориентация на профессиональные мотивы создает необходимость создавать вокруг себя определенность и стабильность, в том числе место работы и место жительства. Кроме того, профессиональные мотивы развивают ориентацию на общественно полезную занятость, которая будет помогать социуму. Личность стремится развиваться всесторонне – сосредотачиваться не только на профессиональной карьере, но и на прочих сферах жизни (рис. 4).

Отмечена положительная, статистически значимая связь между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и толерантностью (r = 0,099 при p = 0,004). Профессиональные мотивы, формирующиеся в ходе обучения, развивают толерантность личности, которая проявляется в терпимости к поведению и мнению других людей.

Установлены статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и коммуникативными умениями: зависимые (r = –0,199 при p < 0,001), компетентные (r = 0,357 при p < 0,001) и агрессивные (r = –0,338 при p < 0,001).

Рис. 4. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и коммуникативными умениями

Fig. 4. Correlation pleiad between professional motivations and communicative skills

Коммуникативные навыки отражаются на профессиональных мотивах личности. Индивид в ходе общения способен поделиться своими профессиональными знаниями, может их доступно изложить своему собеседнику. Агрессивная стратегия общения и зависимый стиль коммуникации не могут проявляться у студента, ориентированного на профессиональное развитие. Данные подходы не подходят для будущей коммуникации, так как будут настраивать собеседника против такого студента (рис. 5).

Статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и адаптивными способностями: личностный адаптивный потенциал ($r = –0,334$ при $p < 0,001$); нервно-психическая устойчивость ($r = –0,341$ при $p < 0,001$); коммуникативные способности ($r = –0,263$ при $p < 0,001$); моральная нормативность ($r = –0,315$ при $p < 0,001$). На пути достижения профессионального мастерства и реализации своего потенциала

Рис. 5. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и адаптивными способностями

Fig. 5. Correlation pleiad between professional motivations and adaptive abilities

как специалиста стоит много трудностей, которые будут негативно сказываться на личности. Со временем личностный адаптационный потенциал, который отражает способность человека справляться с трудностями, слабеет. Снижается нервно-психическая устойчивость из-за стресса и напряженности, вызванных высокой трудовой активностью. Снижаются коммуникативные способности, так как значимым становится трудовой процесс, а свободное время на саморазвитие и поддержание своей развитости сокращается. В дополнение к этому падают моральные стандарты, т. е. человек может совершать некоторые аморальные или антиобщественные действия, поднимать несоответствующие темы и прочее, что в совокупности формирует зону риска для возникновения академических и профессиональных девиаций (рис. 6).

Рис. 6. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и когнитивной регуляцией эмоций

Fig. 6. Correlation pleiad between professional motivations and cognitive regulation of emotions

Положительные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и когнитивной регуляцией эмоций: самообвинение ($r = 0,203$ при $p < 0,001$); принятие ($r = 0,296$ при $p < 0,001$); сосредоточение ($r = 0,259$ при $p < 0,001$); положительная перефокусировка ($r = 0,321$ при $p < 0,001$); перефокусировка на планировании ($r = 0,405$ при $p < 0,001$); позитивный пересмотр ($r = 0,427$ при $p < 0,001$); помещение в перспективу ($r = 0,301$ при $p < 0,001$); катастрофизация ($r = 0,075$ при $p = 0,028$); обвинение ($r = 0,068$ при $p = 0,047$). Развитые профессиональные мотивы отлично развивают когнитивную регуляцию эмоций. Личность овладевает различными инструментами для восприятия и оценки происходящих событий. Наибольшая значимость отдается позитивному пересмотру полученного результата. Происходит переоценка результата с целью выявить положительные исходы. Далее развивается перефокусировка на планировании, которая позволяет сместить фокус внимания с результата на процесс его достижения. С помощью этого возможно предугадать возможные события и подготовиться к ним или даже избежать их. Впоследствии к ней добавляется положительная перефокусировка. С помощью нее фокус внимания направляется

на ожидание положительного исхода. Также развивается способность к помещению в перспективу. Эта способность позволяет рассматривать происходящие события или ситуацию в ходе будущих действий, например, понять, как решение задачи отразится на будущем результате проекта. Важно отметить, что личность, ориентированная на развитие своих профессиональных компетенций, способна осознать вину за свою ошибку в полученном результате, принять данный исход, а затем сосредоточиться на своих чувствах для дальнейшего контроля или рефлексии (рис. 7).

Рис. 7. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и оценкой уровня общительности

Fig. 7. Correlation pleiad between professional motivations and sociability level assessment

Положительные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и оценкой собственной ответственности: ($r = 0{,}354$ при $p < 0{,}001$). Осознание себя ответственным человеком присуще студенту с ориентацией на профессиональные мотивы.

Отрицательные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и оценкой уровня общительности ($r = -0{,}299$ при $p < 0{,}001$). Профессиональные мотивы лишают большого объема коммуникации. Общение ведется преимущественно на профессионально важные темы, поддерживается деловой разговор.

Положительные статистически значимые связи между учебной мотивацией студентов в области профессиональных мотивов и отношением к соблюдению нравственных норм: терпимость ($r = 0{,}136$ при $p < 0{,}001$); принципиальность ($r = 0{,}076$ при $p = 0{,}026$); справедливость ($r = 0{,}133$ при $p < 0{,}001$); правдивость ($r = 0{,}099$ при $p = 0{,}003$); ответственность ($r = 0{,}126$ при $p < 0{,}001$). Профессиональные мотивы обязывают личность придерживаться соблюдения нравственных норм, при этом выявленная связь может отражать респондентскую установку на демонстрацию социально одобряемых качеств, ожидаемых от будущего специалиста. Значимой становится принципиальность в решении дел и профессиональном подходе. Важно быть справедливым и честным в отношении распределения дел, достигнутого результата, проявлять честность к людям, а также брать на себя ответственность за выбор и совершаемые действия (рис. 8).

Обсуждение

Полученные данные отражают целостный портрет студента с выраженными профессиональными мотивами. Это будущий специалист, у которого профессиональная направленность пронизывает многие сферы личности – от мышления до эмоций, от коммуникации до нравственных норм.

Рис. 8. Корреляционная плеяда между профессиональными мотивами и отношением к соблюдению нравственных норм

Fig. 8. Correlation pleiad between professional motivations and attitude towards compliance with moral norms

Связи профессиональных мотивов с процессуальными навыками, планированием и контролем показывают, что ориентация на профессию дисциплинирует мышление. Студент ставит цели, продумывает этапы, отслеживает прогресс. Это важно, потому что в реальной профессиональной деятельности самоорганизация необходима. Полученные в ходе исследования данные говорят о том, что профессиональная мотивация и самоорганизация тесно связаны и дополняют друг друга в процессе профессионального развития и достижения целей.

Смысложизненные ориентации выступают еще одним важным контуром. Общая связь с ними и особенно сильные связи с целями и локусом контроля – Я показывают, что профессия для таких студентов – часть жизненного проекта, где становление в профессии обусловлено их собственными усилиями, а внутренняя опора – один из самых ценных ресурсов человеческого капитала.

Данные методики «Якоря карьеры» дают развернутую картину профессиональных ожиданий: высокие связи со служением, стабильностью работы, профессиональной компетентностью и вызовом. Для студентов важно приносить пользу (служение), иметь надежное рабочее место (стабильность), профессионально расти (компетентность) и решать трудные задачи (вызов). Это достаточно зрелая, внутренне обусловленная карьерная ориентация.

Особого внимания заслуживают связи с когнитивной регуляцией эмоций. Самые сильные коэффициенты связаны с позитивным пересмотром и перефокусировкой на планировании. У студента с высокими профессиональными мотивами очень адаптивный паттерн эмоциональной регуляции, который напрямую работает на эффективность.

Коммуникативная сфера тоже показала интересные результаты. Компетентные коммуникативные умения – способность ясно излагать мысли, аргументировать, слушать – положительно связаны с профессиональными мотивами, а агрессивная и зависимая коммуникация –

отрицательно, т. е. профессионально мотивированный студент не конфликтует, может быть в аргументации жестким, но не агрессивным. Это важное качество для будущей работы в коллективе.

Ответственность – еще одна яркая связь. Профессионально ориентированный студент принимает на себя ответственность за результаты своей учебы, не перекладывает ее на преподавателей, родителей или обстоятельства.

Однако отрицательные связи профессиональных мотивов с адаптивными способностями (личностный адаптивный потенциал, нервно-психическая устойчивость) могут насторожить, хотя понятно, что высокая вовлеченность вызывает внутреннее напряжение. Студент, который много сил отдает учебе и профессии, больше устает, глубже переживает, более требователен к себе. Задача образовательной среды – не снижать мотивацию, а помогать справляться с этим напряжением.

С точки зрения девиантологии эта группа отрицательных связей приобретает особое значение. Снижение нервно-психической устойчивости и коммуникативного потенциала на фоне высокой профессиональной вовлеченности создает условия для так называемых академических девиаций – невротизации, снижения качества сна, потери интереса к внеучебной деятельности, а в перспективе – для профессиональной деформации. Таким образом, полученные данные свидетельствуют, что зона риска локализуется не в самом факторе мотивации, а в дефиците сопутствующих ресурсов саморегуляции и психологической поддержки, что обусловливает необходимость разработки профилактических программ, направленных на укрепление адаптационных механизмов.

Отрицательная связь с уровнем общительности обусловлена тем, что общение профессионально ориентированного студента становится более избирательным и деловым.

Наконец, связи с нравственными нормами (терпимость, справедливость, правдивость, ответственность) показывают, что профессиональная мотивация не противоречит этике. Напротив, она может усиливать ориентацию на честность и справедливость, возможно, потому, что для профессионального успеха в длительной перспективе важна репутация, базисом которой служит честность.

Заключение

Результаты исследования подтверждают, что профессиональные мотивы являются важной детерминантой развития академической мотивации обучающихся высшей школы в поле личностного аспекта человеческого капитала:

– студенты с выраженными профессиональными мотивами обладают развитыми метакогнитивными навыками, что делает их более самостоятельными и организованными в учебе;

– профессиональные мотивы вносят вклад в осмысленность жизни и ощущение контроля над событиями (студенты видят цели, получают удовольствие от процесса и верят в свою способность влиять на результат);

– карьерные ориентации профессионально мотивированных студентов включают служение, стабильность, компетентность и вызов, т. е. внутренне обусловленные, а не только внешние мотивы;

– профессиональные мотивы связаны с продуктивными стратегиями эмоциональной регуляции – позитивным пересмотром, перефокусировкой на планировании, принятием ответственности за ошибки;

– профессионально мотивированные студенты демонстрируют компетентную коммуникацию (без агрессии и зависимости) и высокую ответственность;

– отрицательные связи с адаптивностью и уровнем общительности не являются свидетельством вреда профессиональной мотивации (данные связи отражают внутреннее напряжение,

связанное с высокой вовлеченностью, и избирательность коммуникации в пользу делового общения); однако именно эти отрицательные корреляции мы рассматриваем как маркеры зоны риска, требующие профилактического внимания: снижение адаптационных ресурсов на фоне высокой мотивации при отсутствии поддерживающих интервенций может привести к дезадаптивным формам поведения;

– профессиональные мотивы не противоречат, а скорее поддерживают соблюдение нравственных норм (терпимость, справедливость, правдивость, ответственность).

На основе полученных результатов можно предложить следующие практические шаги кураторам и преподавателям высшей школы:

– целенаправленно поддерживать профессиональную мотивацию обучающихся через развитие метакогнитивных навыков, так как профессиональная мотивация и самоорганизация усиливают друг друга;

– важно связывать учебный материал с профессиональным будущим, показывая практическую применимость знаний, так как профессиональные мотивы работают через смысложизненные ориентации;

– учитывая, что профессиональные мотивы связаны со снижением нервно-психической устойчивости, необходимо предусматривать ресурсы поддержки – обучение техникам саморегуляции, доступ к психологической помощи, что является ключевым профилактическим мероприятием, направленным на предотвращение дезадаптации и академических девиаций;

– в коммуникации стоит создавать возможности для деловой, но не агрессивной дискуссии (дебаты, круглые столы, проекты);

– в карьерных консультациях нужно делать акцент на служении и вызове, на профориентационных мероприятиях – на социальной значимости профессии;

– следует использовать профессиональную мотивацию как ресурс для развития ответственности и нравственных норм через реальные кейсы и проекты для внешних заказчиков.

Профессиональные мотивы как составляющая академической мотивации инициируют развитие когнитивных, эмоциональных и социально-личностных аспектов, способствуют формированию зрелой, ответственной и целенаправленной личности. Формирование профессиональной мотивации и развитие личностных и метакогнитивных качеств осуществляется параллельно, укрепляя общий личностный потенциал и повышая эффективность процесса образования и профессиональной социализации студентов.

Перспективы дальнейших исследований

Мы планируем углубить анализ в нескольких направлениях: во-первых, перейти от корреляционного дизайна к лонгитюдному – чтобы понять, как профессиональные мотивы меняются от курса к курсу и как это связано с динамикой других компонентов человеческого капитала, а также отследить, в каких точках образовательной траектории наиболее остро проявляются зоны риска, требующие профилактического вмешательства. Во-вторых, следует сравнить студентов разных направлений подготовки (технические, гуманитарные, естественнонаучные); возможно, структура связей профессиональных мотивов будет различаться, что позволит дифференцировать профилактические программы. В-третьих, важно добавить качественные методы (интервью, эссе), чтобы понять, как сами студенты описывают свою профессиональную мотивацию и ее связь с их жизнью в целом, а также выявить субъективные факторы уязвимости, которые не фиксируются стандартизированными опросниками. Отдельной задачей видится разработка и апробация профилактического модуля, направленного на укрепление адаптивных ресурсов у студентов с высокими профессиональными мотивами, но сниженной нервно-психической устойчивостью.

Список литературы

Ермолаева, М. В., & Лубовский, Д. В. (2020). Психологический капитал организации в контексте ресурсного и социально-психологического подходов. *Социальная психология и общество, 11*(4), 59–70. https://doi.org/10.17759/sps.2020110405

Ефимкина, Н. В., & Позин, А. И. (2024). Предикторы девиантного поведения в образовательной среде. *Психология и педагогика служебной деятельности*, (3), 30–35. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-3-30-35

Левина, Е. Ю., Балтыков, А. К., Баткаева, Я. А., Бубнова, И. С., Виноградов, С. Н., Гильманшина, С. И., Гильмеева, Р. Х., Зачиняева, Е. Ф., Камалеева, А. Р., Кац, А. С., Муллер, О. Ю., Никулин, С. Г., Панькин, А. Б., Прокофьева, Е. Н., Слепушкин, В. В., Стукалова, О. В., Трегубова, Т. М., & Шибанкова, Л. А. (2022). *Когнитивная педагогика: практика и опыт реализации*. Институт педагогики, психологии и социальных проблем. https://doi.org/10.51379/n3999-0183-9216-d

Маралов, В. Г., Кудака, М. А., & Смирнова, О. В. (2022). Разработка и апробация русскоязычной версии опросника "Психологический капитал" для использования в сфере высшего образования. *Научно-педагогическое обозрение*, (6), 168–180. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-6-168-180

Овчарова, Л. Н., Аникин, В. А., & Сорокин, П. С. (Науч. ред.). (2023). *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований*. ВЦИОМ.

Пичугин, В. Г. (2021). Психологические технологии в развитии человеческого капитала. *Экономика: вчера, сегодня, завтра, 11*(1-1), 336–349. https://doi.org/10.34670/AR.2021.40.12.038

Шибанкова, Л. А., Твардовская, А. А., & Прокофьева, Е. Н. (2024). Человеческий капитал субъекта образовательного процесса с позиции когнитивной парадигмы: Структура и характеристики. *Мир науки, культуры, образования, 6*(109), 349–353.

Шибанкова, Л. А., Твардовская, А. А., Прокофьева, Е. Н., & Кац, А. С. (2025). К вопросу об оценке человеческого капитала студентов на этапе профессиональной подготовки. *Перспективы науки и образования*, (6), 80–97. https://doi.org/10.32744/pse.2025.6.6

Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist, 37*(2), 122–147.

Becker, G. S. (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of Political Economy, 70*(5, Pt. 2), 9–49. https://doi.org/10.1086/258724

Bureau, J. S., Howard, J. L., Chong, J. X. Y., & Guay, F. (2022). Pathways to student motivation: A meta-analysis of antecedents of autonomous and controlled motivations. *Review of Educational Research, 92*(1), 46–72.

Gordeeva, T. O., Nechaeva, D. M., & Sychev, O. A. (2024). Parental control and autonomy support during childhood as predictors of students' academic motivation and success. *New Ideas in Child and Educational Psychology, 4*(3-4), 69–84.

Howard, J. L., Bureau, J. S., Guay, F., Chong, J. X. Y., & Ryan, R. M. (2021). Student motivation and associated outcomes: A meta-analysis from self-determination theory. *Perspectives on Psychological Science, 16*(6), 1300–1323.

Luthans, F. (2002). Positive organizational behavior: Developing and managing psychological strengths. *Academy of Management Perspectives, 16*(1), 57–72. https://doi.org/10.5465/ame.2002.6640181

Mammadov, S., & Schroeder, K. (2023). A meta-analytic review of the relationships between autonomy support and positive learning outcomes. *Contemporary Educational Psychology, 75*, Article 102235.

Nunez, J. C., Regueiro, B., Suárez, N., Piñeiro, I., Rodicio, M. L., & Valle, A. (2019). Student perception of teacher and parent involvement in homework and student engagement: The mediating role of motivation. *Frontiers in Psychology, 10*, Article 1384.

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology, 61*, Article 101860.

Schultz, T. W. (1961). Investment in human capital. *The American Economic Review, 51*(1), 1–17. https://www.jstor.org/stable/1818907

Slemp, G. R., Field, J. G., Ryan, R. M., Forner, V. W., van den Broeck, A., & Lewis, K. J. (2024). Interpersonal supports for basic psychological needs and their relations with motivation, well-being, and performance: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Advance online publication.

References

Ermolaeva, M. V., & Lubovskii, D. V. (2020). Psikhologicheskii kapital organizatsii v kontekste resursnogo i sotsial'no-psikhologicheskogo podkhodov. *Sotsial'naia psikhologiia i obshchestvo, 11*(4), 59–70. https://doi.org/10.17759/sps.2020110405

Efimkina, N. V., & Pozin, A. I. (2024). Prediktory deviantnogo povedeniia v obrazovatel'noi srede. *Psikhologiia i pedagogika sluzhebnoi deiatel'nosti*, (3), 30–35. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-3-30-35

Levina, E. Iu., Baltykov, A. K., Batkaeva, Ia. A., Bubnova, I. S., Vinogradov, S. N., Gil'manshina, S. I., Gil'meeva, R. Kh., Zachiniaeva, E. F., Kamaleeva, A. R., Kats, A. S., Muller, O. Iu., Nikulin, S. G., Pan'kin, A. B., Prokof'eva, E. N., Slepushkin, V. V., Stukalova, O. V., Tregubova, T. M., & Shibankova, L. A. (2022). *Kognitivnaia pedagogika: praktika i opyt realizatsii*. Institut pedagogiki, psikhologii i sotsial'nykh problem. https://doi.org/10.51379/n3999-0183-9216-d

Maralov, V. G., Kudaka, M. A., & Smirnova, O. V. (2022). Razrabotka i aprobatsiia russkoiazychnoi versii oprosnika "Psikhologicheskii kapital" dlia ispol'zovaniia v sfere vysshego obrazovaniia. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, (6), 168–180. https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-6-168-180

Ovcharova, L. N., Anikin, V. A., & Sorokin, P. S. (Nauch. red.). (2023). *Chelovecheskii potentsial: sovremennye traktovki i rezul'taty issledovanii*. VTsIOM.

Pichugin, V. G. (2021). Psikhologicheskie tekhnologii v razvitii chelovecheskogo kapitala. *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra, 11*(1-1), 336–349. https://doi.org/10.34670/AR.2021.40.12.038

Shibankova, L. A., Tvardovskaia, A. A., & Prokof'eva, E. N. (2024). Chelovecheskii kapital subekta obrazovatel'nogo protsessa s pozitsii kognitivnoi paradigmy: Struktura i kharakteristiki. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia, 6*(109), 349–353.

Shibankova, L. A., Tvardovskaia, A. A., Prokof'eva, E. N., & Kats, A. S. (2025). K voprosu ob otsenke chelovecheskogo kapitala studentov na etape professional'noi podgotovki. *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, (6), 80–97. https://doi.org/10.32744/pse.2025.6.6

Bandura, A. (1982). Self-efficacy mechanism in human agency. *American Psychologist, 37*(2), 122–147.

Becker, G. S. (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of Political Economy, 70*(5, Pt. 2), 9–49. https://doi.org/10.1086/258724

Bureau, J. S., Howard, J. L., Chong, J. X. Y., & Guay, F. (2022). Pathways to student motivation: A meta-analysis of antecedents of autonomous and controlled motivations. *Review of Educational Research, 92*(1), 46–72.

Gordeeva, T. O., Nechaeva, D. M., & Sychev, O. A. (2024). Parental control and autonomy support during childhood as predictors of students' academic motivation and success. *New Ideas in Child and Educational Psychology, 4*(3-4), 69–84.

Howard, J. L., Bureau, J. S., Guay, F., Chong, J. X. Y., & Ryan, R. M. (2021). Student motivation and associated outcomes: A meta-analysis from self-determination theory. *Perspectives on Psychological Science, 16*(6), 1300–1323.

Luthans, F. (2002). Positive organizational behavior: Developing and managing psychological strengths. *Academy of Management Perspectives, 16*(1), 57–72. https://doi.org/10.5465/ame.2002.6640181

Mammadov, S., & Schroeder, K. (2023). A meta-analytic review of the relationships between autonomy support and positive learning outcomes. *Contemporary Educational Psychology, 75*, Article 102235.

Nunez, J. C., Regueiro, B., Suárez, N., Piñeiro, I., Rodicio, M. L., & Valle, A. (2019). Student perception of teacher and parent involvement in homework and student engagement: The mediating role of motivation. *Frontiers in Psychology, 10*, Article 1384.

Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2020). Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions. *Contemporary Educational Psychology, 61*, Article 101860.

Schultz, T. W. (1961). Investment in human capital. *The American Economic Review, 51*(1), 1–17. https://www.jstor.org/stable/1818907

Slemp, G. R., Field, J. G., Ryan, R. M., Forner, V. W., van den Broeck, A., & Lewis, K. J. (2024). Interpersonal supports for basic psychological needs and their relations with motivation, well-being, and performance: A meta-analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*. Advance online publication.

Информация об авторах

Елена Николаевна Прокофьева – старший научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казанский филиал), кандидат педагогических наук.

Люция Ахметовна Шибанкова – старший научный сотрудник Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований (Казанский филиал), кандидат педагогических наук.

Ирина Сергеевна Бубнова – доцент кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, кандидат психологических наук, доцент.

About the authors

Elena N. Prokofeva – Senior Researcher at the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan Branch), Cand. Sci. (Ped.)

Liutsiia A. Shibankova – Senior Researcher at the Federal Scientific Centre for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan Branch), Cand. Sci. (Ped.)

Irina S. Bubnova – Associate Professor of the Department of Social Psychology and Management Sociology at Kuban State University, Candidate of Psychological Sciences, Cand. Sci. (Ped.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 04.05.2026
Одобрена после рецензирования 17.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted May 04, 2026
Approved after reviewing August 17, 2026
Accepted October 26, 2026

Original paper

УДК 343.915+004.738.5

Multidimensional examination and responses to juvenile delinquency risks in the short-video media environment

Guo Peng
Shanghai Police College
(Shanghai, China)
11079583335@qq.com

Yu Jun
Shanghai Police College
(Shanghai, China)
fisharmy32@163.com

Abstract

Introduction. The rapid proliferation of short-video platforms has reshaped adolescents' information reception and behavioral patterns, introducing new risks of juvenile delinquency. **Methods.** Drawing on social control theory, social learning theory, and media dependency theory, this study constructs an analytical framework to examine the impact pathways of short-video exposure on adolescent deviance, using a literature synthesis and case analysis approach. **Results.** Short videos interact with family, school, and social environments through content penetration, addiction mechanisms, social alienation, and information cocoons, forming a complex web of criminogenic factors. Multidimensional attribution reveals that individual psychological vulnerabilities, weakened family supervision, and regulatory lags jointly amplify these risks. **Discussion/Conclusion.** A tripartite governance model–"technical regulation–educational intervention–social collaboration"–is proposed, moving beyond traditional blockade-style management toward algorithmic value reconstruction, tiered content review, immersive legal education, and multi-stakeholder collaborative governance. This approach offers theoretical and practical references for preventing juvenile delinquency in the digital media era.

Keywords

short-form online videos, juvenile delinquency, deviance, attribution, risk response

Fund Project

Key Project of Shanghai Police College in 2023, "Research on the Standardization of Law Enforcement by Public Security Organs in Cases of Sexual Abuse of Minors" (23xkx72).

For citation: Guo, P., & Yu, J. (2026). Multidimensional examination and responses to juvenile delinquency risks in the short-video media environment. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 492–504.

© Го П., Юй Ц., 2026

Оригинальная статья

Многоаспектный анализ и меры противодействия рискам правонарушений среди несовершеннолетних в условиях распространения коротких видеороликов

Го Пэн
Шанхайский полицейский колледж
(Шанхай, Китай)
11079583335@qq.com

Юй Цзюнь
Шанхайский полицейский колледж
(Шанхай, Китай)
fisharmy32@163.com

Аннотация

Введение. Быстрое распространение платформ с короткими видеороликами трансформировало способы восприятия информации и поведенческие паттерны подростков, детерминируя возникновение новых рисков правонарушений среди несовершеннолетних. **Методы.** Теория социального контроля, теория социального обучения, а также теория медиазависимости определили в данном исследовании создание аналитической модели для изучения механизмов влияния просмотра коротких видеороликов на девиантное поведение подростков. Авторами использован метод синтеза научной литературы и кейс-анализа. **Результаты**. Короткие видеоролики взаимодействуют с семейной, школьной и социальной средой посредством внедрения контента, механизмов зависимости, социальной отчужденности и информационных «коконов», образуя тем самым сложную сеть криминогенных факторов. Многомерный анализ причин обнаруживает, что индивидуальные психологические уязвимости, ослабленный семейный контроль и отсутствие своевременного нормативно-правового регулирования совокупно усиливают эти риски. **Обсуждение/Заключение.** В статье описывается трехсторонняя модель управления – «техническое регулирование – образовательные меры – социальное сотрудничество», предлагающая переход от традиционных административно-запретительных мер к алгоритмической реконструкции ценностей, многоуровневой модерации контента, иммерсивному правовому просвещению и совместному управлению с участием множества заинтересованных сторон. Данный подход предлагает теоретические и практические ориентиры для предотвращения правонарушений среди несовершеннолетних в эпоху цифровых медиа.

Ключевые слова

короткие видеоролики в сети «Интернет», преступность среди несовершеннолетних, девиантное поведение, факторы риска, превентивные меры

Грантовая поддержка

Ключевой проект Шанхайского полицейского колледжа 2023 года «Исследование вопросов стандартизации правоприменительной практики органов общественной безопасности в делах о сексуальном насилии в отношении несовершеннолетних» (23xkx72)

Для цитирования: Го, П., Юй, Ц. (2026). Многоаспектный анализ и меры противодействия рискам правонарушений среди несовершеннолетних в условиях распространения коротких видеороликов. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 492–504.

1. Introduction

In recent years, the scale and usage rate of short-video users in China have continued to grow. From December 2018 to December 2023, the number of short-video users increased from 648 million to 1.053 billion. The exposure rate of minors to short videos increased significantly from 65.5% in 2019 to 96.6% in 2023 (see Figure 1).According to the Characteristics and Protection of Short-Video Use Among Primary and Secondary School Students survey report released by the China Youth and Children Research Center, 65.6% of minors have used short videos. The Research Report on Internet Use and Cybersecurity Among Chinese Youth shows that 20% of adolescents report "almost always" watching short videos. The proliferation of online short videos has reshaped the cognitive and behavioral patterns of adolescents. With its fragmented and highly stimulating content, this new media ecosystem has rapidly captured the attention of adolescents. While satisfying their entertainment needs, the uncontrollable content and precise algorithmic recommendations of short videos make adolescents prone to falling into an "information cocoon". Combined with the uneven quality of content, prolonged exposure to videos containing violence and vulgarity not only weakens adolescents' moral judgment but may also become a trigger for deviant behavior. According to a series of typical cases published by the Cyberspace Administration of China regarding internet content harmful to minors, violent, soft-pornographic, and vulgar content is increasingly common on short-video platforms. Addressing the latent criminal risks in the short-video ecosystem and responding to the juvenile delinquency risks caused by short videos has become an important topic in social governance.

2. Theoretical Examination of the Risk of Juvenile Delinquency in the Context of the Short Video Ecology

In the face of the increasingly prominent risks of juvenile delinquency in the short-video ecosystem, merely describing phenomena is insufficient to address its complexity. Classic theories provide a multidimensional lens for understanding this emerging media phenomenon. By integrating theoretical

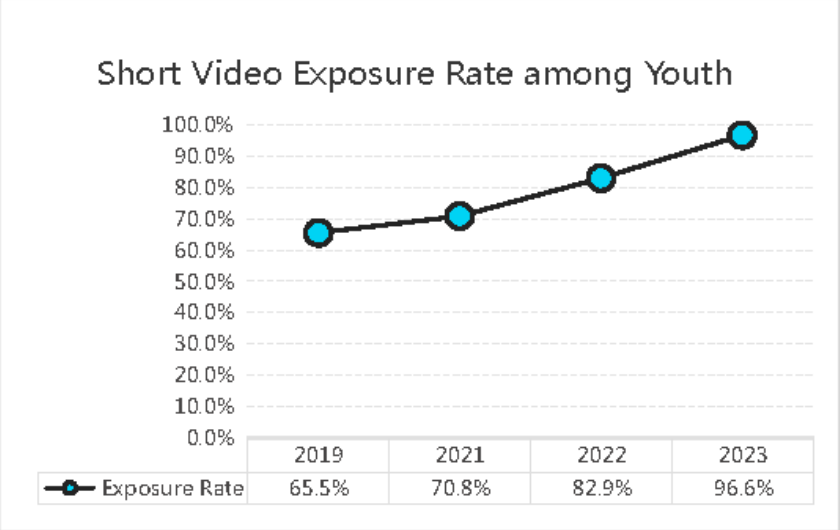

Figure: Exposure Rate of Adolescents to Short Videos from 2019 to 2023

Рисунок: Уровень вовлеченности несовершеннолетних в просмотр коротких видео, 2019–2023 гг. (доля в %)

tools, an explanatory analytical framework can be constructed to reveal the deep mechanisms through which short videos influence adolescent behavior, achieving interdisciplinary theoretical integration and academic responses to real-world issues, thereby laying a scientific foundation for developing precise intervention strategies.

2.1 Extension of Social Control Theory: Weakened Bonds and Deviant Tendencies

Control theory, a significant theory in criminology, focuses primarily on adolescent populations and is particularly important for explaining juvenile delinquency. Travis Hirschi's social control theory posits that adolescent crime stems from weakened social bonds. Adolescents with strong connections to social groups such as family, school, and peers are less likely to engage in criminal behavior. In traditional social structures, social units such as family, school, and community exert effective supervision and guidance over individual behavior through close connections and interactions, encouraging adherence to social norms and suppressing deviant and criminal behavior. However, in the thriving short-video ecosystem, adolescents are overly immersed in the virtual world, trapped in the instant gratification and diverse stimuli provided by short videos. Their connections to the real world are gradually weakened, and traditional social control mechanisms such as family and school have significantly reduced influence in virtual spaces, making them less effective. This weakening of social bonds leaves adolescents without necessary filtering and guidance when exposed to problematic content on short-video platforms, making them more susceptible to influence and creating a breeding ground for deviant behavior.

2.2. Reflection of Social Learning Theory: Behavioral Models and Imitation Effects

Social learning theory provides a unique perspective on the formation and development of individual behavior among adolescents. Bandura's social learning theory suggests that individuals can acquire learning experiences through observation without direct participation. The popularity of short videos has constructed a new discourse style and created an "imitation trend" among adolescents. Some short videos display content such as pornography, violence, pseudoscience, nihilism, and gambling, often presented in seemingly stimulating and novel ways. Due to their intuitiveness and impact, these videos strongly attract adolescents. Through imitation, replication, and cyclical dissemination, combined with the cultural cultivation of social platforms, such content easily becomes a "behavioral model" for adolescents. Prolonged exposure to such videos gradually diminishes adolescents' negative perceptions of these behaviors, even leading them to view them as "acceptable" actions. The algorithmic recommendation mechanisms of short-video platforms, based on users' viewing history and interest preferences, precisely deliver similar problematic content, trapping adolescents in a cycle of repetitive viewing and imitation. This imitation effect is not mere replication but a complex learning process. After observing behaviors in videos, adolescents store them in memory, forming behavioral patterns. When faced with similar real-world situations or emotional states, they unconsciously imitate video behaviors, thereby increasing the risk of criminal behavior.

2.3. Warnings from Media Dependency Theory: Cognitive Distortion and Disconnection from Reality

"Media dependency theory," initially proposed in 1976 by American communication scholars Melvin DeFleur and Sandra Ball-Rokeach in Dependency Patterns of Mass Communication Effects, reveals the role of media use in reshaping individual cognition and behavior. Media dependency theory posits that the higher the degree of individual dependency on media, the more susceptible their cognition and behavior are to media content. In the current short-video era, adolescents, as active user groups, often invest significant time and energy in the immersive experience of short

videos, gradually forming an excessive dependence on the virtual world, leading to a "media-mediated existence". This means that their perception of the virtual world is projected onto the real world. For individual cognition, short videos cater to adolescents' psychological needs for novelty and instant gratification. However, prolonged immersion in fragmented information from short videos trains the adolescent brain to adapt to rapid switching and superficial thinking, making it difficult to engage in deep, systematic logical analysis. When faced with complex social issues and moral dilemmas, adolescents lack comprehensive and rational judgment capabilities, making them more susceptible to the influence of negative values. At the behavioral level, high-risk behaviors such as pornography and violence in short videos are often beautified or downplayed in severity. After frequent exposure to such content, adolescents gradually reduce their vigilance and moral constraints, even viewing these behaviors as normal means of resolving conflicts or gaining benefits, which may eventually evolve into criminal behavior.

3. The Impact Mechanism of Short Videos on Juvenile Crime Risk

The impact of short videos on juvenile crime is not the result of a single factor but a complex process influenced by multiple factors. The algorithmic recommendation mechanism, addictive design, social functionality, and the cumulative effect of information acquisition together form a transmission chain of "content penetration—cognitive alienation—behavioral imitation". This paper analyzes the impact mechanism of short videos on juvenile crime risk from four dimensions: content, behavior, social interaction, and information, providing support for subsequent causal analysis and governance strategies.

3.1. Content Penetration: Value Distortion and Behavioral Imitation

In the internet era, short video platforms have become a new avenue for information dissemination and entertainment, surpassing social circles as the primary channel for adolescents to access news and information. However, the negative phenomena in the content ecosystem of these platforms have had a detrimental impact on adolescents. Examples include the incorporation of violent elements into classic animations, the use of vulgar language to alter nursery rhymes, staged videos of minors eating clay, smoking in toilets, engaging in school fights, or using sexually explicit imagery in game covers. These harmful contents attract the attention and admiration of some adolescents, eroding their moral and ethical defenses and leading to the distortion of their values. Given that adolescents' cognitive and judgment abilities are still developing, they often struggle to distinguish between harmful and non-harmful content and fail to recognize the potential dangers of negative information. The content production model of short videos under the "attention economy" resonates with negative value concepts such as "extreme individualism" and "hero worship," reinforcing adolescents' tendencies toward deviant behavior through continuous imitation. The 2021 National Report on Minors' Internet Usage found that 38,3 % of minors encountered negative or harmful information online, with the highest proportion being content related to flaunting personal wealth or family background (21,2 %), followed by content promoting a "get-rich-quick" mentality or "lying flat" ideology (16,3 %), and violent content (15,8 %). Some short videos even explicitly depict self-harm, harm to others, or detailed methods of suicide and extreme behaviors, enticing minors to imitate them out of curiosity. Survey data shows that nearly 80 % of minors learn new trends from the internet, including imitating clothing styles, speech patterns, entertainment activities, and game characters, with 8,1 % of minors attempting these new trends.

3.2. Addiction Mechanism: Cognitive Degradation and Social Alienation

The immediacy and high-stimulation nature of short videos quickly capture users' attention and provide intense sensory stimulation. Adolescents' reliance on short videos for rapid information and

instant gratification leads to reduced patience, shorter attention spans, and difficulty engaging in deep thinking or sustained learning. Studies indicate that excessive addiction to short videos floods the brain with irrelevant information, impairing its ability to process useful information and resulting in declining attention and memory. Prolonged addiction to short videos causes the brain to develop a fragmented attention allocation pattern, frequently shifting focus in pursuit of new stimuli, which destabilizes attention and increases distractibility during activities like studying. Research shows that excessive use of fast-paced short videos is associated with symptoms of attention deficit disorder, increasing the risk of such symptoms in adolescents. Additionally, the fragmented nature of short video content fosters passive information consumption, hindering active thinking and affecting the development of cognitive functions in the prefrontal cortex. This makes adolescents less capable of deep analysis and systematic thinking when faced with complex problems, thereby impacting their decision-making and problem-solving abilities. Moreover, addiction to short videos reduces real-life interactions, hindering adolescents' emotional recognition and experiential abilities. Over-reliance on short video-based social interactions decreases face-to-face communication, affecting the development of social skills such as communication and empathy, often leading to communication barriers in real-life social settings. Studies have found that adolescents with attention deficits or ADHD spend more time watching screens, and longer screen time correlates with declining language abilities. This may also lead to social alienation, making adolescents more susceptible to negative influences and increasing the risk of juvenile crime.

3.3. Social Alienation: Group Polarization and Criminal Subculture

Short video platforms serve not only as content-sharing platforms but also as "venues" for social interaction. The social functionality of these platforms fosters "circle culture", allowing adolescents to interact with other users through comments, likes, and private messages, forming specific social circles. However, such interactions may lead to group polarization, a phenomenon where individuals' views and attitudes become more extreme or uniform during group discussions and interactions. On short video platforms, adolescents gather into subcultural groups based on shared interests, such as fan circles or esports communities. These groups exhibit exclusivity and secrecy, characterized by unique norms, discourse systems, and behavioral rules that outsiders often fail to understand. Members reinforce group cohesion through specific "jargon" and interaction patterns, solidifying subgroup boundaries and creating clear divisions between different circles. This provides adolescents with identity recognition based on subgroup differentiation. If negative views and attitudes, such as contempt for social rules or acceptance of violent behavior, emerge within these groups, group polarization can entrench these harmful ideologies. Some adolescents may develop shared criminal ideologies and behavioral patterns under group influence, giving rise to criminal subcultures. These subcultures spread through the platform, attracting more adolescents and creating a vicious cycle. The wide dissemination and interactivity of short video platforms allow such criminal subcultures to spread over a broader scope, increasing the potential risk of juvenile crime.

3.4. Information Cocoon: Narrowed Horizons and Psychological Alienation

Short video platforms use big data technology to analyze and tailor content recommendations based on user interests. While this algorithm-driven content distribution mechanism attracts users' attention, it also easily traps adolescents in an information cocoon, where they are exposed only to information consistent with their interests and viewpoints, creating a closed information environment. Prolonged exposure to an information cocoon reinforces incorrect psychological, ideological, and value orientations among adolescents, leading to narrowed horizons, arrogance, blind faith, and obedience. This fosters social issues among adolescents and severely impedes their normal socialization process.

The algorithmic recommendation mechanism further exacerbates this phenomenon by reinforcing users' interest preferences. When adolescents are confined to an information cocoon, they rarely encounter diverse viewpoints, resulting in an imbalanced perception of the world and the development of arrogant and rigid psychological traits. Moreover, the information cocoon strengthens adolescents' identification with specific value systems, especially when these values are biased or negative. When adolescents frequently encounter content promoting violence, wealth flaunting, or rule-contempt, these harmful ideologies are continually reinforced within the cocoon, potentially reducing their recognition of social norms and even encouraging deviant behavior. More seriously, the information cocoon weakens adolescents' critical thinking abilities. Since algorithmically pushed content aligns with their existing interests and cognition, they seldom encounter conflicting viewpoints, leading to a lack of reflection and judgment. This cognitive rigidity makes adolescents prone to irrational judgments when faced with complex social issues, increasing their susceptibility to harmful subcultures and raising the risk of crime.

4. Multidimensional Attribution of Short Videos on Juvenile Crime Risk

The emergence of juvenile crime risk is the result of interactions among individual psychology, family environment, and social systems. This section uses a three-dimensional framework of "psychology–family–society" to conduct attribution analysis, revealing the interactions between the short video ecosystem and factors such as developmental vulnerabilities in adolescents, changes in family structure, and challenges in technological governance, and analyzing the patterns of crime risk generation.

4.1. Individual Psychological Traits: Satisfaction of Psychological Needs and Influence of Conformity Behavior

Some researchers have proposed the theory of basic psychological needs. When these needs are unmet, people seek satisfaction through various means. If they find that the internet offers greater advantages for meeting these needs than reality, they tend to seek satisfaction online, known as the online satisfaction advantage. Adolescence is a critical stage of psychological development, characterized by immature cognitive and judgment abilities, plasticity, and instability. Adolescents are curious and eager to explore the world around them. After meeting basic living needs, they pursue higher-level psychological needs such as knowledge acquisition, entertainment, and emotional expression. Studies have identified four motivations for adolescents' use of short video applications: the drive for knowledge, entertainment, emotion, and expression. Short video platforms, with their diverse content and interactive features, have become an important avenue for meeting these needs. When adolescents face academic pressure, interpersonal setbacks, or emotional deficits in real life, short videos serve as an alternative means of satisfaction. When dual disappointments in academics and interpersonal relationships lead to negative self-cognition, short videos provide virtual achievements and emotional support, reinforcing dependence on the platform. This alternative satisfaction increases exposure to and reliance on harmful content in short videos, thereby raising the risk of crime. Moreover, peer influence plays a significant role in adolescent socialization, with the conformity effect acting as a key factor. When peers widely discuss trending short video content, adolescents may feel social pressure to avoid "being left behind" and thus download and use short videos to maintain group consistency. Driven by conformity behavior, adolescents passively encounter harmful content, pursue criminal subcultures, and imitate these behaviors under group suggestions and pressure, leading to the emergence of crime risk.

4.2. Family Supervision Absence: Dysfunction and Emotional Substitution

Family supervision absence in the context of short video media is a significant inducement to increased juvenile crime risk. Parents' emotional neglect or over-control can lead to rebelliousness in adolescents, and the immediate feedback mechanism of short videos becomes an emotional substitute for these youths, weakening the educational effectiveness of the family. Research findings from the China Youth and Children Research Center show that a positive family atmosphere, harmonious parent-child relationships, and egalitarian parent-child interactions positively promote the internet literacy and online behavior of children. In today's society, parents, facing significant work pressure and life burdens, often invest substantial time and energy in maintaining family economic stability, leading to insufficient emotional support and educational investment in their children. The weakening of family functions may leave adolescents lacking necessary companionship and attention during their growth, thereby fostering feelings of loneliness and neglect. To fill the emotional void, adolescents turn to short video platforms for emotional substitution. With their rich content and interactivity, short videos provide a form of virtual emotional comfort and entertainment for adolescents. However, this emotional substitution cannot truly meet the psychological needs of adolescents and may instead exacerbate their dependence on the virtual world, further alienating them from family members. More seriously, harmful content in short videos subtly influences adolescents' values and behavioral norms. The promotion of negative lifestyles and conspicuous consumption concepts, through mechanisms of imitation and identification, encourages adolescents to pursue material enjoyment and ignore moral norms in real life, and may even lead to deviant tendencies. Additionally, family dysfunction is reflected in parental educational biases. Some parents, lacking scientific educational concepts and methods, adopt overly indulgent or overly strict educational approaches. In terms of short video use, this manifests as either ignoring adolescents' use of mobile short videos or adopting a strictly prohibitive attitude, leading to adolescent internet addiction or triggering rebelliousness, which negatively impacts their psychological and behavioral development. Furthermore, parental internet literacy varies greatly. The 2020 National Report on Minors' Internet Usage shows that 57,5 % of parents admit to limited internet knowledge, 4,1 % cannot go online, and 24,7 % acknowledge internet dependency. Parents' lack of internet literacy directly affects their ability to manage their children's internet use, leading to "simplistic and crude" or "permissive" behaviors. The interplay of weakened family functions, deviations in educational methods, and deficiencies in digital literacy leaves adolescents without proper guidance and support during their growth, making them more prone to straying onto the wrong path and increasing the risk of criminal behavior. Research also finds that junior high school students with good parent-child relationships and frequent communication with their parents about online content are more likely to use short videos for learning or information searching, and they have more moderate daily usage duration and frequency of short videos. Surveys show that among junior high school students with "very good" parent-child relationships and "frequent" communication with parents about online content, the proportion who believe their digital literacy is "very good" is the highest, at 82,2 % and 76,6 %, respectively. This indicates that a positive family atmosphere, harmonious parent-child relationships, and egalitarian parent-child interactions have a positive promoting effect on children's digital literacy and internet usage behaviors.

4.3. Lagging Social Governance: Regulatory Loopholes and Technological Challenges

The current internet regulatory system is relatively lagging and insufficient in the face of the rapid development of the short video industry. Although the country has introduced laws and regulations such as the Minor Internet Protection Regulations to standardize the short video industry, the existing regulatory system still has technical loopholes and enforcement deficiencies. On the one hand, the implementation of youth modes is limited. Despite providing specially designed age-appropriate

content recommendation modes for minors, short video platforms often find that minors prefer to watch and experience unfiltered and unsimplified full content. Survey data shows that 53,3 % of minors have used youth mode, but 46,7 % have not, and 81,8 % believe there are deficiencies in the current youth mode, with 43,4 % of youths feeling it affects their internet experience. Some short video platforms indeed have significant room for improvement in the design and implementation of youth mode. Some platforms simply distinguish between adult and minor content, leading to uninteresting or inappropriate content being pushed to minors, which affects the user experience of youth mode and weakens its guiding role in minors' online behavior. Minors can bypass restrictions by using elders' accounts or simply not selecting youth mode, leading to less-than-ideal implementation of youth mode. On the other hand, the limited nature of regulation and human resources makes comprehensive and timely review of the vast amount of short video content difficult. Platform content review mechanisms lack the ability to identify "euphemisms" and "borderline" content, allowing harmful information to continue spreading. Additionally, technological advancements pose challenges for short video regulation. While algorithmic recommendation technologies can provide personalized content recommendations based on user interests and preferences, their precision can also lead to more effective dissemination of harmful content to target users. Some platforms, by analyzing users' viewing history and search records, accurately push short videos containing elements of violence, crime, and soft pornography to minors. The low barriers to the creation and dissemination of short videos enable creators of harmful content to easily produce and upload misleading and dangerous videos, further increasing the difficulty of regulation.

5. Strategies for Addressing Juvenile Crime Risks in the Context of Short-Video Media

The prevention and control of crime risks require the establishment of a systematic and multi-level governance framework. Against the backdrop of rapid technological development and the complex evolution of the online ecosystem, addressing juvenile crime risks in the context of short-video media necessitates a dual approach: leveraging technological support and source governance to optimize the online environment, while enhancing legal awareness and digital literacy among adolescents through educational guidance. Furthermore, it is essential to mobilize societal collaboration to create a collective governance structure.

5.1. Technological Regulation: Algorithmic Values and Tiered Review Systems

5.1.1. Reconstruction of Algorithmic Values

Short-video platforms should proactively optimize their algorithmic recommendation mechanisms by embedding positive, healthy, and growth-oriented algorithmic values. By finely adjusting algorithmic parameters, platforms should prioritize the recommendation of positive, educational, and culturally valuable content, such as scientific knowledge, historical narratives, and inspirational speeches, while minimizing or eliminating the dissemination of harmful content involving violence, crime, or vulgarity. Advanced artificial intelligence technologies should be utilized to monitor and filter video content in real-time, leveraging intelligent recognition systems to detect and address inappropriate content promptly. This process should be complemented by human review teams for secondary checks to ensure content safety and health. Additionally, short-video platforms should collaborate with educational institutions, cultural organizations, and other professional bodies to co-develop high-quality content suitable for adolescents, ensuring a positive and morally sound online environment from the source.

5.1.2. Tiered Review System

A strict and detailed tiered review system should be established to comprehensively manage the classification of short-video content. Review standards should be differentiated based on the

psychological characteristics, cognitive levels, and value formation stages of adolescents across various age groups. For younger children, stringent filtering of content involving dangerous behaviors, horror elements, or negative values is essential, ensuring that videos are simple, engaging, and educationally enriching. For older adolescents, enhanced scrutiny of sensitive content related to violence, crime, or pornography is necessary. This can be achieved through a combination of human review and technological tools, conducting multi-round screenings and assessments to prevent such content from becoming a risk factor for juvenile crime. Furthermore, collaboration with professional institutions such as psychological and educational associations is crucial for developing scientifically sound review norms. Regular updates and refinements to review standards should be implemented to adapt to the evolving online environment and the developmental needs of adolescents, thereby improving the scientific rigor, accuracy, and effectiveness of the review process.

5.2. Educational Intervention: Immersive Legal Education and Home-School Collaborative Education

5.2.1. Immersive Legal Education

Schools should integrate legal education into their daily teaching systems, employing immersive educational methods to comprehensively enhance adolescents' legal awareness and understanding of the rule of law. Through diverse teaching formats such as case analysis and role-playing, adolescents can actively participate in legal practices, experiencing the solemnity of the law and the consequences of criminal behavior. Analyzing real-life cases can guide students to approach issues from a legal perspective, fostering legal reasoning and judgment skills. Role-playing exercises can help students internalize the harm and consequences of criminal acts, thereby heightening their vigilance against illegal activities. Additionally, schools should invite legal experts, police officers, and other professionals to conduct specialized lectures and training. These experts can interpret laws and regulations through their professional knowledge and practical experience, sharing strategies for preventing juvenile crime and self-protection in the digital age. This ensures that adolescents receive systematic and professional legal education within the school environment, thereby strengthening their legal consciousness and self-protection capabilities.

5.2.2. Home-School Collaborative Education

The family, as the first classroom in adolescent development, plays a critical role in preventing juvenile crime. Enhancing parents' and guardians' digital literacy and supervisory capabilities is essential. Educational departments and prosecutorial authorities should conduct preventive family education guidance through community-based initiatives, such as "entering communities, entering families, and entering schools," to comprehensively improve guardians' risk awareness and protective capabilities regarding minors' online activities. Strengthening daily supervision and guidance is equally important. Parents should regularly review the content their children access on short-video platforms to ensure compliance with social ethics, legal regulations, and platform policies. For videos involving sensitive information or potential risks of deviant behavior, timely guidance should be provided. Establishing open and equal communication mechanisms with children, combined with positive guidance and heuristic education, can enhance their self-discipline and digital literacy.

Close collaboration between schools and families is vital to forming an educational synergy. Optimizing school-based digital literacy education is crucial for mitigating crime risks associated with short-video media. As the primary educational venue for adolescents, schools should refine their curriculum systems by considering the psychological and physical characteristics of adolescents and the trends in internet development. This includes enriching teaching methods to guide minors in improving their digital literacy in areas such as understanding, navigating, and safely engaging with the internet. Digital literacy education should extend beyond functional aspects to encompass knowledge

acquisition, moral development, and self-cultivation, helping adolescents establish correct values and behavioral norms. Through home-school collaboration and interactive activities, communication and cooperation between parents and teachers can be strengthened. Joint attention to adolescents' online behavior and psychological development enables timely measures to prevent and correct negative tendencies, thereby curbing the emergence of juvenile crime risks stemming from harmful short-video content.

5.3. Collaborative Governance by Government and Enterprises: Regulatory Mechanisms and Platform Responsibilities

5.3.1. Improving Administrative Regulation Mechanisms

Refining Regulatory Implementation Details. On the current basis of a principled and framework-based protection system, relevant regulatory authorities should progressively clarify regulatory details in the field of online protection for minors. As a fundamental relief mechanism for youth online protection, administrative regulation plays an indispensable role. In this context, it is necessary to achieve a transformation in governance philosophy and regulatory measures, guiding enterprises to operate in compliance through reasonable regulation, clarifying legal boundaries, regulatory boundaries, and operational red lines for enterprises, thereby fostering a virtuous ecological cycle. In terms of the supervision and management of internet platforms, regulatory bodies need to promote their healthy development while addressing potential risks to youth online safety and legal risks arising from technological innovation. A diverse range of regulatory measures, including guidance, recommendations, consultations, and penalties, should be comprehensively employed to clarify regulatory baselines and operational red lines for platforms. This ensures that platform market behaviors comply with legal norms and the requirements for online protection of minors. Specifically, regulatory bodies should dynamically adjust regulatory strategies to strengthen supervision over platform algorithm design, content review, and user data protection, promoting a balance between innovation and compliance. At the same time, interdepartmental cooperation mechanisms should be established to integrate resources and enhance regulatory efficiency, providing institutional guarantees for the continuous optimization of the online environment for minors.

Establishing a Specialized Regulatory System. Given that adolescents, due to their immature mental development and relatively weak self-control, are prone to overusing short videos, regulatory authorities should standardize and guide the media usage behavior of adolescents. For example, the National Internet Information Office has guided 21 major domestic online video platforms to launch a "Youth Anti-Addiction System". This system limits adolescents' usage time and content exposure through technical means, aiming to guide them in forming healthy media usage habits and reducing the potential negative impact of short video content on them.

Intensifying Regulatory and Rectification Efforts. Persistent efforts should be made to combat the dissemination of harmful information such as violence and vulgarity, with measures including the suspension of non-compliant accounts and the removal of inappropriate content from short video platforms. Platforms that spread harmful content or violate laws and regulations should be subject to strict legal penalties to create a strong deterrent effect. Relevant regulatory authorities should establish a regular inspection mechanism to periodically check and assess short video platforms, promptly identify issues, and urge rectification.

5.3.2. Strengthening Internet Platform Responsibilities

Enhancing Content Review and Self-Regulation. Internet platforms should strengthen internal self-regulation, standardize platform operations, and establish and improve internal review mechanisms and content management standards. Actively governing the platform's online ecosystem, platforms

should effectively implement the review and verification of content closely related to adolescents, such as platform-based social interactions and online community cultures. Platforms should proactively enhance anti-addiction mechanisms and strictly combat content and behaviors that infringe upon the legitimate rights and interests of adolescents. By strengthening content verification through technical means, platforms can build a barrier between adolescents and inappropriate content, strictly control content production processes, and effectively resist the negative impact of vulgar and violent information on adolescents. For example, platforms can learn from Facebook's algorithm-based review mechanism to eliminate low-quality and vulgar information, ensuring the quality and safety of user media usage.

Empowering Digital Growth of Adolescents. Short video platforms should fully leverage their empowering role in the digital growth of adolescents, providing content and services that meet the developmental needs of adolescents by utilizing their unique features and advantages. Through online short videos, platforms can promote traditional culture for public benefit and support educational growth, fully guiding the positive role of short video media. At the same time, platform content producers should be held more accountable. Short video content producers should fully consider the target audience of their works, especially clearly marking content that may endanger adolescents, such as adding conspicuous warning labels like "Dangerous Content, Do Not Imitate". These preemptive warning measures can effectively alert adolescent audiences and reduce the likelihood of them imitating harmful behaviors. Additionally, content producers should consciously standardize their creative behaviors, abandoning harmful content such as vulgarity, violence, and negative values, and instead creating content with greater educational significance and cultural value.

6. Conclusion and Outlook

The risks of juvenile crime triggered by short videos are a concentrated manifestation of multiple contradictions involving technology, education, and society. This paper proposes a "trinity-based governance model", which breaks through the traditional "blockade-style" management mindset and emphasizes the integration of technological empowerment and humanistic care. By implementing efforts in technological regulation, educational intervention, and societal co-governance, this model effectively mitigates the risks posed by short videos to juvenile crime. Future research could further explore the differential impacts of short videos on adolescents of different age groups, as well as the potential transformation of juvenile crime patterns due to emerging video technologies such as AI. This would provide theoretical support for building a shared digital destiny for youth, achieving a win-win situation between the healthy development of the short video industry and the effective protection of adolescents' growth rights.

References

Deci, E. L., & Ryan, R. M. (2000). The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry, 11*(4), 227–268. https://doi.org/10.1207/S15327965PLI1104_01

Fang, Y., Ji, W., & Shen, J. (Eds.). (2024). *Annual report on the internet use of Chinese minors (2024)*. Social Sciences Academic Press.

Guo, S., & Zhang, X. (2022). Re-evaluation of Bandura's social learning theory: From the perspective of cultural psychology. *Psychological Research, 15*(2), 99–104. https://doi.org/10.19988/j.cnki.issn.2095-1159.2022.02.001

Hill, M. M., Gangi, D., Miller, M., Rafi, S. M., & Ozonoff, S. (2020). Screen time in 36-month-olds at increased likelihood for ASD and ADHD. *Infant Behavior and Development, 61*, Article 101484. https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2020.101484

Li, Y., Wang, J., Wang, Z., Liu, J., Lv, J., Ge, Y., & Du, Y. (2025). The relationship between excessive use of short videos and inattention and junior high school students' school refusal

behavior. *Chinese Mental Health Journal, 39*(1), 49–56. http://cmhj.cn/journal/portal/cmhj/client/paper/5cc1bb6af654c9792c251813ae367073

Liu, Q.-X., Fang, X.-Y., Wan, J.-J., & Zhou, Z.-K. (2016). Need satisfaction and adolescent pathological internet use: Comparison of satisfaction perceived online and offline. *Computers in Human Behavior, 55*, 695–700. https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.09.048

Vold, G. B., Bernard, T. J., & Snipes, J. B. (2005). *Theoretical criminology* (P. Fang, Trans.; 5th ed.). China University of Political Science and Law Press. (Original work published 1958).

Wang, D. (2023, May 1). Professor Wang Zhenhui of China University of Political Science and Law talks about short videos: Focus on preventing negative impacts on adolescents. *People's Livelihood Weekly*, p. 5. http://paper.people.com.cn/mszk/html/2023-05/01/content_25984167.htm

Wang, Y., & Jiang, Z. (2024). Analysis of juvenile crime risks influenced by online short videos. *Research on Prevention of Juvenile Delinquency*, (4), 30–34. http://yfqsnfzyj.llyj.net/lunwen/itemid-268687.shtml

Xu, B. (2023). *Research on the influencing factors of adolescent cyber deviance: Taking students from three provinces in China as the research object* [Doctoral dissertation, China University of People's Public Security].

Zhang, B. (2021). *The relationship between adolescents' short video use and attention deficit hyperactivity disorder* [Master's thesis, Southwest University].

Информация об авторах

Го Пэн – преподаватель кафедры правовых дисциплин Шанхайского полицейского колледжа, соискатель ученой степени кандидата наук Восточно-китайского университета политологии и права.

Юй Цзюнь – заместитель заведующего кафедры правовых дисциплин Шанхайского полицейского колледжа, доцент.

About the authors

Guo Peng – Lecturer, Department of Legal Teaching and Research, Shanghai Police College Ph.D. Candidate, East China University of Political Science and Law.

Yu Jun – Deputy Director & Associate Professor, Department of Legal Teaching and Research, Shanghai Police College.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 31.07.2026
Одобрена после рецензирования 02.09.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted July 31, 2026
Approved after reviewing September 02, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 343.9

Субкультурные неформальные объединения: механизм формирования преступного поведения и его влияние на совершенствование уголовного законодательства

Андрей Николаевич Берестовой
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
(Санкт-Петербург, Россия)
andreyberestovoy@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0805-900X

Павел Валерьевич Цветков
Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»
(Санкт-Петербург, Россия)
pavel.tsvetkov.71@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1724-6125

Аннотация

Постановка проблемы: в статье исследуется криминологический механизм влияния субкультурных неформальных объединений на формирование преступного поведения личности. На основе анализа современных деструктивных субкультур, включая цифровые сообщества, раскрываются этапы вовлечения индивидов в криминальную деятельность и предлагаются меры правового противодействия. **Цели и задачи:** выявление криминологических закономерностей формирования преступного поведения у людей, входящих в субкультурные неформальные объединения, и их влияние на разработку предложений по совершенствованию уголовного законодательства РФ. **Методы:** в работе использованы общенаучные и частнонаучные методы: системный анализ, социологический, психологический и сравнительно-правовой подходы. **Результаты:** установлено, что субкультурные неформальные объединения выступают средой криминальной социализации, где происходит замещение правовых ценностей делинквентными нормами. Выделены стадии вовлечения личности – от знакомства с группой до полного подчинения ее нормам. Особую опасность представляют цифровые сообщества, формирующие «криминальную киберсоциализацию» через трансляцию установок, мотивов и технических навыков совершения преступлений.

Ключевые слова

субкультурные объединения, неформальные группы, криминальная социализация, уголовное законодательство, несовершеннолетние, профилактика преступности

Для цитирования: Берестовой, А. Н., Цветков, П. В. (2026). Субкультурные неформальные объединения: механизм формирования преступного поведения и его влияние на совершенствование уголовного законодательства. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 505–516.

© Берестовой А. Н., Цветков П. В., 2026

Original paper

Subcultural informal associations: The mechanism of the formation of criminal behavior and its influence on the improvement of criminal legislation

Andrey N. Berestovoy
North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Saint Petersburg, Russia)
andreyberestovoy@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0805-900X

Pavel V. Tsvetkov
North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev (Saint Petersburg, Russia)
pavel.tsvetkov.71@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1724-6125

Abstract

Problem statement: The article examines the criminological mechanism through which subcultural informal associations influence the formation of criminal behavior in individuals. Based on an analysis of contemporary destructive subcultures, including digital communities, the article reveals the stages of individuals' involvement in criminal activity and proposes legal countermeasures. **Aims and objectives:** To identify the criminological patterns in the formation of criminal behavior among individuals belonging to subcultural informal associations, and to examine their influence on the elaboration of proposals for improving the criminal legislation of the Russian Federation. **Methods:** The study employs general scientific and specific scientific methods, including systems analysis and sociological, psychological and comparative-legal approaches. **Results:** The study found that subcultural informal associations serve as an environment for criminal socialisation, in which legal values are replaced by delinquent norms. The stages of an individual's involvement were identified, ranging from initial contact with the group to complete submission to its norms. Digital communities are particularly dangerous, as they shape "criminal cyber-socialisation" by transmitting attitudes, motives and technical skills for committing crimes.

Keywords

subcultural associations, informal groups, criminal socialisation, criminal legislation, minors, crime prevention

For citation: Berestovoy, A. N., Tsvetkov, P. V. (2026). Subcultural informal associations: The mechanism of the formation of criminal behavior and its influence on the improvement of criminal legislation. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 505–516.

В последнее время все больше средств массовой информации и специализированных правовых изданий уделяют внимание проблеме неформальных субкультурных объединений антиобщественной направленности, обладающих высокой степенью общественной опасности, что ставит законодателя перед необходимостью правового реагирования на различные их проявления.

Сама по себе проблема субкультурных объединений не нова. Различного рода сообщества существуют еще со времен СССР. Желание выделиться из общей массы, каким-то образом самоутвердиться в подростковой или молодежной среде в силу определенной возрастной специфики было присуще не только современной молодежи, но и поколениям, жившим во времена СССР. Различаются только способы самоутверждения. Современные социологи утверждают, что «в условиях шоу-цивилизации легче всего привлечь к себе внимание посредством эффектных, даже эпатажных действий» (Капитонова, 2024, с. 27). Достаточно вспомнить так называемых квадроберов, которые так же внезапно исчезли, как и появились.

В СССР формирование личности советского человека осуществлялось поэтапно. Сначала школьник становился октябренком, затем вступал в пионерскую организацию и далее в комсомол, и эта система действовала весьма эффективно. В тот период тоже существовали некие субкультурные объединения молодежи, но чаще это воспринималось как нечто экзотическое. Можно вспомнить так называемых стиляг, гопников, металлистов, панков, мажоров. Как правило, это были практически безобидные объединения по интересам, однако и с ними правоохранительная система вела борьбу, в первую очередь, как с последствиями чуждой (по тому времени) идеологии. Без сомнения, перечисленные молодежные группы не обладали такой степенью общественной опасности, которая могла бы привести к их криминализации.

Вопрос о предпосылках появления субкультурных объединений или групп интересен в том числе и с исторической точки зрения. Некоторые авторы считают, что исторически первыми субкультурными объединениями в России, конечно, с определенной долей условности, можно считать тайные общества декабристов. В поддержку данного тезиса можно привести следующие признаки сообщества декабристов, характерные для субкультурных объединений: особый язык и манера общения (как известно, декабристы в общении между собой отказывались от светской болтовни и светского французского языка); особый стиль поведения (подчеркнутая серьезность, улыбки и светская любезность воспринимались декабристами как лицемерие); отличительный внешний вид (члены тайных обществ декабристов предпочитали строгий стиль в одежде, намерено избегали роскоши, демонстративно носили русские кафтаны, как позже славянофилы); идеологический раскол (декабристы, в основном молодые офицеры, прошедшие Отечественную войну 1812 г., отвергали идеологические ценности старшего поколения, господствующие в обществе). В научном обороте немало работ, посвященных изучению субкультурных объединений и определению присущих им основных признаков. Они могут в чем-то отличаться в зависимости от позиций авторов, но в целом можно выделить следующие основные признаки:

– создание подобного рода объединений и групп происходит в определенных исторических условиях, обусловлено конкретными жизненными реалиями и имеет лидеров, формирующих идеи и нравственные ориентиры;

– отличный от принятого в обществе поведенческий уклад внутри группы или сообщества;

– существование группы (сообщества) связано с обособленностью, закрытостью общения между членами группы или объединения;

– в некоторых случаях демонстрация принятой в сообществе атрибутики и т. д.

Проводимые исследования свидетельствуют, что «начало истории молодежного вопроса в России связано с началом XX в., хотя именно в этот период речи не шло ни о какой субкультуре, более того, о деструктивном или антиобщественном поведении несовершеннолетних и молодежи. Советский Союз символизировал молодежь как “светлое будущее”, и эта часть идеологии того времени была результатом существующего образа мышления. И только с начала 50-х годов XX в. возникают девиантные тенденции в молодежной среде, когда под влиянием западного общества в стране появляются так называемые “стиляги” – первая молодежная субкультура,

но это был выбор меньшинства и не получил такого развития, как на Западе. Затем, в 1960-х годах, появились "хиппи", "волнисты". В конце 70-х – начале 80-х годов образовалось движение, именуемое как "панки". А в конце 80-х годов уже в газетах и журналах активно печатают статьи про "панков", "металлистов", "рокеров", "волнистов". И уже более 60 % молодых людей немногочисленными группами по 10–20 человек объединяются в неформальные объединения, треть из которых уже со своими правилами и лидерами» (Омельченко, 2000, с. 80–92).

В статье, посвященной вопросу деструктивных молодежных объединений, Е. А. Перепелова выделяет несколько групп молодежных объединений, существовавших в советский период. «В советский период молодежные объединения делились на три группы: первая – "положительные", к ним относились общественно-политические клубы и объединения; вторые – "нейтральные" или "эпатажные", это скейтбордисты, волнисты, металлисты, рокеры, кришнаиты, панки; третья – "отрицательные", характеризующиеся антиобщественным поведением: фашисты, шовинисты, националистические и прокапиталистические группы, и к ним же могли относить панков, рокеров и металлистов» Перепелова, 2024, с. 68).

Развал целенаправленной политики государства по формированию личности достойного члена общества в период перестройки и в 90-х годах XX в. в итоге привел к смене личностных ориентиров постперестроечного поколения. Мерилом ценностей стали материальные блага, которые молодые люди стремились получить любым способом. Отсюда и зарождавшиеся в 90-е годы прошлого тысячелетия субкультурные неформальные объединения, часть которых начала приобретать антиобщественную, а порой и экстремистскую направленность.

Сегодня проблема субкультурных сообществ, обладающих повышенной степенью общественной опасности, является предметом научных дискуссий. В последнее время появился ряд научных статей по этой теме (Астафьева, 2008; Багров и др., 2020; Берестовой, 2024, 2025; Мондохонов, 2020; Родин, 2019)[1].

Первый вопрос, который следует разрешить, начиная исследование данной проблемы, это вопрос терминологии, в связи с чем нужно определиться с понятием «деструктивное поведение». Специализированная юридическая литература и научные исследования в области психологии предлагают несколько вариантов определения деструктивного поведения.

Деструктивное поведение личности – это дезадаптивно-направленный процесс взаимодействия личности со средой, характеризующийся индивидуальными особенностями субъекта, имеющий форму поступков или реакций» (Куликов, & Злоказов, 2006). «Деструктивный» дословно понимается как разрушительный, нарушающий установленный порядок, сложившиеся нормы[2]. Толковый словарь С. И. Ожегова определяет слово «деструктивный» как разрушительный, неплодотворный. Подобное определение данного термина мы находим и в большом словаре иностранных слов, где «деструктивный» (лат. *destructivus*) интерпретируется как «ведущий к разрушению чего-либо, разрушительный, неплодотворный»[3].

Во всех приведенных определениях прослеживается разрушительный момент, направленный на что-либо. В нашем случае, очевидно, разрушению подвергаются общественный уклад на данном историческом этапе, устоявшиеся в обществе нормы морали и нравственности.

Следующим понятием, которое требует научного определения, является понятие «субкультура». В научной литературе существует несколько определений данного понятия.

---

[1] Берестовой, А. Н. (2025). Уголовно-правовое противодействие общественно опасным проявлениям субкультуры в сети «интернет». *Российский девиантологический журнал, 5*(1), 147–166. https://doi.org/10.35750/2713-0622-2025-1-147-166

[2] Макаренко, В. А. (Ред.). (2000). *Краткий словарь современных понятий и терминов* (3-е изд., дораб. и доп.). Республика, с. 144.

[3] Булыко, А. Н. (2008). *Большой словарь иностранных слов: 35 тысяч слов* (2-е изд., испр.). Мартин.

«Субкультура», как, впрочем, и базовое понятие «культура», «представляет собой совокупность определенных воззрений, нравственных установок, стереотипов поведения, характерных для определенных объединений людей» (Перепелова, 2024, с. 69). Толковый словарь С. И. Ожегова трактует «субкультуру» как сферу культуры, существующую внутри господствующей культуры и имеющую собственные ценностные установки.

Говоря современным языком, «под субкультурой, понимается особая форма организации людей (чаще всего молодежи), автономное целостное образование внутри господствующей культуры, определяющее стиль жизни, мышления и языка ее носителей»[4].

Как и всякое социальное явление, субкультура обладает отличительными признаками или чертами. В упомянутой работе Е. А. Перепеловой определены следующие отличительные черты, характеризующие субкультурные сообщества: создание идейными вдохновителями «своего мира», с присущими только им ценностями и мировоззрением; стремление к нонконформизму, своеобразному поведению и образу жизни; демонстрация специфической атрибутики (Перепелова, 2024, с. 69)[5].

Данные черты или признаки в большей мере характерны для «классических» субкультурных объединений. Проблема состоит в том, что уровень современного технологического развития общества предлагает его членам все больше и больше возможностей, в том числе в плане коммуникации. В настоящее время существует масса возможностей для общения людей без непосредственного физического контакта между ними, в первую очередь через интернет. Это касается и субкультурных объединений, которые стали приобретать формы неких интернет-сообществ, в отдельных случаях с присущими им деструктивными чертами.

Для исследователей-криминалистов, несомненно, интересен процесс (механизм) формирования преступного поведения в такого рода сообществах. Подобного рода субкультурные объединения, как правило, изначально не имели какой-либо деструктивной, антиобщественной направленности, а представляли собой некие объединения по интересам[6]. Закономерен вопрос, что явилось причиной или триггером для смены вектора развития того или иного субкультурного объединения или группы. Проиллюстрировать этот процесс можно на примере стрим-движения. Ответ следует искать в механизме формирования преступного поведения.

Механизму формирования преступного поведения посвящено значительное количество научных работ, так как этот вопрос всегда интересовал ученых-криминологов. Необходимо отметить, что сам механизм формирования преступного поведения личности нельзя рассматривать в отрыве от конкретных исторических, экономических и социальных условий, в которых эта личность находится.

«Личность человека, выступая в единстве всех ее социальных, нравственных и психологических свойств, формируется в процессе жизни и деятельности человека. Вступая во взаимосвязи с окружающими людьми, человек усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия и представления, социальные и культурные ценности, приобретает новые потребности, интересы и стремления» (Антонян и др., 1981, с. 20). Вместе с тем человек не является пассивным объектом, на который воздействуют внешние факторы и условия. Человек в зависимости от условий и доступных ему возможностей формирует условия своей жизни, а соответственно и личность. Внешние условия, в которых такая личность формируется, в какой-то мере и обусловливают направление формирования личности конкретного человека.

---

[4] Макаренко, В. А. (Ред.). (2000). *Краткий словарь современных понятий и терминов* (3-е изд., дораб. и доп.). Республика, с. 530.

[5] Там же.

[6] Например: треш-стрим зародился как безобидное комментирование компьютерных игр.

Смысл формирования личности (биологической и социальной) видится в том, чтобы конкретный человек оказался максимально приспособленным к среде, в которой находится в настоящий момент, причем «в активном овладении закономерностями природной и социальной действительности для их использования на благо личности и общества» (Антонян и др., 1981, с. 20).

В целом поддерживая данное утверждение, добавим: формирование личности необходимо рассматривать с позиции существующих исторических реалий. Процесс зарождения тех или иных субкультурных сообществ проходил в конкретных исторических, социальных и экономических условиях, которые не могли не отложить своего отпечатка на особенности формирования личности их участников, в том числе групповой морали и нравственности.

В нашем исследовании акцент в основном делается на субкультурные объединения с выраженной антиобщественной, деструктивной направленностью, которая со временем может привести или приводит к их криминализации. Этот процесс прослеживается по временным периодам зарождения тех или иных субкультурных сообществ. Например, треш-стримеры как движение (на первых порах довольно безобидное) зародилось в период появления интернет-игр как простое комментирование игровых ситуаций. В дальнейшем произошел качественный сдвиг продвигаемого треш-стримерами контента в сторону криминализации, что послужило основанием для государственного правового реагирования посредством введения уголовно-правового и административного запрета определенных действий в интернете.

Возникает несколько вопросов: 1) являются ли неформальные субкультурные объединения малыми социальными группами; 2) каков механизм формирования преступного поведения в рамках малой социальной группы; 3) что послужило триггером смещения акцентов в проводимых треш-стримерами эфиров от безобидного комментирования до совершения уголовно наказуемых деяний в прямом эфире.

Думается, разрешение поставленных вопросов следует начинать с выявления признаков, присущих малым социальным группам в неформальных субкультурных объединениях, причем акцентировать внимание на субкультурных объединениях, обладающих ярко выраженной антисоциальной, деструктивной и противоправной направленностью.

Научным направлениям в отраслевых науках (криминология, социология, психология и т. д.), предметом изучения которых являются малые социальные группы, в последнее время уделяется большое внимание. В первую очередь, научный интерес связан с определением признаков малых социальных групп и способов воздействия на формирование личности участника такой группы. Это широкий круг вопросов, который в целом не относится к рассматриваемым здесь вопросам. Анализируя субкультурные неформальные объединения как малые социальные группы, прежде всего, мы акцентируем внимание на вторичных малых социальных группах[7].

Вторичные малые социальные группы – это общности индивидуумов, которые связаны между собой при помощи безличных отношений, чаще всего это неэмоциональное взаимодействие между участниками. У членов таких объединений есть общая цель, но между ними отсутствует межличностное взаимодействие (например, коллектив студентов, профессиональный коллектив и т. д). Мы отмечаем наличие данных признаков у неформальных субкультурных объединений.

Важно обратить внимание на то, что формирование личности любого члена современного общества – это многогранный и противоречивый процесс. Иногда под воздействием внешних факторов, таких как социально-политическая, экономическая обстановка в стране, изменение

[7] К первичным малым социальным группам традиционно относят коллективы личностей, где присутствуют близкие отношения, тесные отношения носят неформальный характер (например, семья).

нравственных ориентиров в рамках всего общества вследствие перестроечных процессов в государстве, отсутствие выстроенной государственной молодежной политики, смена ценностных ориентиров (разрушение старых и поиск новых), неудовлетворенность экономическим положением, отсутствие перспектив повышения благосостояния населения в силу экономического положения в стране, личность (процесс ее формирования) приобретает антиобщественную ориентацию. Это выражается в деформации потребностей, мотивов, нравственности и иных социальных ценностей, что, в свою очередь, приводит к появлению в поведении человека деструктивных моментов.

Раскрытие причин противоправного поведения человека «непосредственно связано с проникновением в механизм нравственного формирования личности ее деформации и социального отчуждения» (Тарарухин, 1974, с. 5).

Личность человека, понимаемая как единство всех ее социальных, нравственных, культурных и психологических свойств и признаков, формируется в процессе повседневной жизни конкретного индивида. В ежедневном взаимодействии с окружающими членами общества человек усваивает нормы поведения, социальные, нравственные и правовые понятия и представления, а также культурные ценности общества, членом которого он является. В ходе такого взаимодействия человек приобретает и новые потребности, новые интересы и стремления.

Вместе с тем личность не является неким пассивным объектом, на который воздействуют окружающие его социальные и экономические условия. Каждый человек, естественно, в определенных пределах, формирует и условия своей жизни, и собственную личность.

Под воздействием негативных, не соответствующих потребностям конкретного человека условий, в нравственном формировании личности происходит обратный процесс: образуется некий разрыв между свойствами личности и требованиями окружающей действительности. В первую очередь, это относится к таким категориям и свойствам личности, как потребности и интересы, нормы нравственности и представления о праве, привычные формы (стереотипы) поведения и оценки их самим субъектом (а также самооценка своей собственной личности) (Антонян и др., 1981, с. 21). В такой ситуации человек не способен в полной мере адаптироваться к социальной среде, в которой должен осуществлять взаимодействие с другими людьми, жить и работать.

Исследуя проблему механизма формирования преступного поведения, необходимо обозначить и основные источники нравственного формирования личности. К ним относятся, во-первых, сама личность в совокупности со всеми ее меняющимися свойствами; во-вторых, малые социальные группы – семья, школа, вуз, трудовой коллектив в которых происходит непосредственное формирование личности; в-третьих, современное общество в целом, в повседневном общении с которым на человека осуществляется политическое, идеологическое, культурно-воспитательное и иное воздействие через средства массовой информации, и др.

В контексте современных реалий следует обратить внимание на роль средств массовой информации в процессе формирования личности современного человека. В настоящее время манипулированию общественным сознанием и его составляющей – сознанием конкретного человека посвящены многочисленные научные исследования и разработки в области нейропсихологии. Данный инструмент становится также и средством идеологической войны.

Современные подростки, не нашедшие себя в окружающей их общественной среде, не имеющие конкретной жизненной мотивации, обусловленной видением конкретных жизненных перспектив, связанных с учебой, дальнейшим творческим и профессиональным развитием и, как следствие, обеспеченным материальным благосостоянием в будущем, находят выход в такого рода сообществах. Число этих сообществ велико: современная коммуникативная среда предоставляет возможности для получения любой информации, что позволяет подростку

найти единомышленников, находящихся в похожей жизненной ситуации. Как следствие, у такой несформировавшейся личности появляется чувство некой своей востребованности.

Интересные статистические данные приводит в своем исследовании Е. А. Перепелова: «Проведенный опрос ВЦИОМ об осведомленности деятельности групп деструктивной направленности в сети "Интернет" показал, что о пабликах, пропагандирующих деструктивные идеи, знают немногие, порядка 18 % и 16 % подростков и взрослых соответственно. 98 % подростков ежедневно пользуются сетью "Интернет", и 89 % ежедневно просматривают социальные сети. Вместе с тем причинами проявления интереса к таким группам со стороны подростков являются психологические проблемы самих подростков (49 %) и конфликты со сверстниками (31 %). Причиной участия в деструктивных группах 60 % подростков называют последствия каких-либо проблем в обыденной жизни» (Перепелова, 2024, с. 68).

Как отмечает Е. А. Перепелова, «в таком состоянии они становятся удобной платформой для их использования в преступных целях организаторами и сторонниками групп деструктивной направленности, пропагандирующих отрицание общепринятых духовно-нравственных ценностей, намерения и реализацию радикальных высказываний, дискредитирующих деятельность государственной власти, и дальнейшие провокации в отношении представителей власти, пропаганду межнациональной или межконфессиональной розни, призыв к деструктивным действиям и т. д.» (Перепелова, 2024, с. 69).

По мнению В. В. Кирюхина, «деструктивные сообщества формируют у несовершеннолетних отрицательное отношение к закону, разрушительно воздействуют на их сознание и нравственность, а при “грамотном руководстве” могут способствовать их трансформации в “боевую единицу” для преступлений, экстремистских проявлений, проведения протестных акций, массовых беспорядков» (Кирюхин, 2021, с. 93).

Именно в таких сообществах и происходит первичный процесс формирования антиобщественной направленности личности его участника. Этот процесс происходит намного быстрее, если в неформальном субкультурном сообществе существует лидер или организатор, который преследует свои цели и умело манипулирует не сформировавшимися в морально-нравственном плане участниками сообщества или объединения.

Несколько иная ситуация складывается в неформальных субкультурных объединениях, возникших, как правило, стихийно, из сообществ «по интересам» (как это произошло с треш-стримерами (Грачева & Маликов, (2021, с. 204)), в которых нет ярко выраженных лидеров или руководителей, а есть так называемые авторитеты, заслужившие такое звание своими достижениями. Мерилом достижений в интернет-сообществах, как правило, является количество подписчиков и доходы, получаемые от трансляций контента. Следуя за такого рода лидерами, участники, причисляющие себя к данному сообществу, стремятся достичь такого же уровня популярности и материального благосостояния. Такая жизненная перспектива видится им вполне успешной, тем более этому способствуют средства массовой информации, рекламирующие возможность финансового достатка без приложения значимых трудовых и творческих усилий на благо общества и государства. Это, видимо, и является основным триггером смены вектора развития подобного рода субкультурных сообществ. Несколько в ином ключе происходило становление и развитие движения пранкеров. Пранки, изначально будучи основой различных развлекательных шоу[8], постепенно становились более массовыми и более жесткими, чтобы набрать большую аудиторию смотрящих, которую впоследствии авторы пранков старались монетизировать в том или ином виде. Как утверждает Е. А. Капитонова, «тот факт, что розыгрыш смешит публику и изначально ставит себе целью развлечение, а не создание какой-либо угрозы, еще не означает, что его жертве в процессе не может быть

[8] Достаточно вспомнить телепередачу «Розыгрыш» на первом канале.

причинен физический, психический либо репутационный вред» (Капитонова, 2024, с. 30). А. В. Поливанов полагает, что «это явление обладает всеми признаками девиантного поведения – негативная оценка со стороны социума, наличие прямого умысла, повторяемость действий и признак социальной дестабилизации» (Поливанов, 2021, с. 101–102). Аналогичное замечание можно сделать и в отношении движения "пикаперов", но с известными оговорками и присущими только им особенностями (Шипунова, 2014).

Что касается административно-правовых и уголовно-правовых средств противодействия антиобщественным проявлениям, обладающим некоторой степенью общественной опасности, то они, помимо ужесточения наказания, в основном ориентируются на введение запретительных мер (как это было в отношении треш-стримеров (Берестовой, 2024)), что уже в значительной мере сделано. Следует обратить внимание на возможность включения в статьи УК РФ квалифицирующих признаков, связанных с публичной демонстрацией действий, причинивших вред потерпевшему. В отдельных составах преступлений данные признаки следовало бы непосредственно увязать с причиненным вредом. Например, ч. 2 ст. 128[1] УК РФ могла бы иметь следующую редакцию: «Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая интернет, либо в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных, причинившая существенный вред правам и законным интересам граждан», определив за данное деяние более строгое наказание. Такая конструкция составов помимо профилактической задачи даст возможность привлекать к ответственности за противоправные действия в ситуациях с так называемыми пранками или пикаперами в случае наступления последствий действий, связанных с причинением существенного вреда потерпевшему.

В настоящее время ситуация в данной сфере меняется в лучшую сторону с точки зрения профилактики вовлечения несовершеннолетних лиц в субкультурные объединения (сообщества), имеющие определенную антиобщественную направленность. Заметим, что не все подростки интересуются неформальными молодежными субкультурами, и положение дел не столь пессимистично, как могло бы показаться. Несовершеннолетним в настоящее время государство предлагает альтернативные варианты для восполнения нехватки социализации. В первую очередь, это всевозможные молодежные организации, которые призваны решить проблему корректировки сбоя социализации (Левикова, 2017, с. 781). Однако таких организаций сегодня явно недостаточно, и проблема требует более пристального внимания со стороны государства и общества.

Список литературы

Антонян, Ю. М., Барановский, Н. А., Дагель, П. С., Дубовик, О. Л., Кудрявцев, В. Н., Петелин, Б. Я., & Шавгулидзе, Т. Г. (1981). *Механизм преступного поведения* (В. Н. Кудрявцев, Ред.). Наука.

Астафьева, В. С. (2008). Субкультурные объединения как объекты социального управления. *Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации*, (129), 118–123.

Багров, С. А., Устюгов, С. Н., & Яковлев, И. М. (2020). Актуальные вопросы изучения криминальной субкультуры. Мультидисциплинарный подход и возможности противодействия. *Закон и право*, (11), 124–126. https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10537

Берестовой, А. Н. (2024). Законодательная регламентация вопросов противодействия новым формам девиантного поведения в сети «Интернет». *Вестник Санкт-Петербургского*

университета МВД России, (3), 152–160. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160

Берестовой, А. Н. (2025). Социальная обусловленность и вопросы противодействия проявлениям девиантного поведения в сети Интернет. В *Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник научных статей по результатам работы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 ноября 2024 года* (с. 324–332). Центр научно-информационных технологий «Астерион».

Грачева, Ю. В., & Маликов, С. В. (2021). Треш-стрим: Социальная обусловленность криминализации. *Актуальные проблемы российского права, 16*(6), 202–210. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210

Ильченко, С. Н. (2014). *Шоу-цивилизация: конец реальности?* ИВЭСЭП.

Капитонова, Е. А. (2024). Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации. *Уголовное право*, (2), 24–34. https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24

Кирюхин, В. В. (2021). О некоторых соображениях по противодействию скулшутингу в Российской Федерации: американские уроки. В С. Л. Мельникова (Ред.), *Актуальные проблемы защиты прав и свобод граждан: историко-теоретические и правовые аспекты: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Тула, 26 февраля 2021 года* (с. 89–97). Тульский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России).

Куликов, В. Б., & Злоказов, К. В. (2006). Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, (3), 89–92.

Левикова, С. И. (2017). Неформальная молодежная субкультура в России: уход в небытие или повторение пройденного? В В. И. Герасимов (Ред.), *Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 01–30 декабря 2016 года* (Вып. 12, ч. 1, с. 779–783). Институт научной информации по общественным наукам РАН.

Мондохонов, А. Н. (2020). Криминализация деятельности запрещенных организаций. *Российская юстиция*, (3), 50–53.

Омельченко, Е. Л. (2000). *Молодежные культуры и субкультуры*. Институт социологии РАН.

Перепелова, Е. А. (2024). Деструктивные субкультурные сообщества несовершеннолетних как угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Административное право и процесс*, (5), 67–70. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-67-70

Поливанов, А. В. (2021). Пранк как новая форма девиантного поведения. *Алтайский юридический вестник*, (3), 98–103.

Родин, С. Г. (2019). Понятие и сущность криминальной субкультуры. *Вестник Воронежского института МВД России*, (2), 287–291.

Тарарухин, С. А. (1974). *Преступное поведение. Социальные и психологические черты*. Юридическая литература.

Шипунова, Т. В. (2014). Особенности социального контроля девиантности: общее и специфическое (на примере интернет-проекта «пикап»). *Социологические исследования*, (12), 127–136.

References

Antonyan, Iu. M., Baranovskii, N. A., Dagel', P. S., Dubovik, O. L., Kudriavtsev, V. N., Petelin, B. Ia., & Shavgulidze, T. G. (1981). *Mekhanizm prestupnogo povedeniia* (V. N. Kudriavtsev, Red.). Nauka.

Astaf'eva, V. S. (2008). Subkul'turnye ob"edineniia kak obekty sotsial'nogo upravleniia. *Nauchnyi vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoi aviatsii*, (129), 118–123.

Bagrov, S. A., Ustiugov, S. N., & Iakovlev, I. M. (2020). Aktual'nye voprosy izucheniia kriminal'noi subkul'tury. Mul'tidistsiplinarnyi podkhod i vozmozhnosti protivodeistviia. *Zakon i pravo*, (11), 124–126. https://doi.org/10.24411/2073-3313-2020-10537

Berestovoi, A. N. (2024). Zakonodatel'naia reglamentatsiia voprosov protivodeistviia novym formam deviantnogo povedeniia v seti «Internet». *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, (3), 152–160. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-152-160

Berestovoi, A. N. (2025). Sotsial'naia obuslovlennost' i voprosy protivodeistviia proiavleniiam deviantnogo povedeniia v seti Internet. V *Ugolovnaia politika i pravoprimenitel'naia praktika: Sbornik nauchnykh statei po rezul'tatam raboty Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 01 noiabria 2024 goda* (s. 324–332). Tsentr nauchno-informatsionnykh tekhnologii «Asterion».

Gracheva, Iu. V., & Malikov, S. V. (2021). Tresh-strim: Sotsial'naia obuslovlennost' kriminalizatsii. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava, 16*(6), 202–210. https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.127.6.202-210

Il'chenko, S. N. (2014). *Shou-tsivilizatsiia: konets real'nosti?* IVESEP.

Kapitonova, E. A. (2024). Pranki, tresh-strimy i drugie novye formy deviantnykh deistvii, sovershaemykh v pogone za populiarnost'iu: problemy kvalifikatsii. *Ugolovnoe pravo*, (2), 24–34. https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24

Kiriukhin, V. V. (2021). O nekotorykh soobrazheniiakh po protivodeistviiu skulshutingu v Rossiiskoi Federatsii: amerikanskie uroki. V S. L. Mel'nikova (Red.), *Aktual'nye problemy zashchity prav i svobod grazhdan: istoriko-teoreticheskie i pravovye aspekty: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Tula, 26 fevralia 2021 goda* (s. 89–97). Tul'skii institut (filial) federal'nogo gosudarstvennogo biudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego obrazovaniia «Vserossiiskii gosudarstvennyi universitet iustitsii» (RPA Miniusta Rossii).

Kulikov, V. B., & Zlokazov, K. V. (2006). Destruktivnoe povedenie: teoretiko-metodologicheskii aspekt. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, (3), 89–92.

Levikova, S. I. (2017). Neformal'naia molodezhnaia subkul'tura v Rossii: ukhod v nebytie ili povtorenie proidennogo? V V. I. Gerasimov (Red.), *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiia: Ezhegodnik, Moskva, 01–30 dekabria 2016 goda* (Vyp. 12, ch. 1, s. 779–783). Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN.

Mondokhonov, A. N. (2020). Kriminalizatsiia deiatel'nosti zapreshchennykh organizatsii. *Rossiiskaia iustitsiia*, (3), 50–53.

Omel'chenko, E. L. (2000). *Molodezhnye kul'tury i subkul'tury*. Institut sotsiologii RAN.

Perepelova, E. A. (2024). Destruktivnye subkul'turnye soobshchestva nesovershennoletnikh kak ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii. *Administrativnoe pravo i protsess*, (5), 67–70. https://doi.org/10.18572/2071-1166-2024-5-67-70

Polivanov, A. V. (2021). Prank kak novaia forma deviantnogo povedeniia. *Altaiskii iuridicheskii vestnik*, (3), 98–103.

Rodin, S. G. (2019). Poniatie i sushchnost' kriminal'noi subkul'tury. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, (2), 287–291.

Tararukhin, S. A. (1974). *Prestupnoe povedenie. Sotsial'nye i psikhologicheskie cherty*. Iuridicheskaia literatura.

Shipunova, T. V. (2014). Osobennosti sotsial'nogo kontrolia deviantnosti: obshchee i spetsificheskoe (na primere internet-proekta «pikap»). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, (12), 127–136.

Информация об авторах

Андрей Николаевич Берестовой – доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», кандидат юридических наук, доцент.

Павел Валерьевич Цветков – старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева», кандидат юридических наук.

About the authors

Andrey N. Berestovoy – Associate Professor of the Department of Criminal Law at the North-Western Branch of North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Pavel V. Tsvetkov – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law at the North-Western Branch of the North-West branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Cand. Sci. (Jurid.).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 27.08.2026
Одобрена после рецензирования 28.09.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted August 27, 2026
Approved after reviewing September 28, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 004.056:343.43

Онлайн-похищения – решения по профилактике с точки зрения технологий

Зунг Ван Чу
Академия народной полиции Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам
(Ханой, Социалистическая Республика Вьетнам)
chuvandung68@gmail.com
ORCID: 0009-0009-7800-0290

Аннотация

Введение. Онлайн-похищение – новая разновидность интернет-мошенничества, которая демонстрирует тенденцию роста как по степени изощренности, так и по масштабу воздействия. В отличие от традиционных похищений данный способ не опирается на физическое принуждение, а использует персональные данные, цифровые платформы и технологические инструменты для создания ложных чрезвычайных ситуаций. Это позволяет манипулировать эмоциями жертвы и парализовать ее способность проверять информацию. **Методы.** В статье рассматриваются основные характеристики, типичные сценарии и технологические факторы, способствующие развитию онлайн-похищений. Особое внимание уделяется роли социальных сетей, подмене личности, онлайн-коммуникационным платформам и технологиям искусственного интеллекта. **Результаты.** Выявлены ключевые этапы преступного сценария: сбор персональных данных, выбор цели, создание ложного сценария с использованием технологии DeepFake и подмены номеров, искусственного дефицита времени и эмоционального давления на жертву, предотвращение перекрестной проверки, требование перевода средств через трудно отслеживаемые каналы. На этой основе предлагается система многоуровневой профилактики с акцентом на применение технологий раннего выявления, предупреждения и проактивного управления цифровыми рисками.

Ключевые слова

онлайн-похищение, виртуальное похищение, виртуальное преследование, дипфейк, кибербезопасность, цифровые преступления

Для цитирования: Чу, З. В. (2026). Онлайн-похищения – решения по профилактике с точки зрения технологий. *Российский девиантологический журнал*, 6(3), 517–525.

Original paper

Virtual kidnapping – preventive measures from a technological perspective

Zung Van Chu
People's Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam
(Hanoi, Socialist Republic of Vietnam)
chuvandung68@gmail.com
ORCID: 0009-0009-7800-0290

© Чу З. В., 2026

Abstract

Introduction. Virtual kidnapping is a new form of internet fraud demonstrating a growing trend in both sophistication and scale of impact. Unlike traditional kidnappings, this method does not rely on physical coercion, but instead uses personal data, digital platforms and technological tools to fabricate emergencies. This approach enables perpetrators to manipulate the victims' emotions and paralyse their ability to verify information. **Methods.** The article examines the key characteristics, typical scenarios and technological factors contributing to the rise of virtual kidnapping. Particular attention is paid to the role of social media, identity theft, online communication platforms and artificial intelligence technologies. **Results.** The key stages of the criminal scenario have been identified: personal data collection; target selection; false scenario creation using DeepFake technology and caller ID spoofing with artificial time pressure and emotional manipulation of the victim; prevention of cross-checking; and demands for fund transfers through hard-to-trace channels. On this basis, a multi-level prevention system is proposed, with an emphasis on the application of early detection technologies, warning systems and proactive digital risk management.

Keywords

virtual kidnapping, virtual stalking, deepfake, cybersecurity, digital crime

For citation: Chu, Z. V. (2026). Virtual kidnapping – preventive measures from a technological perspective. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6(3), 517–525.

Введение

В последние годы новый вид изощренный мошенничества – онлайн-похищение (или виртуальное похищение) приобретает все больший размах как во Вьетнаме, так и во всем мире. Эта тема привлекает внимание ученых-теоретиков и специалистов-практиков. Многие авторы определяют онлайн-похищение как организованную форму мошенничества с возрастающей степенью сложности. Преступники создают целенаправленные сценарии угроз, заставляя жертв поверить, что их близкий человек похищен или находится в непосредственной опасности, это приводит жертву в состояние паники и ведет к утрате способности проверять информацию. Исследования показывают, что современные цифровые технологии существенно изменили способы совершения похищений и мошенничества: злоумышленники используют открытые данные, цифровые платформы и средства связи для персонализации преступных сценариев, делая их более убедительными (Global Guardian, 2025; Vietnam.vn, 2025; Maras & Arsovska, 2023). Это означает, что онлайн-похищение следует рассматривать как явление на стыке киберпреступности, социального мошенничества и манипуляции поведением.

Согласно отчету Министерства общественной безопасности, во Вьетнаме в период 2024–2025 гг. было зафиксировано около 50 случаев онлайн-похищений (Департамент кибербезопасности и предотвращения преступлений с использованием высоких технологий, 2025). Сценарии таких преступлений быстро развиваются и становятся все более изощренными. Преступники в основном выдают себя за сотрудников полиции, прокуратуры или других уполномоченных органов, чтобы оказывать психологическое давление и вынудить жертвы изолироваться от семьи, прекратить связь с кем-либо и следовать инструкциям (Министерство общественной безопасности, 2025; Чанг, 2025; Май, 2025; Бинь, 2025). Наиболее уязвимыми группами являются школьники, студенты и подростки, особенно те, кто живет вдали от дома или недостаточно владеет навыками поведения в цифровой среде (Чанг, 2025; Vietnam.vn, 2025; VietnamNet, 2026). Примечательно, что эти действия носят уже не случайный характер, а становятся целенаправленными атаками: злоумышленники активно собирают информацию из социальных сетей и открытых источников, чтобы персонализировать сценарии угроз –

от имени, возраста и места учебы до личных связей и маршрутов передвижения. Поддержка со стороны технологий искусственного интеллекта (ИИ), включая технологии DeepFake, позволяющие подделывать голос, изображения, видео и использовать утекшие данные в интернете, делает фальшивые доказательства (видеозвонки, документы, изображения, аудиозаписи) более убедительными, тем самым значительно увеличивая возможности манипулировать жертвами (Global Guardian, 2025; Cyber Guru, 2023; VietnamNet, 2026). Последствия таких преступлений заключаются не только в финансовом ущербе, но и в длительных психологических травмах для жертв и их семей – панике, стрессе и снижении доверия к цифровой среде (VietnamNet, 2026). Следовательно, всестороннее изучение механизмов функционирования и роли технологий в данном виде преступлений необходимо для разработки эффективных мер профилактики.

Распространенные сценарии и технологические особенности, используемые при онлайн-похищениях

Онлайн-мошенничество представляет собой форму обмана, при которой преступники создают ситуацию, будто жертва или ее близкие были похищены, находятся в серьезной опасности, чтобы вынудить потерпевших перевести деньги, предоставить информацию или выполнять указания преступников (Global Guardian, 2025). Ключевая особенность этой схемы в том, что фактического похищения может не происходить; вместо этого преступники используют состояние паники и неспособность жертвы проверить информацию для достижения своих целей – завладения имуществом или контроля над поведением (Министерство общественной безопасности, 2025).

Исследование случаев онлайн-похищений показывает, что сценарии, создаваемые преступниками, обычно включают следующие этапы:

Первый шаг – сбор персональных данных. Источниками являются открытые данные в социальных сетях, информация, утекшая с цифровых платформ, а также цифровые следы, которые можно найти с помощью поисковых инструментов для установления имени, возраста, семейных связей, места учебы (работы), привычек и мест частого пребывания жертвы (Global Guardian, 2025; Cyber Guru, 2023). Кроме того, используются мошеннические техники, такие как фишинг (phishing), захват SIM-карты (SIM swap) и взлом аккаунтов, чтобы расширить точки входа для доступа к персональным данным, получить контроль над устройством или аккаунтом жертвы до реализации сценария угрозы (Global Guardian, 2025; Cyber Guru, 2023). Это базовый этап, позволяющий преступникам создавать персонализированные сценарии. На практике персональные данные позволяют киберпреступникам заранее подготовить множество различных схем мошенничества (Министерство общественной безопасности, 2025).

Второй шаг – выбор цели. Целью чаще всего становятся молодые люди, школьники, студенты или те, кто живет вдали от семьи, поскольку эта группа легче изолируется и часто имеет высокую эмоциональную зависимость от семьи (Чанг, 2025; VietnamNet, 2026). Кроме того, злоумышленники предпочитают людей с высокой активностью в социальных сетях, так как о них проще собрать информацию и использовать ее для правдоподобности угроз (Cyber Guru, 2023).

Третий шаг – создание ложного сценария. Имея достаточные данные, злоумышленники придумывают ситуации, например: родственник похищен, находится под следствием полиции, имеет долги или его жизнь находится под угрозой. Затем используются мессенджеры, VoIP и подмена «имени бренда» (brand name) государственных органов, банков и т. д. для повышения достоверности (Министерство общественной безопасности, 2025; Global Guardian, 2025; Cyber Guru, 2023). Особенно активно в последнее время применяется технология DeepFake

для создания поддельных голосов, изображений и видео с высокой степенью реалистичности, вызывающих шок у жертвы, усиливая ее эмоциональную реакцию и снижая способность к проверке информации. Чем ближе сценарий к реальным данным жертвы, тем выше вероятность успеха.

Четвертый шаг – создание искусственного дефицита времени и эмоционального давления на жертву. Злоумышленники обычно утверждают, что у жертвы есть лишь несколько минут для выполнения требований, иначе последствия будут серьезными. Срочность снижает способность к анализу и проверке, заставляя реагировать инстинктивно, а не рационально (Global Guardian, 2025). Это ключевой психологический прием данного вида преступлений.

Пятый шаг – предотвращение перекрестной проверки. Злоумышленники часто требуют, чтобы жертва выключила телефон, удалила сообщения, не связывалась с родственниками или перешла на другую платформу. Некоторые сценарии также заставляют жертву оставаться в закрытом помещении, не встречаться с посторонними или постоянно сообщать о своем состоянии, чтобы устранить возможность независимой проверки (Министерство общественной безопасности, 2025; Чанг, 2025; VietnamNet, 2026). Когда каналы информации контролируются, жертве становится труднее выйти из состояния манипуляции.

Шестой шаг – требование перевода денег через трудно отслеживаемые каналы, такие как криптовалюта, цифровые подарочные карты и т. п. Злоумышленники обычно требуют быстрого перевода средств через электронные кошельки, промежуточные счета, цифровые деньги или другие трудно отслеживаемые платежные каналы (Global Guardian, 2025). Цель этого этапа – максимально увеличить время обнаружения и замести следы транзакций; во многих случаях после получения денег мошенники сразу прекращают контакт и удаляют цифровые следы.

Анализ последовательности этих этапов показывает, что онлайн-похищение является результатом взаимодействия цифровых технологий и механизмов поведенческой манипуляции, а не просто формой телефонного мошенничества (Global Guardian, 2025; Maras & Arsovska, 2023). Технологии выступают как средство, а эффективность преступления обусловлена сочетанием трех факторов: подробных персональных данных, возможности подделки голоса или изображения и состояния паники у жертвы. Иначе говоря, технологии сами по себе не создают мошенничество, но усиливают персонализацию, повышают достоверность сценариев и расширяют масштаб атак (Cyber Guru, 2023). С точки зрения криминологии, технологии снижают издержки совершения преступления, расширяют охват и позволяют злоумышленникам тестировать различные сценарии с меньшим риском (Cyber Guru, 2023; Maras & Arsovska, 2023). Таким образом, изучение дел об онлайн-похищениях показывает необходимость рассмотрения следующих аспектов использования технологий.

1. Необходимо оценить роль цифровых платформ и открытых данных в содействии преступной деятельности. Недавние случаи показывают, что изображения, голос, распорядок дня, социальные связи и идентификационная информация часто утекает или извлекается из онлайн-среды, создавая условия для построения убедительных мошеннических сценариев (Cyber Guru, 2023; Global Guardian, 2025; Министерство общественной безопасности, 2025). В связи с этим защита персональных данных – это не только вопрос конфиденциальности, но и мера предотвращения преступлений.

2. Следует проанализировать, как преступники используют технологические инструменты для автоматизации сбора информации, создания фальшивого контента и поддержания многоканальной связи с жертвой. Сочетание чат-ботов, генераторов текста, подделки идентификации звонков, технологий дипфейка и мессенджеров позволяет им экономить время, одновременно усиливая психологическое давление на жертву (Cyber Guru, 2023; Global Guardian, 2025). Это свидетельствует о растущем уровне профессионализации преступной деятельности.

3. Необходимо оценить текущие технологические уязвимости, включая слабую аутентификацию, возможность подмены телефонных номеров, отсутствие инструментов обнаружения поддельного голоса и механизмов раннего оповещения на телекоммуникационных платформах (Cyber Guru, 2023; Global Guardian, 2025). Когда системы аутентификации и обнаружения аномалий недостаточно эффективны, пользователи легко вводятся в заблуждение сигналами, которые кажутся легитимными.

4. Следует четко обозначить переход от «реагирования после инцидента» к «обнаружению до инцидента». Вместо вмешательства только после того, как жертва уже обманута, профилактические меры должны сосредоточиться на анализе аномального поведения, выявлении рискованных моделей взаимодействия и раннем предупреждении на основе данных и сетевых сигналов. Такой подход лучше соответствует природе онлайн-похищений, поскольку это поведение во многом зависит от скорости, психологии и способности контролировать информацию в реальном времени.

3. Предложение модели профилактических мер

Исходя из изложенного выше автор предлагает четырехуровневую модель профилактики, включающую уровень личности, семьи, технологических платформ и правоохранительных органов, в сочетании с информационно-просветительской работой и обучением. Этот подход основан на реальности онлайн-похищений, которые представляют собой не единичный акт мошенничества, а цепочку атак, основанных на данных, психологии и технологиях (Global Guardian, 2025; Министерство общественной безопасности, 2025). Эффективность профилактики может быть достигнута только при интеграции технологических решений с цифровым образованием и межведомственными механизмами реагирования.

3.1. Меры на уровне отдельных пользователей и семьи

Для отдельных пользователей и семей приоритетом является снижение риска утечки данных, которые могут быть использованы в мошеннических сценариях. Пользователям следует усилить защиту конфиденциальности в социальных сетях, ограничить публичное раскрытие идентификационной информации, маршрутов передвижения, геолокации в реальном времени, семейных связей и других чувствительных цифровых следов (Cyber Guru, 2023; Global Guardian, 2025).

Кроме того, семьям рекомендуется внедрить механизм так называемого семейного проверочного кода – код или секретный вопрос, известный только близким членам семьи, используемый для подтверждения личности в экстренных ситуациях (Global Guardian, 2025). Этот механизм помогает снизить риск, когда злоумышленники выдают себя за родственников или заставляют жертву поверить угрозам по телефону. В то же время многие современные приложения имеют функции семейной связи, такие как Family Link (Microsoft), Family (iOS), позволяющие отправлять уведомления родственникам при взломе аккаунта или подозрительной активности входа.

3.2. Меры на уровне цифровых платформ и поставщиков услуг

Для цифровых платформ и поставщиков услуг основное внимание уделяется раннему выявлению аномалий в звонках, сообщениях и поведении учетных записей. Системы могут быть разработаны для распознавания подозрительных звонков в режиме реального времени, особенно повторяющихся шаблонов, анонимных номеров, поддельных номеров или номеров, связанных с мошенническими кампаниями (Global Guardian, 2025). В сочетании с пользовательскими жалобами платформа может своевременно предупреждать получателей звонков или присваивать уровень риска подозрительным номерам.

Другим важным направлением является обнаружение дипфейков с помощью инструментов выявления аномалий в аудио, изменений голоса или моделей синтеза речи, что значительно повышает эффективность предупреждений. Одновременно платформы должны усиливать проверку учетных записей и борьбу с цифровым мошенничеством, включая проверку устройств регистрации, выявление аномального входа в систему и признаков копирования профилей.

3.3. Решения на уровне государственных органов

Для государственных органов ключевой задачей является создание систем приема, анализа и раннего предупреждения. Вместо обработки отдельных случаев органы должны иметь возможность агрегировать информацию от граждан, операторов связи, банков и цифровых платформ для выявления групп мошеннической активности (Министерство общественной безопасности, 2025; Полиция провинции Фу Тхо, 2025). При интеграции данных из разных источников технологии ИИ способны анализировать шаблоны для обнаружения ключевых слов, структуры звонков, цепочек взаимодействий и подозрительных финансовых потоков (Cyber Guru, 2023), что позволяет выявлять повторяющиеся мошеннические кампании, подозрительные номера или сценарии, распространяющиеся по регионам, возрастным группам или платформам. В связи с этим необходима межведомственная координация между государственными структурами, телекоммуникационными компаниями, банками и образовательными учреждениями для пресечения мошеннических цепочек на разных этапах – от звонков и финансовых операций до поддержки жертв.

3.4. Образовательные и информационные меры

Целью этих мер является повышение способности общества к распознаванию и реагированию, особенно среди школьников, студентов и молодежи, живущих вдали от семьи (Чанг, 2025; VietnamNet, 2026), путем распространения навыков цифровой безопасности. Это включает проверку источников информации, подтверждение личности звонящего, распознавание подозрительных признаков и правильные действия в случае угроз (Министерство общественной безопасности, 2025; Полиция провинции Фу Тхо, 2025). Это первая линия защиты и одновременно наиболее устойчивая, поскольку напрямую влияет на осведомленность и поведение групп риска.

Кроме того, коммуникации следует сосредоточить на типичных ситуациях и признаках распознавания, а не ограничиваться общими предупреждениями. Когда пользователи получают доступ к реалистичным моделям, им легче представить, как действует злоумышленник, и запомнить необычные моменты, требующие проверки (Чанг, 2025; Vietnam.vn, 2025; VietnamNet, 2026). Информационные материалы по группам риска также должны разрабатываться с учетом каждой целевой аудитории, что повышает эффективность профилактики благодаря персонализации сообщений в соответствии с конкретным рисковым контекстом.

Заключение

Онлайн-похищение является разновидностью киберпреступности, которая распространяется все шире. Его отличительная черта – сочетание психологических манипуляций, подделки личности и использования персональных данных для создания сценариев угроз, вынуждающих жертву или ее семью в короткие сроки переводить деньги. Примечательно, что этот вид преступления не зависит от физического ограничения свободы, а в основном направлен на парализацию способности жертвы проверять информацию и принимать решения. Этого мошенники достигают посредством создания дефицита времени, изоляции коммуникаций

и представления фальсифицированных доказательств, поддерживаемых цифровыми технологиями. Практика показывает, что для эффективного противодействия недостаточно реакции после инцидента: необходима многоуровневая модель профилактики, когда частные лица и семьи контролируют открытую информацию, цифровые платформы усиливают выявление аномалий, а государственные органы создают системы раннего предупреждения, анализируют данные и координируют межведомственное взаимодействие. Наряду с этим важно развивать цифровую грамотность и проводить целевые информационные кампании для групп риска, чтобы повысить способность пользователей к самозащите. С технологической точки зрения наиболее подходящим будет переход от пассивного реагирования к проактивному управлению цифровыми рисками, при котором технологии не только не становятся объектом злоупотреблений, но и выступают центральной платформой системы профилактики.

Список литературы

Бинь, В. Т. (2025, 13 ноября). *Предупреждение о мошеннической схеме «онлайн-похищения»* [Cảnh giác với thủ đoạn lừa đảo "Bắt cóc online"]. Полиция провинции Фу Тхо. https://congan.phutho.gov.vn/article/Canh-giac-voi-thu-doan-lua-dao-Bat-coc-online-19688-34

Департамент кибербезопасности и предотвращения преступлений с использованием высоких технологий. (2025). *Отчет о результатах работы по обеспечению кибербезопасности и предотвращению преступлений с использованием высоких технологий* [Báo cáo kết quả công tác bảo đảm an ninh mạng và phòng, chống tội phạm sử dụng công nghệ cao].

Май, К. (2025, 11 октября). *Разоблачение схем «онлайн-похищения»* [Vạch trần thủ đoạn "bắt cóc online"]. Газета «Народная общественная безопасность». https://cand.com.vn/Cong-nghe/vach-tran-thu-doan-bat-coc-online-i784336/

Министерство общественной безопасности. (2025). *Предупреждение о новых формах мошенничества «онлайн-похищение».* https://bocongan.gov.vn/bai-viet/canh-bao-bien-tuong-thu-doan-bat-coc-online-1757302259

Чанг, Х. (2025, 5 ноября). *Приемы «онлайн-похищения», направленные против молодежи* [Những thủ đoạn "bắt cóc trực tuyến" nhằm vào người trẻ]. Газета «Народная армия». https://www.qdnd.vn/xa-hoi/cac-van-de/nhung-thu-doan-bat-coc-truc-tuyen-nham-vao-nguoi-tre-1010233

Cyber Guru. (2023, 16 октября). *Искусственный интеллект и виртуальное похищение: новая угроза из даркнета* [Artificial intelligence and virtual kidnapping: The new threat from the dark web]. https://www.cyberguru.it/en/2023/10/16/artificial-intelligence-and-virtual-kidnapping-the-new-threat-from-the-dark-web/

Global Guardian. (2025, 30 апреля). Виртуальное похищение: как это работает и как его предотвратить [Virtual Kidnapping: How It Works—and How to Prevent It]. https://www.globalguardian.com/global-digest/virtual-kidnapping

Leiner, M., de la Rosa, J. M., & de Vargas, C. (2025). The virtual kidnapping of youth by social media advertising. *Journal of Pediatric and Neonatal Individualized Medicine (JPNIM), 14*(1), e140105. https://doi.org/10.7363/140105

Maras, M.-H., & Arsovska, J. (2023). Understanding the intersection between technology and kidnapping: A typology of virtual kidnapping. *International Criminology, 3*(2), 162–176. https://doi.org/10.1007/s43576-023-00091-4

Vietnam.vn. (2025, 25 сентября). *Эксперты раскрывают тактику «онлайн-похищения» в деле о пропавшей студентке* [Experts decipher the "online kidnapping" tactics in the case of the missing female student]. https://www.vietnam.vn/en/chuyen-gia-giai-ma-thu-doan-bat-coc-online-trong-vu-nu-sinh-vien-mat-tich

VietnamNet. (2026). *Когда страх заменяет силу: как мошенничество с «онлайн-похищением» нацелено на поколение Z* [When fear replaces force: How “online kidnapping” scams prey on Gen Z]. https://vietnamnet.vn/en/when-fear-replaces-force-how-online-kidnapping-scams-prey-on-gen-z-2483376.html

References

Bin', V. T. (2025, 13 noiabria). *Preduprezhdenie o moshennicheskoi skheme «onlain-pokhishcheniia»* [Cảnh giác với thủ đoạn lừa đảo “Bắt cóc online”]. Politsiia provintsii Fu Tkho. https://congan.phutho.gov.vn/article/Canh-giac-voi-thu-doan-lua-dao-Bat-coc-online-19688-34

Departament kiberbezopasnosti i predotvrashcheniia prestuplenii s ispol'zovaniem vysokikh tekhnologii. (2025). *Otchet o rezul'tatakh raboty po obespecheniiu kiberbezopasnosti i predotvrashcheniiu prestuplenii s ispol'zovaniem vysokikh tekhnologii* [Báo cáo kết quả công tác bảo đảm an ninh mạng và phòng, chống tội phạm sử dụng công nghệ cao].

Mai, K. (2025, 11 oktiabria). Razoblachenie skhem «onlain-pokhishcheniia» [Vạch trần thủ đoạn “bắt cóc online”]. *Gazeta «Narodnaia obshchestvennaia bezopasnost'»*. https://cand.com.vn/Cong-nghe/vach-tran-thu-doan-bat-coc-online-i784336/

Ministerstvo obshchestvennoi bezopasnosti. (2025). *Preduprezhdenie o novykh formakh moshennichestva «onlain-pokhishchenie»*. https://bocongan.gov.vn/bai-viet/canh-bao-bien-tuong-thu-doan-bat-coc-online-1757302259

Chang, Kh. (2025, 5 noiabria). Priemy «onlain-pokhishcheniia», napravlennye protiv molodezhi [Những thủ đoạn “bắt cóc trực tuyến” nhằm vào người trẻ]. *Gazeta «Narodnaia armiia»*. https://www.qdnd.vn/xa-hoi/cac-van-de/nhung-thu-doan-bat-coc-truc-tuyen-nham-vao-nguoi-tre-1010233

Cyber Guru. (2023, 16 oktiabria). *Iskusstvennyi intellekt i virtual'noe pokhishchenie: novaia ugroza iz darkneta* [Artificial intelligence and virtual kidnapping: The new threat from the dark web]. https://www.cyberguru.it/en/2023/10/16/artificial-intelligence-and-virtual-kidnapping-the-new-threat-from-the-dark-web/

Global Guardian. (2025, 30 aprelia). *Virtual'noe pokhishchenie: kak eto rabotaet i kak ego predotvratit'* [Virtual Kidnapping: How It Works—and How to Prevent It]. https://www.globalguardian.com/global-digest/virtual-kidnapping

Leiner, M., de la Rosa, J. M., & de Vargas, C. (2025). The virtual kidnapping of youth by social media advertising. *Journal of Pediatric and Neonatal Individualized Medicine (JPNIM), 14*(1), e140105. https://doi.org/10.7363/140105

Maras, M.-H., & Arsovska, J. (2023). Understanding the intersection between technology and kidnapping: A typology of virtual kidnapping. *International Criminology, 3*(2), 162–176. https://doi.org/10.1007/s43576-023-00091-4

Vietnam.vn. (2025, 25 sentiabria). *Eksperty raskryvaiut taktiku «onlain-pokhishcheniia» v dele o propavshei studentke* [Experts decipher the “online kidnapping” tactics in the case of the missing female student]. https://www.vietnam.vn/en/chuyen-gia-giai-ma-thu-doan-bat-coc-online-trong-vu-nu-sinh-vien-mat-tich

VietnamNet. (2026). *Kogda strakh zameniaet silu: kak moshennichestvo s «onlain-pokhishcheniem» natseleno na pokolenie Z* [When fear replaces force: How “online kidnapping” scams prey on Gen Z]. https://vietnamnet.vn/en/when-fear-replaces-force-how-online-kidnapping-scams-prey-on-gen-z-2483376.html

Информация об авторе

Генерал-майор Чу Ван Зунг – Заместитель начальника Академии народной полиции Министерства общественной безопасности Социалистической Республики Вьетнам.

About the author

Major General Chu Van Zung – Deputy Head of the People's Police Academy of the Ministry of Public Security of the Socialist Republic of Vietnam.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 06.07.2026
Одобрена после рецензирования 19.09.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted July 07, 2026
Approved after reviewing September 19, 2026
Accepted October 26, 2026

Оригинальная статья

УДК 343.85

Общее и частное предупреждение преступлений: телеологический контекст

Константин Викторович Корсаков
Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)
korsakovekb@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2967-9884

Аннотация

Введение. В научной статье рассматриваются актуальные для криминологии и уголовно-правовой доктрины проблемы общей и частной превенции преступлений в контексте их законодательного целеполагания. Отмечается несовершенство существующих законодательных формулировок целей общего и специального предупреждения и предлагаются направления его преодоления. Выделены основные средства достижения и критерии эффективности общего и частного предупреждения преступного поведения в пенитенциарной практике и в процессе законодательной пенолизации. Изучены дискуссионные вопросы соотношения общей и частной превенции, а равно т.н. «юридического» исправления как целей уголовного наказания. **Методы исследования.** Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (обобщение, методы индукции и дедукции, анализ и синтез) и частнонаучных методов (историко-правовой и документарный – анализ текстов нормативных правовых актов и пр.). **Результаты.** Результаты проведенного исследования имеют теоретическую значимость, так и выражены в форме конкретных законодательных предложений и рекомендаций. Предлагается изменить содержание ч. 2 ст. 43 УК РФ: исключить из него слово «новых» и изложить его в части, касающейся общей и частной превенции, следующим образом: «*…предупреждение совершения преступлений осужденным и другими лицами*». Ввиду выявленного противоречия аргументировано предложение об исключении из формулировки ч. 2 ст. 43 УК РФ слова «применяется» и изложении нормы права в указанной части статьи посредством слов «*целями наказания являются…*». **Заключение.** По результатам проведенного исследования автор пришел к выводу, что в едином многоступенчатом процессе достижения целей уголовного наказания общее и частное предупреждение должны дополнять друг друга и сочетаться на равноправных и компромиссных началах, деятельность по одновременной реализации данных базовых целей наказания составляет ядро – являющейся частью общей системы предупреждения преступности системы уголовно-правовой профилактики наиболее общественно опасной формы социальной девиации – преступного поведения.

Ключевые слова

предупреждение преступлений, борьба с преступностью, уголовное наказание, цели наказания, исправительное воздействие на преступников

Для цитирования: Корсаков, К. В. (2026). Общее и частное предупреждение преступлений: телеологический контекст. *Российский девиантологический журнал*, 6 (3), 526–537.

© Корсаков К. В., 2026

Original paper

General and specific crime prevention: a teleological context

Konstantin V. Korsakov
Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
korsakovekb@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2967-9884

Abstract

Introduction. This paper examines issues relating to general and specific crime prevention – which are of current relevance to criminology and criminal law doctrine – in the context of their legislative objectives. The article highlights the shortcomings in the existing legislative wording of the objectives of general and specific deterrence and proposes directions and ways to address them. It identifies the main means of achieving general and specific deterrence of criminal behavior, as well as the criteria for their effectiveness, in prison practice and in the process of legislative criminalisation. Controversial issues concerning the relationship between general and specific prevention, as well as so-called 'legal' rehabilitation as objectives of criminal punishment, are examined. ***Research methods.*** The methodological framework of the study comprised a combination of general scientific methods (generalisation, induction and deduction, analysis and synthesis) and discipline-specific methods (historical-legal and documentary analysis – analysis of the texts of statutory instruments, etc.). ***Results.*** The findings of this study are of theoretical significance and are also reflected in specific legislative proposals and recommendations**.** It is proposed to amend the content of Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation: to remove the word 'new' from it and to reword the section relating to general and specific prevention as follows: "…the prevention of offences being committed by convicted persons and other individuals". Furthermore, in view of the identified contradiction, a proposal has been put forward to remove the word 'applies' from the wording of Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation and to reformulate the legal provision in that part of the article using the words "the aims of punishment are…". ***Conclusion.*** Based on the findings of this study, the author has concluded that, within a unified, multi-stage process of achieving the objectives of criminal punishment, general and specific deterrence must complement one another and be combined on an equal footing and through compromise. Efforts to simultaneously achieve these fundamental objectives of punishment form part of the overall system of crime prevention – a system of criminal law-based prevention of the most socially dangerous form of social deviance: criminal behavior.

Keywords

crime prevention, fight against crime, criminal punishment, aims of punishment, correctional effect on offenders

For citation: Korsakov, K. V. (2026). General and specific crime prevention: a teleological context. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 526–537.

Введение

Проведенное исследование преследовало цель выяснения специфики и возможностей превентивного воздействия на преступное поведение в ракурсе целевых установок уголовного наказания. Его новизна и оригинальность определяются установлением многоступенчатой диалектической связи между общим и частным предупреждением, позволившей

рассмотреть деятельность по одновременной реализации данных базовых целей наказания как часть общей системы предупреждения преступности – системы уголовно-правовой профилактики наиболее общественно опасной формы социальной девиации – криминального поведения.

Общее предупреждение (генеральная превенция) и частное предупреждение (специальная превенция) представляют собой два взаимосвязанных аспекта, модуса предупредительной функции наказания, которая непосредственно направлена на предотвращение преступного поведения в обществе. В российском уголовном законодательстве эти форматы предупредительной активности нашли отражение в ч. 2 ст. 43 УК РФ: «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». Между тем важно обратить внимание на несовершенство указанной формулировки: в ней цель общей превенции слита воедино с целью частной превенции – они обозначены в тексте закона как «предупреждение совершения новых преступлений», что и в уголовно-правовой доктрине, и на практике порождает сложности в понимании, трактовке и толковании.

Для большинства юристов и ученых-криминологов очевидно, что здесь имеется в виду предупреждение совершения новых преступных деяний как самим осужденным, так и третьими лицами (Южанин, 2013). Они солидарны в том, что был применен концептуальный подход, аналогичный содержащемуся в ч. 1 ст. 1 УИК РФ, в которой закреплено, что уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, и использованный в ч. 2 ст. 3.1 КоАП РФ, в которой установлено, что административное наказание применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами. Заметим, что эта норма административного права более конкретна и ясна, чем уголовно-правовая; в ней, помимо этого, слова «в целях», а не «с целью» прямо указывают на то, что в тексте закона ведется речь о двух отдельных целях – генеральной и специальной превенции, как некогда в ст. 20 УК РСФСР 1960 г.

Изложение целей общей и специальной превенции в УК РФ неидеально еще и потому, что предупреждение, о котором в нем ведется речь, затрагивает не только совершившего преступление и наказываемого во избежание совершения им новых деликтов, и не только индивидов, ранее допускавших правонарушения и не понесших за них наказаний, но и людей, которые преступлений никогда не совершали и даже не планировали совершать. Большинство таких людей не совершают преступления не из-за страха перед наказанием, а в силу своих моральных убеждений и воспитания. Однако и в их жизни возникают сложные ситуации и обстоятельства, провоцирующие совершить преступление, и тогда на помощь нравственным установкам и убеждениям приходит общепредупредительное воздействие уголовного наказания, дополняя их и усиливая останавливающий эффект, укрепляя нуждающееся в поддержании в том числе и за счет норм уголовного права чувство уважения к закону. Как писал В. С. Трахтеров (Трахтеров, 1955), они также являются адресатами данных правовых норм, включая лиц, в целом соблюдающих закон, но способных совершить неосторожное преступление ввиду легкомыслия (самонадеянности) или небрежности, и людей, которые способны пойти на преступление при ослаблении предупредительного воздействия либо в силу стихийных криминогенных событий. Хрестоматийными стали примеры, когда массовые забастовки полицейских в США моментально приводили к всплеску преступности, когда после полного отключения электричества в Нью-Йорке в ночь с 13 на 14 июля 1977 г. в начавшихся грабежах, кражах, разбоях и поджогах приняли участие свыше 100 000 человек, среди которых оказалось много «добропорядочных» американцев. По этой причине слово «новые» представляется нам не совсем уместным.

В контексте общей превенции в отношении воспитательно-профилактической силы и назидательно-поучительного примера назначенного преступнику конкретного наказания оно выглядит вполне естественно (все следующие за ним по времени преступления будут являться «новыми»), но применительно к общепредупредительной угрозе установленного в уголовном законе наказания – нет, так как данная угроза касается абсолютно всех преступлений, не только «новых».

Следует отметить: в среде криминологов-позитивистов (особенно среди тех, кто развивает традиции, заложенные Ф. фон Листом) существует мнение, что многие так называемые случайные преступники, которых эти ученые относят к классу законопослушных граждан, совершивших преступление ввиду случайного стечения обстоятельств, не нуждаются ни в исправлении, ни в частной превенции и, следовательно, в реальной (не условной) мере наказания, так как относятся к разряду обычных людей, не представляющих общественной опасности и не проявляющих антисоциальной девиации в поведении.

Убеждены, что преступные деяния, включая неосторожные, не совершаются случайно (за случай, как известно со времен римского права, никто уголовной ответственности не несет – «casus a nullo praestantur»), и любое, даже неосторожное преступное деяние характеризуется отсутствием должного самоконтроля, необходимой внимательности и дисциплины, относящимся к изъянам и дефектам сознательно-волевой сферы личности. Поэтому такие преступники тоже нуждаются в коррекции их сознания и исправительном воздействии, не столь интенсивном, конечно, как убежденные преступники-рецидивисты. Разделение же людей на добропорядочных и недобропорядочных (честных и нечестных, нравственных и безнравственных, общественно опасных и общественно безопасных, добрых и злых, преступников и непреступников и т. д.) носит условный характер, так как все люди способны меняться в ту или иную сторону и сочетают в себе самые разные черты характера. Преступление же – релятивное понятие, конструирующееся политиками и правоведами, о чем говорил еще К. Маркс: «Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их» (Marx, 1859).

Для подтверждения релятивизма, о котором идет речь, в криминологии и социологии уголовного права часто используется ставший уже классическим пример с дихотомией «шпион–разведчик»: один и тот же человек (и это порождает трудности у представителей позитивизма в криминологической науке с отнесением его личности к какому-либо типу или классу преступников) в одной стране будет считаться героем, награждаться, почитаться и ставиться в пример подрастающему поколению, а в другой стране – считаться наиболее опасным и злостным преступником (в некоторых юрисдикциях подлежащим смертной казни). Криминолог А. М. Яковлев писал, что никаких качественных отличий личности преступника от непреступника не существует (Яковлев, 1985), а Л. В. Кондратюк предлагал вообще отказаться от понятия «личность преступника», так как оно предполагает «априорное существование “личности непреступника” – некой стерильной человеческой категории» (Кондратюк, 2001, с. 85).

На наш взгляд, следует изменить содержание ч. 2 ст. 43 УК РФ и изложить его в части, касающейся общей и частной превенции, следующим образом: «*предупреждение совершения преступлений осужденным и другими лицами*». Закрепление в законе слова «новые» по отношению к профилактируемым преступлениям ведет к умалению превентивной роли уголовного наказания, так как получается, что оно касается лишь повторности преступлений – уголовно-правового и криминологического (фактического) рецидива и рассчитано только на предупреждение новых преступлений с чьей бы то ни было стороны, а не преступлений в целом, т. е. безотносительно уже совершенных.

Желая переформулировать цели наказания в УК РФ, Д. А. Добряков и Т. Ф. Минязева пишут: «Проще всего, как представляется, было бы реализовать в тексте закона утверждение

С. В. Познышева о том, что наказание может иметь своей целью лишь единственное предупреждение новых преступлений…» (Минязева и др., 2017, с. 223), ссылаясь на его труд «Основные начала науки уголовного права». Однако ни в издании 1907 г., ни в издании 1912 г. С. В. Познышев слово «новые» не использует, а говорит о «предупреждении преступлений» (Познышев, 1907; 1912). Подход отечественного классика пенологии и криминологии видится нам точным и подтверждающим наши предложения в порядке de lege ferenda. Заметим, что слово «новые» не употребляется и в тексте ч. 1 ст. 2 УК РФ, в которой в качестве одной из задач УК РФ закреплено «предупреждение преступлений». Его исключение из содержания ч. 2 ст. 43 УК РФ будет способствовать согласованности целей уголовного наказания с задачами уголовного законодательства, необходимость которой диктуется тем, что без сопряжения с целями наказания задачи уголовного законодательства поставлены быть не могут, так как уголовное наказание и иные меры уголовно-правового характера выступают главными и первостепенными инструментами реализации норм уголовного права.

Примечательно: в принятом в 2021 г. Уголовном кодексе Киргизской Республики в ч. 2 ст. 59 закреплено, что «целями наказания лица являются исправление и ресоциализация виновного, предупреждение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости», тогда как принятый в этом же году Уголовный кодекс Республики Армения отказался от слова «новый» в определении целей наказания. В части 2 ст. 55 данного закона отмечено: «Целью наказания является восстановление социальной справедливости, ресоциализация подвергнутого наказанию лица и предупреждение преступлений». Заметим, что обе эти кодификации, как и многие другие законодательные своды последних лет, при определении целей наказания, в отличие от УК РФ, не используют слово «применяется».

Поскольку в отечественной теории уголовного права применение уголовного наказания чаще всего понимается как деятельность, охватывающая только стадии его назначения и исполнения, но не этап установления наказания в законе (пенализацию), хотя именно с него начинается процесс использования правового института наказания государством и преследования целей наказания, по нашему мнению, из формулировки ч. 2 ст. 43 УК РФ следует исключить слово «применяется» и начать изложение нормы права из этой части следующим образом: «*целями наказания являются…*» (это изменение приведет в соответствие содержание ст. 43 УК РФ с ее названием, которое сформулировано как «Понятие и цели наказания», а не «Понятие и цели применения наказания»).

Если критерием эффективности реализации цели частной превенции является отсутствие рецидива, то в отношении цели генеральной превенции им выступает не только несовершение преступных посягательств, но и динамика преступности, включая изменения ее объема и структуры (значительное снижение тяжести совершаемых преступлений тоже может свидетельствовать об успехах общего предупреждения), уровень законности и правопослушания, уважения к закону, надлежащего исполнения основных и охраняемых уголовным правом правил общежития. Эти показатели могут быть измерены как с помощью криминологической и уголовно-правовой статистики, так и посредством социологических и криминологических методов – опросов, анкетирования, документарного метода, интервьюирования и т. д.

Некоторые авторы предлагают дополнить диспозицию ч. 2 ст. 43 УК РФ такой целью, как воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения законов. Мы не поддерживаем такую инициативу, так как считаем, что воспитательное влияние на граждан – это не цель уголовного наказания, а одна из его функций, которая помогает достичь цели превенции наряду с иными видами деятельности (правовым информированием, уголовно-правовой пропагандой и агитацией, уголовно-правовым обучением). В связи с этим считаем верным утверждение о том, что «предупреждение совершения новых преступлений как цель уголовного наказания

достигается путем воспитательно-профилактической работы с лицами, виновными в совершении преступлений, а также путем формирования в обществе уверенности в неотвратимости наказания за совершение преступления»[1].

Воспитательно-психологическое воздействие на население (в отношении правопослушных добропорядочных граждан такое воздействие часто именуется нормостабилизирующим), прежде всего, достигается за счет того, что неукоснительно и безотлагательно следующее за преступлениями уголовное наказание развеивает какие бы то ни было привлекательные, притягательные стороны преступной идеологии, подавляет желания совершить преступление. Важно, что оно укрепляет внутриличностную нравственную аргументацию против любых форм криминальной активности, усиливает моральные запреты и обеспечивает правопослушный образ поведения.

И. В. Шмаров, выделявший в общепредупредительном воздействии наказания мотивационный эффект, удерживающий «неустойчивых» лиц, и воспитательный эффект, выражающийся в выработке «правового убеждения» у остальной части общества, писал, что реализация цели генеральной превенции повышает уровень правосознания населения (Шмаров, 1969). К похожим выводам о том, что наказание обладает общепредупредительным действием трех видов (оно может иметь эффект устрашения, может усиливать моральные запреты и может стимулировать привычное законопослушное поведение) пришел норвежский ученый-криминолог, разработчик пенологической теории удержания И. Анденес (Анденес, 1979).

Мы не разделяем позицию, согласно которой общая превенция не распространяется на людей, подвергнутых наказанию, поскольку в отношении них она не сработала (что повлекло необходимость реализации целей частного предупреждения и исправления). Убеждены: информация о том, что в уголовный кодекс включена новая статья (предусматривающая ответственность за преступление, однородное с совершенными ими, и т. п.) со строгими наказаниями в санкции, или система (перечень) наказаний дополнилась новым видом наказания с большим репрессивным объемом, или параметры уголовной кары (формы, размеры, сроки и пр.) за совершенные наказанными преступления были существенно увеличены, или был отменен мораторий на смертную казнь и т. д., может оказать общепредупредительное воздействие в разной степени и на лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Однако не только законодательные изменения детерминируют последнее. Если человек совершил преступление небольшой тяжести и тем самым пренебрег угрозой наказания за него, то это не означает, что угроза гораздо более строгих наказаний за более тяжкие преступления не подействовала (по этой причине отбывающие наказание, например за кражу или побои, не будут совершать убийства и другие особо тяжкие преступления и после назначения наказания, т. е. общепревентивное воздействие на них будет сохранятся).

Доводы, что во все времена существовали и продолжают существовать индивиды, на которых угроза наказания не действует, а преступные деяния в немалом количестве совершаются во всех странах мира, несмотря на установленные за них в законах наказания, не отрицают постановки цели общей превенции, так как в большинстве случаев усредненно рассчитанная на обычных, среднестатистических ординарных людей, не обделенных благоразумием, рассудительностью и здравомыслием, угроза наказания все же действует, а неабсолютная непреодолимость какого-либо препятствия не превращает его в бессмысленное и бесполезное, и если бы уголовные наказания не были установлены в законах, то преступления совершались бы везде в гораздо больших масштабах.

На современном этапе общепревентивный эффект уголовного наказания повысился. Это связано не только с развитием образования и общей культуры населения, но и с экономическими,

[1] Беспалов, Ю. Ф., Беспалов, А. Ю., & Гордеюк, Д. В. (2015). *Правила назначения уголовного наказания: Учебно-практическое пособие для судей* (2-е изд., перераб. и доп.). Проспект. С. 9.

социально-психологическими изменениями: улучшилось качество жизни, разнообразились формы досуга и способы самореализации, усилились самоуважение, осознание собственной значимости и уникальности, чувства собственного достоинства и личной независимости. Эти явления и процессы усиливают нежелание людей подвергнуться уголовному наказанию, особенно связанному с изоляцией от социума: растущая и все более остро ощущающаяся ценность индивидуальной свободы повышает цену такой формы наказания в общественном сознании.

Цель специальной превенции предполагает недопущение повторения криминального поведения со стороны преступника за весь следующий за наказанием период. Встречающееся в литературе ограничение данной цели лишь временем отбывания наказания (Шмаров, 1968) неоправданно, так как не только лишает такой цели все несрочные виды наказания, но и снижает ее предупредительное значение: общество заинтересовано в несовершении преступлений не за какой-то (нередко короткий) промежуток времени, когда осужденный находится под контролем пенитенциарных органов и учреждений, а в течение всей жизни с момента назначения судом любого вида наказания. Однако в XIX–XX вв. выделялась такая цель уголовного наказания, как обезвреживание (физическое, механическое и пр.) или обезоруживание, под которым понималось лишение фактической возможности совершать преступления и которое может быть ограничено по времени – сроком исполнения наказания (данных ограничений не имеют, например, смертная казнь и такие известные истории уголовного права изуверские формы обезвреживания, как ослепление и древнескандинавское наказание «хеймнар» (heimnar) – отрубание рук и ног).

В положениях а. 2 ст. 42 Уголовного кодекса Республики Узбекистан выделена аналогичная цель – воспрепятствование продолжению преступной деятельности. Подчеркнем, что обезвреживание не тождественно частной превенции и не сводимо к ней – оно представляет собой один из элементов специального предупреждения, которое направлено «и на душу, и на тело» наказываемого, т. е. предполагает воздействие как на сознание и психику осужденного, так и на внешние условия и обстоятельства – место нахождения, обстановку, среду и прочие для нейтрализации возможности совершения им преступления.

В настоящее время в российском уголовном законодательстве данная цель обоснованно не отражена: во-первых, она охватывается целью частной превенции, во-вторых, она не может быть распространена на все формы уголовного наказания и касается преимущественно наказаний, связанных с изоляцией от общества (исключениями являются смертная казнь, химическая кастрация и т. п.), причем с большой долей условности, так как совершить преступление возможно и при их отбывании (в отношении других осужденных, персонала либо администрации пенитенциарного заведения или же третьих лиц (например, мошенничество с использованием средств дистанционной связи)). В то же время следует обратить внимание, что сегодня в России используется форма уголовного наказания, которая большей частью направлена именно на лишение осужденного фактической возможности совершать определенные преступления – устанавливаемое на конкретный срок лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Направленность на достижение цели частного предупреждения четко прослеживается в положениях ч. 5 ст. 18 УК РФ, согласно которым рецидив преступлений влечет более строгое наказание: недостаточность первого наказания и отсутствие необходимого результата приводят к усилению повторного наказания. В юридической литературе нередко проводится мысль о бесперспективности применения уголовного наказания, включая лишение свободы, по отношению к опасным и особо опасным рецидивистам, однако криминологические наблюдения говорят об обратном: достигнув определенного возраста (в котором происходит ухудшение

физического здоровья, жизненного тонуса, сопротивляемости негативным условиям внешней среды и т. д.), устав и обессилив от регулярно налагаемого наказания в виде лишения свободы, строгость условий отбывания которого постоянно увеличивается, преступники-рецидивисты часто прекращают совершать преступления («завязывают») и начинают вести законопослушный образ жизни – в этом случае за счет своего многократного применения уголовная кара достигает цели частного предупреждения. Нежелание вновь подвергнуться наказанию может быть усилено и другими факторами. Так, в ходе глубинного интервью преступник-рецидивист заявил: «Я на зону больше не вернусь. Хватит. Устал. У меня внучка растет. Я своих детей почти не видел, так как вся жизнь за решеткой прошла, теперь хочу с внучкой общаться, заботиться о ней»[2].

В формировании условий для реализации цели частного предупреждения важную роль играет градация осужденных к лишению свободы – их разделение на классы в зависимости от их особенностей и характеристик, законодательной основой которого является закрепляющая принцип раздельного содержания осужденных к лишению свободы ст. 80 УИК РФ. Среди методов и средств осуществления такой цели в местах лишения свободы, помимо психолого-педагогических, дисциплинарных мер (применяемых к нарушителям порядка отбывания наказания мер взыскания в порядке ст. 115 УИК РФ) и др., выделяется такой способ организации исполнения наказания, при котором правовое положение осужденного изменяется в сторону увеличения или уменьшения объема прав и обязанностей в зависимости от его поведения в период отбывания наказания. Этот способ получил название прогрессивной системы исполнения наказаний (в законодательстве этот устоявшийся в научной доктрине термин не отражен). Прогрессивная система исполнения наказаний напрямую направлена на стимулирование правопослушного поведения со стороны осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений, также она служит делу их исправления и социальной адаптации.

К числу средств достижения цели специальной превенции можно отнести индивидуализацию наказания, при которой наибольшее значение имеет учет судом формы вины, мотивов и целей совершения преступления, а также особенностей личности подсудимых (наличие либо отсутствие рецидива и пр.), так как одно и то же уголовное наказание в отношении разных категорий преступников действует неодинаково. Частное предупреждение, как и исправление, не может осуществляться в отрыве от личности (заметим, что даже социальная справедливость восстанавливается путем воздействия на личность), однако на практике недопустимы как переоценка личностных свойств и качеств правонарушителя в ущерб оценке совершенного им преступного деяния, так и заострение внимания только на объективных составляющих и вредных последствиях преступления – любые крайности и перекосы в данном вопросе ухудшают предупредительный эффект уголовного наказания.

В отечественной пенологии и науке уголовного права был период, когда цели общего и частного предупреждения противопоставлялись либо одна из этих целей объявлялась приоритетной, превалирующей. Например, М. А. Чельцов-Бебутов умалял значение общепревентивного воздействия уголовного наказания, аргументируя это тем, что действие обращенной ко всем гражданам угрозы наказания «можно установить только путем отвлеченных выкладок в кабинете» (Чельцов-Бебутов, 1926, с. 8). С позиций одинаковой важности рассматривал эти предупредительные цели Г. Ю. Маннс (Маннс, 1926), но впоследствии в советской уголовно-правовой доктрине цель общего предупреждения стала интенсивно разрабатываться – вплоть до того, что некоторые известные советские ученые (И. М. Гальперин, М. А. Ефимов и др.)

[2] Глубинное интервьюирование фокусированного (полустандартизированного) формата, сочетающего элементы структурированного и неструктурированного интервью, проводилось на условиях конфиденциальности в октябре 2025 г. в г. Екатеринбурге.

начали научно обосновывать и оправдывать усиление («накидку») строгости наказания с учетом распространенности определенных преступлений и вследствие этого заслонять задачу частной превенции. На это обстоятельство А. Л. Цветинович отреагировал так: «Нет оснований говорить о примате цели общего предупреждения перед целью специального предупреждения. Более того, есть все основания утверждать, что практически при назначении наказания на первый план выдвигаются его цели, относящиеся к лицу, совершившему преступление: специальная превенция и, особенно, исправление и перевоспитание» (Цветинович, 1989, с. 14). С данным утверждением можно согласиться, так как в нем ведется речь о стадии назначения уголовного наказания, а не стадии его установления в законе, для которой цель общего предупреждения особенно важна.

Цель частного (специального) предупреждения и цель исправления, которая реализуется наряду с первой, близки. Они нередко смешиваются, несмотря на их разграничение в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве. Порой утверждается, что одна из них поглощается другой, как это делает, например, В. А. Толстик, полагающий, что «смысл цели исправления осужденного полностью охватывается целью частной превенции и с этой точки зрения выделение ее в качестве самостоятельной цели является излишним» (Толстик, 2017, с. 145). Исправление нередко объявляется средством достижения цели специального предупреждения (Санташов, 2015; Тагиев, 1989), или частная превенция выдается за задачу в реализации цели исправления (Чернов, 2001).

Полагаем, что их нужно различать и соотносить как программу-минимум (специальное предупреждение) и программу-максимум (исправление). В действующем уголовно-исполнительном законодательстве исправление определяется как формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения. Очевидно, что такой сложный процесс имеет своим результатом глубокие изменения в сознании, психике и поведении человека, тогда как итог специального предупреждения выражается в отсутствии рецидива преступлений со стороны осужденного. Совершение им в будущем других правонарушений (административных и пр.) и аморальных проступков оказывается за рамками этой цели, однако не за рамками цели исправления.

Частная превенция достигается посредством карательного содержания наказания, вызывающего у осужденного нежелание (боязнь, опасение) вновь ему подвергнуться, лишения или существенного затруднения возможности совершить новое преступление (в частности, при лишении свободы – изоляцией от общества, блокировкой доступа к средствам и орудиям, необходимым для совершения преступления, решением задачи по оказанию помощи в социальной адаптации и пр., при ограничении свободы – запретами не уходить из места постоянного проживания в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах населенного пункта и пр.), раздельного содержания различных категорий осужденных, постоянного надзора, охраны, оперативных мероприятий, дисциплины и регламентации поведения за счет режима в исправительных учреждениях – порядка исполнения и отбывания лишения свободы.

Цель специального предупреждения будет достигнута, если осужденный перестанет совершать преступления только из-за страха снова подвергнуться уголовному наказанию, однако это не будет означать, что внутри, в своей душе, он по-настоящему исправился, изменился нравственно и духовно (точно так же условно-досрочному освобождению от отбывания наказания может быть подвергнут осужденный, который примерно себя вел, не имел взысканий, трудился, загладил вред, причиненный преступлением, и т. д., однако подлинно не исправился. В среде ученых-криминологов такая ситуация известна как «формирование хороших

заключенных, а не хороших людей»[3]. Безусловно, при достижении цели исправления автоматически достигается и цель специального предупреждения, однако достижение последней не может гарантировать реализации цели исправления.

С частным предупреждением в наибольшей степени сближается так называемое юридическое (внешнее, гражданское) исправление, итогом которого являются формальное соблюдение юридических норм и предписаний, правоподчиненность вне зависимости от внутренних, психологических причин и мотивов. Однако формулировка УИК РФ отражает расширенное понимание исправления – она говорит о более трудном в плане достижения нравственном (внутреннем, моральном) исправлении (уже по той причине, что она включает формирование уважительного отношения не только к социальным нормам, но и к традициям, к труду, к обществу и к человеку) – изменении мировоззрения, жизненных идеалов и ценностей осужденных.

Достижение этой цели наказания требует использования большого числа мер исправительно-воспитательного воздействия. К ним относятся средства, связанные с изменениями режима и условий изоляции от общества, с применением мер поощрения и взыскания, с привлечением к труду и развитием творчества, с получением образования, профессиональной подготовкой и возможностью самообразования, с позитивным психологическим и педагогическим влиянием на мировоззрение и поведение осужденных, с их религиозным (духовным) возрождением и др.

Мнение о совпадении сути юридического исправления и частного предупреждения, полное отрицание возможности нравственного исправления осужденных и отмеченная выше неопределенность формулировки целей превенции в ч. 2 ст. 43 УК РФ привели Р. Ш. Уразбаева к выводу о том, что в указанной статье говорится не о специальной превенции, а только о генеральном (общем) предупреждении (Уразбаев, 2017). Однако данный вывод противоречит правовой норме ч. 1 ст. 1 УИК РФ; его признание будет означать, что в ней содержится явная и грубая стилистическая ошибка (тавтология): используя слова «исправление осужденных» и «предупреждение совершения новых преступлений осужденными» законодатель передает идентичную информацию, т. е. повторяет то же самое, только другими словами.

Подводя итог данного исследования, отметим, что в едином многоступенчатом процессе достижения целей уголовного наказания общее и частное предупреждение должно осуществляться сообща, дополнять друг друга и сочетаться на равных и компромиссных началах. Деятельность по одновременной реализации центральных целей уголовного наказания составляет ядро являющейся частью общей системы предупреждения преступности системы уголовно-правовой профилактики наиболее общественно опасной формы социальной девиации – преступного поведения.

Список литературы

Анденес, И. (1979). *Наказание и предупреждение преступлений* (В. М. Коган, пер.; Б. С. Никифоров, ред.). Прогресс.

Кондратюк, Л. В. (2001). *Антропология преступления (микрокриминология)*. НОРМА.

Маннс, Г. Ю. (1926). *Общее и специальное предупреждение в уголовном праве*. Власть труда.

Минязева, Т. Ф., & Добряков, Д. А. (2017). Наказание – не панацея от преступности. *Вестник Томского государственного университета*, (425), 222–227. https://doi.org/10.17223/15617793/425/30

Познышев, С. В. (1907). *Основные начала науки уголовного права. Выпуск первый*. Университетская типография.

[3] Козаченко, И. Я., & Корсаков, К. В. (2021). *Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета* (2-е изд., испр. и доп.). Юрайт. С. 82.

Познышев, С. В. (1912). *Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права*. А. А. Карцев.

Санташов, А. Л. (2015). О необходимости унификации целей наказания в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, (4), 51–56.

Тагиев, М. Н. (1989). *Уголовное наказание в системе мер воздействия на преступность*. ИФиП АН АзССР.

Толстик, В. А. (2017). К вопросу о противоречивости целей и принципов юридической ответственности (наказания). *Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского*, (6), 143–147.

Трахтеров, В. С. (1955). О задачах наказания по советскому уголовному праву. В *Ученые записки: сборник научных трудов. Выпуск 6* (с. 3–11). Харьковский государственный университет им. А.М. Горького.

Уразбаев, Р. Ш. (2017). О достижимости и приоритетности целей наказания. *Вестник экономики, права и социологии*, (4), 218–225.

Цветинович, А. Л. (1989). *Дополнительные наказания: Функции, система, виды*. Саратовский университет.

Чельцов-Бебутов, М. А. (1926). Специальное и общее предупреждение. *Вестник советской юстиции*, (1), 4–9.

Чернов, А. Д. (2001). *Актуальные проблемы уголовного наказания* [Диссертация доктора юридических наук].

Шмаров, И. В. (1968). Критерии и показатели эффективности наказаний. *Советское государство и право*, (6), 57–64.

Шмаров, И. В. (1969). Эффективность общепредупредительного воздействия наказания. *Советское государство и право*, (11), 98–104.

Южанин, В. Е. (2013). Предупредительные возможности наказания. *Человек: преступление и наказание*, (3), 49–53.

Яковлев, А. М. (1985). *Теория криминологии и социальная практика*. Наука.

Marx, K. (1859, September 16). From population, crime and pauperism. *New-York Daily Tribune*. https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/09/16.htm

References

Andenes, I. (1979). *Nakazanie i preduprezhdenie prestuplenii* (V. M. Kogan, per.; B. S. Nikiforov, red.). Progress.

Kondratiuk, L. V. (2001). *Antropologiia prestupleniia (mikrokriminologiia)*. NORMA.

Manns, G. Iu. (1926). *Obshchee i spetsial'noe preduprezhdenie v ugolovnom prave*. Vlast' truda.

Miniazeva, T. F., & Dobriakov, D. A. (2017). Nakazanie – ne panatseia ot prestupnosti. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (425), 222–227. https://doi.org/10.17223/15617793/425/30

Poznyshev, S. V. (1907). *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava. Vypusk pervyi*. Universitetskaia tipografiia.

Poznyshev, S. V. (1912). *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava. Obshchaia chast' ugolovnogo prava*. A. A. Kartsev.

Santashov, A. L. (2015). O neobkhodimosti unifikatsii tselei nakazaniia v ugolovnom i ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, (4), 51–56.

Tagiev, M. N. (1989). *Ugolovnoe nakazanie v sisteme mer vozdeistviia na prestupnost'*. IFiP AN AzSSR.

Tolstik, V. A. (2017). K voprosu o protivorechivosti tselei i printsipov iuridicheskoi otvetstvennosti (nakazaniia). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo*, (6), 143–147.

Trakhterov, V. S. (1955). O zadachakh nakazaniia po sovetskomu ugolovnomu pravu. V *Uchenye zapiski: sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 6* (s. 3–11). Khar'kovskii gosudarstvennyi universitet im. A.M. Gor'kogo.
Urazbaev, R. Sh. (2017). O dostizhimosti i prioritetnosti tselei nakazaniia. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, (4), 218–225.
Tsvetinovich, A. L. (1989). *Dopolnitel'nye nakazaniia: Funktsii, sistema, vidy*. Saratovskii universitet.
Chel'tsov-Bebutov, M. A. (1926). Spetsial'noe i obshchee preduprezhdenie. *Vestnik sovetskoi iustitsii*, (1), 4–9.
Chernov, A. D. (2001). *Aktual'nye problemy ugolovnogo nakazaniia* [Dissertatsiia doktora yuridicheskikh nauk].
Shmarov, I. V. (1968). Kriterii i pokazateli effektivnosti nakazanii. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, (6), 57–64.
Shmarov, I. V. (1969). Effektivnost' obshchepredupreditel'nogo vozdeistviia nakazaniia. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, (11), 98–104.
Yuzhanin, V. E. (2013). Predupreditel'nye vozmozhnosti nakazaniia. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, (3), 49–53.
Yakovlev, A. M. (1985). *Teoriia kriminologii i sotsial'naia praktika*. Nauka
Marx, K. (1859, September 16). From population, crime and pauperism. *New-York Daily Tribune*. https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/09/16.htm

Информация об авторе

Константин Викторович Корсаков - старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, кандидат юридических наук, доцент.

About the author

Konstantin V. Korsakov – Senior Research Fellow in the Department of Law at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 06.06.2026
Одобрена после рецензирования 08.08.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted June 06, 2026
Approved after reviewing August 08, 2026
Accepted October 26, 2026

Обзорная статья

УДК 316.624

Современная российская девиантология. Социология девиантного поведения и социального контроля : коллективная монография / рук. авт. кол. и ред. Я. И. Гилинский, К. В. Харабет) – Санкт-Петербург : Алетейя, 2026. – 578 с.) (Анонс нового научного исследования)

Константин Васильевич Харабет
Фонд содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова
(Москва, Россия)
harabet@mail.ru
ORCID: 0009-0005-4906-7198

Аннотация

В статье представлен анонс, краткое содержание, основные выводы нового коллективного научного исследования «Современная российская девиантология», подготовленного коллективом авторов – социологов, юристов, психологов, и посвященного большинству основных отечественных девиантологических проблем на современном этапе развития социума.

Ключевые слова

девиантное поведение, девиантность, преступность, трансформация, эмпирическое поле, суициды, наркотики, профилактика девиантности

Для цитирования: Харабет, К. В. (2026). Современная российская девиантология. Социология девиантного поведения и социального контроля. Анонс нового научного исследования. *Российский девиантологический журнал,* 6 (3), 538–543.

Review

Contemporary russian deviantology. Sociology of deviant behavior and social control: collective monograph. Co-heads of the author team and eds. by Ya. I. Gilinsky and K. V. Kharabet. St Petersburg: Aleteya, 2026. 578 p. (Announcement of a new academic study)

Konstantin V. Kharabet
The Foundation for Promoting Scientific Research in the Field of Legal Assurance of Human Security Named After Professor A. A. Ter-Akopov (Moscow, Russia)
harabet@mail.ru
ORCID: 0009-0005-4906-7198

© Харабет К. В., 2026

Abstract
The article presents an announcement, a concise summary, and the principal findings of a new collective research monograph "Contemporary Russian Deviantology". Prepared by an interdisciplinary team of sociologists, lawyers, and psychologists. The study addresses the core domestic issues within the field of deviantology at the current stage of societal development.

Keywords
deviant behavior, deviance, crime, transformation, empirical field, suicides, drugs, deviance prevention

For citation: Kharabet, K. V. (2026). Contemporary russian deviantology. Sociology of deviant behavior and social control. Announcement of a new academic study. *Russian Journal of Deviant Behavior,* 6 (3), 538–543.

На прошедшей 2–6 сентября 2026 г. 39-й Московской международной книжной ярмарке (ММКЯ) «Non-fiction» (Москва, «Гостиный Двор») состоялась презентация вышедшей в начале месяца коллективной монографии «Современная российская девиантология. Социология девиантности и социального контроля», подготовленной авторским коллективом под научным руководством (и в соредакторстве) доктора юридических наук, профессора Я. И. Гилинского и кандидата юридических наук, доцента К. В. Харабета. Книга выпущена массовым тиражом известным в России старейшим петербургским негосударственным издательством «Алетейя» (главный редактор И. А. Савкин), отмечающим в этом году 35-летний юбилей.

Инициатором и идеологом настоящего проекта выступил старейшина отечественной и мировой девиантологической науки профессор Яков Ильич Гилинский, неизменно заряжавший авторский коллектив своей неиссякаемой энергией и исследовательским азартом.

Монографическое исследование, подготовленное большим коллективом ученых (социологов, криминологов, специалистов в области уголовного и гражданского права, психологов и философов), посвящено актуальным проблемам отечественной девиантологии на современном этапе развития общества. В работе рассмотрены как традиционные формы девиации (преступность, пьянство и алкоголизм, суицидальное поведение, наркотизм и др.), так и их новые формы с учетом цифровой трансформации девиантных проявлений. Монография предназначена для научных и практических работников в области социологии и юриспруденции, широкого круга представителей гуманитарного профиля, интересующихся проблемами социальной девиантности.

Рецензентами монографии стали доктор социологических наук, профессор В. И. Ильин, доктор юридических наук, профессор И. Л. Честнов (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор Ю. Е. Пудовочкин (Москва).

Анонсируемое научное издание обладает рядом особенностей. В составе авторского коллектива наряду с широко известными учеными присутствуют совсем молодые авторы. В целом авторский коллектив представлен исследователями ведущих научных девиантологических центров России (Москва, Санкт-Петербург, Краснодар, Тюмень, Казань и др.). По ряду дискуссионных проблем возможность презентовать свою точку зрения предоставлена одновременно нескольким ученым. Профессор Я. И. Гилинский привлек к участию в монографии «не ученого» – самобытного философа Д. А. Теткина, который оригинально отрефлексировал свое понимание девиантности в современном мире.

Структурно монография состоит из трех разделов. Раздел «Теория и история девиантологии» представлен главами мэтра отечественной девиантологии Я. И. Гилинского «Немного о девиантности и девиантологии в обществе постмодерна» и «Немного о методологии и методике девиантологии»; доктора социологических наук, профессора Ю. Ю. Комлева (Казанский

юридический институт МВД России) «Цифровая девиантология: истоки, предмет, методы», доктора социологических наук, профессора И. В. Мкртумовой (Академия МНЭПУ, Москва) «Позитивная девиация как ресурс: салютогенное пространство пожилых людей в условиях пандемии (на материалах социологического исследования в период COVID-19)», доктора социологических наук, доцента А. А. Хагурова (Кубанский государственный университет) «Неклассическая девиантология общества постмодерна: нормы и отклонения в условиях "текучей современности"», доктора социологических наук, профессора Н. П. Щукиной (Самарский национальный исследовательский университет) «Теоретико-методологические основания отечественных девиантологических исследований», а также главой К. В. Харабета «Становление и развитие отечественной девиантологии (краткий обзор)» и философским эссе Д. А. Теткина о девиантности.

Второй раздел монографии «Виды девиантного поведения» содержит следующие главы: доктора юридических наук, доцента И. С. Алихаджиевой (Москва) «Проституция как социальный феномен в обществе постмодерна», кандидата социологических наук, доцента А. А. Гизатулиной (Челябинский государственный университет) «Факторы суицидального риска у военнослужащих по призыву», совместные работы Я. И. Гилинского и К. В. Харабета «Творчество как позитивная девиация», Л. И. Грошевой, И. Л. Грошева, И. А. Грошевой (Тюмень) «Механизмы вовлечения молодежи в делинквентную экономическую активность в цифровой среде», а также Р. К. Кучакова и Д. Е. Серебренникова (Европейский университет в Санкт-Петербурге) «Что такое жертва? Концептуализация виктимизации в опросах», исследование Е. Е. Демидовой (МГУ имени М. В. Ломоносова) «География девиантности», главы доктора психологических наук и доктора педагогических наук, профессора Ю. А. Клейберга (Тверь) «Феноменология концепта "социопатия" в контексте девиантологической науки», А. А. Севостьяновой (Москва) «Место девиантного субъекта в деликтном праве», кандидата юридических наук, доцента В. С. Соловьева (Краснодарский университет МВД России) «Цифровая трансформация сексуальных девиаций», доктора юридических наук, доцента Е. В. Фоменко (РПА Минюста России) «Коррупция и подкуп: девиации в современном обществе постмодерна», доктора социологических наук, профессора М. И. Черепановой (Алтайский государственный университет) «Суициды в мире и России как зеркало социальных проблем».

Третий раздел «Социальный контроль» представлен исследованиями кандидатов социологических наук, старших научных сотрудников Я. Н. Ардельяновой и В. В. Брюно (ФНИСЦ РАН) «Социальный контроль девиантности в России: теория, историческая динамика и современные трансформации», кандидата юридических наук В. В. Радова (МГЮА имени О. Е. Кутафина) «Феномен судимости в девиантологическом измерении», К. В. Харабета «Преступность и иные социальные девиации, связанные с боевой психической травмой (некоторые вопросы феноменологии, этиологии и социального контроля)».

Надеясь на содержательную и доброжелательную встречу новой коллективной монографии с заинтересованными вдумчивыми читателями, обозначим некоторые выводы нашего исследования, изложенные в заключении.

1. В последние годы в России наблюдаются значительные изменения в сфере девиантного поведения, вызванные как глобальными, так и локальными факторами: ростом цифровизации, пандемией COVID-19, военно-политическими событиями на межгосударственном и международном уровне начиная с 2022 г., изменениями социально-экономической обстановки страны и ее граждан. Трансформации усилили существующие проблемы в социуме и привели к появлению новых точек «бифуркации» в социуме и, как следствие, новых моделей деструктивного поведения.

На фоне общего, почти двукратного снижения зарегистрированных тяжких насильственных преступлений, во многом благодаря внедрению профилактических систем безопасности,

существенно выросло число преступлений, преимущественно связанных с информационными технологиями. Цифровая трансформация усилила переход многих форм девиации в онлайн-пространство. Такие явления, как кибербуллинг, онлайн-мошенничество, преимущественно по типу выманивания имущества у наиболее уязвимых групп населения (пенсионеры, несовершеннолетние), хакерство, игромания, распространение наркотиков через DarkNet, рискованное сексуальное поведение и др., стали ключевыми проявлениями нового этапа девиантности. Этот сдвиг не только изменил характер девиантного поведения, но и привел к росту латентности, усложняя социальный контроль и профилактику. Наряду с этим серьезной проблемой остается участие молодежи в деструктивных субкультурах, а также вооруженные нападения в учебных заведениях (скулшутинг) и возникающие экстремистские объединения. Названные изменения позволили социологам говорить о процессе неокриминализации в России и потребовали переосмысления традиционных подходов, поскольку современные девиации все чаще переходят из физического пространства в виртуальное, изменяя саму природу отклоняющегося поведения и проч.

Можно констатировать, что в условиях массированных и разновекторных социальных вызовов повышенной социальной значимости проблемы девиантного поведения современная российская девиантология как межотраслевая социологическая теория переживает затянувшийся методологический кризис. С одной стороны, накоплен значительный массив данных по проблематике девиантности и девиантного поведения, с другой – отмечается выраженная междисциплинарная разрозненность исследований на фоне отсутствия общетеоретической платформы. Рассогласованность методологических подходов в изучении социальной девиантности негативно сказывается и на решении прикладных задач, например, затруднения в комплексной оценке личности с девиантным поведением, снижение эффективности коррекционно-профилактических мер социально-правового, медико-санитарного и психолого-педагогического характера. В связи с этим представляется актуальным завершение формирования межотраслевой методологической парадигмы девиантологии на научной платформе социологической науки, объединяющей теорию социальных отклонений В. Н. Кудрявцева и социологию девиантности и социального контроля Я. И. Гилинского. Необходимо завершение формирования институциональной субъектности девиантологии (социологии девиантности) в системе с другими гуманитарными и иными науками (учебными дисциплинами), в том числе через внесение соответствующих изменений в номенклатуру и паспорт учебной и научной дисциплины, возможно, организацию профильных диссертационных советов и проч.

Ученые-девиантологи должны быть готовы к работе с новыми поисковыми и аналитическими продуктами, использующими ИИ, позволяющими с помощью инструментария, связанного с анализом технологии BIG DATA, получать решения синергетического характера по всему спектру проблематики отклоняющегося поведения на массовом и индивидуальном уровнях.

2. «Болевые» моменты и «точки роста» российской девиантологии. Заметной проблемой организационно-правового характера девиантологических исследований стало ужесточение процедур их проведения, а также изменение федерального законодательства о служебной тайне (расширение перечня закрытых для открытого научного обсуждения проблем), иные правовые и политико-идеологические ограничения, военная цензура. Негативное влияние оказывает и естественный уход от активной научной деятельности социологов старшего (советского) поколения, поэтому задача сохранения ведущих девиантологических научных школ представляется весьма важной.

Актуальна и задача сохранения и поддержания тесных связей с зарубежной девиантологической наукой. Требует научного осмысления феномен трансформации девиации в условиях возможного формирования в будущем в России социума по типу «цифрового рабства» (тотального цифрового контроля за населением) и возможных цензурных ограничений работы

интернета. Это общемировая проблема «меры безопасности vs права и свобода человека», оруэллизация мира постмодерна. Риск тотального цифрового контроля весьма реален.

«Новая эмиграция» как массовое социальное явление является новым феноменом, требующим самостоятельного девиантологического осмысления. Как представляется, необходимо помнить опыт и уроки предыдущих волн русской эмиграции. Задача общества – несмотря ни на что проводить доброжелательную политику, направленную на возвращение своих граждан на Родину.

Актуально изучение особенностей девиантного поведения среди пожилых групп населения в силу неуклонного увеличения в обществе доли этого населения и их неизбежного отставания от технологических новелл. Продуктивно дальнейшее изучение и подтверждение на прикладном уровне теории баланса негативных и позитивных социальных отклонений.

В современных условиях повышается значимость разработки вопросов военной девиантологии на стыке с проблематикой социологии катастроф. Девиантологическая проблематика в России более-менее системно изучается на протяжении около 150 лет, в связи с чем уместно поставить вопрос о разработке историко-онтологического аспекта как самостоятельного раздела.

3. Полагаем, существенное улучшение в России феноменологической ситуации по всему спектру негативных социальных девиаций будет зависеть от наступления позитивных социально-экономических и политических изменений: возврата к политике добрососедства и мирного сосуществования на мировой арене, роста экономики и ВВП, повышения качества жизни («индекса счастья») среди основных групп населения России, отмены фактической цензуры и большинства правовых ограничений, действующих в настоящее время, надежной судебной защиты прав и свобод личности и собственности, как следствие, снижения уровня тревожности в обществе и др.

В целом исследования в рамках коллективной монографии подтвердили, что девиантология в современных условиях выступает не только как область регистрации социальных отклонений, но и как пространство рефлексии над границами нормы, механизмом социальной интеграции, условиями воспроизводства общественной устойчивости, прогнозированием возможных точек «бифуркации» и зарождением новых негативных процессов в Универсуме (по Н. Н. Моисееву). Разноплановые главы монографии задают продуктивное направление для дальнейших полипарадигмальных исследований в рамках всего спектра научного дискурса (классическая девиантология, девиантология постмодерна и др.), ориентированных при этом на сочетание научной строгости, социальной ответственности и ценностной чувствительности (в рамках конкретной парадигмы). Актуальность развития науки видится в направлении расширения «полевых» девиантологических исследований в стране и их «репертуара», вовлечения в научное творчество молодого поколения социологов-девиантологов.

Считаем продуктивным подход, определяющий ведущую профилактическую роль духовно-нравственного фактора (рассматриваемого как систему мер воспитательного и морально-нравственного характера – внутрисемейного, школьного, вузовского, основанную на ценностях традиционных мировых религий, – этого метаправа большинства правовых систем современности, а также культурного наследия человечества, без шовинизма, клерикализма, национализма и милитаризма) в стратегиях и программах, направленных на предупреждение наиболее опасных видов социальных девиаций (вместо расширения и ужесточения уголовно-правовых и административно-правовых репрессий).

Видится важным прозвучавший в монографии методологический вывод о том, что для российской модели социального контроля над девиациями принципиален вопрос о способности действующей системы своевременно различать девиации и те формы отклонения, которые в режиме обратной связи сигнализируют о дисфункциях (существенном сбое) в функционировании

государственных институтов или становятся адаптивным ответом на меняющиеся условия, и реагировать на них. Дальнейшее развитие российской модели будет зависеть не от простого наращивания количества камер, размеров штрафов и эффективности «блокировок». Гораздо важнее – способность встроить в контроль механизмы обратной связи, защиты от стигматизации, справедливой процедуры и легитимных каналов социальной критики.

Серьезным вызовом для современной российской девиантологии становится разработка межотраслевого аналитического языка, способного с позиции методологии дополнительности описывать девиацию одновременно как симптом глубоких социальных трансформаций и как процесс поиска субъектности. Решение данной задачи предполагает отказ как от упрощенного морализаторства, так и от излишнего методологического релятивизма в пользу комплексного анализа, учитывающего структурные, культурные и психологические измерения отклоняющегося поведения и ориентированного на укрепление адаптационного и интеграционного потенциала общества.

Перспективы российской девиантологии связаны с необходимостью расширения и углубления исследований, учитывающих социальные и кросс-культурные изменения, происходящие в нашем обществе и мировом социуме. Важно продолжать изучение наряду с новыми формами традиционных форм девиации (преступность, пьянство и алкоголизм, суицидальное поведение, наркотизм и др.) с учетом их современных проявлений. Особое внимание должно быть уделено исследованию социальных, психологических и иных детерминант, включая влияние социальных сетей, меняющейся политической ситуации, экономических кризисов и миграционных процессов.

Авторский коллектив надеется, что новая монография внесет посильный вклад в дальнейшее развитие теоретических основ и прикладных вопросов отечественной социологии девиантности и социального контроля. Мы также готовы к конструктивной критике и будем рады любой содержательной обратной связи от наших читателей.

Об авторе

Константин Васильевич Харабет – исполнительный директор Фонда содействия научным исследованиям в области правового обеспечения безопасности человека имени профессора А. А. Тер-Акопова, кандидат юридических наук, доцент, руководитель исследовательского комитета «Социология девиантного поведения» Российского общества социологов.

About the author

Konstantin V. Kharabet – Executive Director of The Foundation for Promoting Scientific Research in the Field of Legal Assurance of Human Security Named After Professor A. A. Ter-Akopov; Cand. Sci. (Jurid.), Docent, Head of the Research Committee on ‘Sociology of Deviant Behavior’ of the Russian Sociological Society.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 15.09.2026
Одобрена после рецензирования 01.10.2026
Опубликована 26.10.2026

Submitted September 15, 2026
Approved after reviewing October 01, 2026
Accepted October 26, 2026